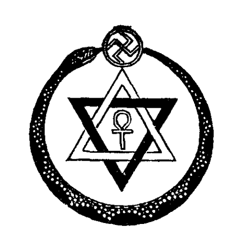

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah
(Нѣтъ религіи выше истины).

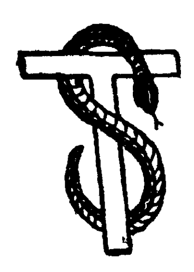
---

7 января.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1911

Спб. Городская Типографія, Садовая, 55, уголъ Вознесенскаго.

От Редакціи „Вѣстника Теософіи".

Вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ полный переводъ книги Эдуарда Шюре „Великіе Посвященные" (очеркъ эзотеризма религій) 410 стр. Цѣна **2** р. **25** к.

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи", подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи" за 1909 и 1910 года имѣется для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по **7** рублей за каждый годъ.

Редакція.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА КНИГУ:

„АВТОБІОГРАФІЯ“

Анни Безантъ,

съ портретомъ. Переводъ *А. Каменской. (Alba).*

Цѣна по подпискѣ **1** руб. **20** к., по выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.

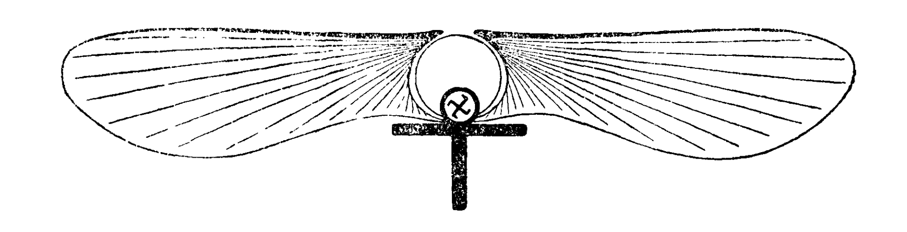
Въ зависимости отъ успѣха подписки, книга можетъ быть выпущена въ началѣ 1911 г.

СОДЕРЖАНІЕ

январьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

SOMMAIRE.

Pages.

Теософія и ея вѣянія въ Россіи.

Съ древнихъ временъ въ русскомъ народѣ живутъ исканіе Бога и исканіе правды. И въ древнихъ миѳахъ, въ былинахъ, въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, всюду громко звучитъ эта нота, призывая къ идеаламъ вѣчнымъ. Эта духовная жажда народа родила—съ одной стороны—большое число всякихъ сектъ, толковъ, братствъ и такое явленіе, какъ странничество; съ другой стороны—она вызвала въ обществѣ и въ литературѣ глубокій интересъ къ народнымъ вѣрованіямъ и идеаламъ, заставила изучать бытъ и психологію народа и положила основаніе ряду движеній, искавшихъ въ этихъ идеалахъ свое обоснованіе. Такъ родилось народничество въ своей наиболѣе глубокой и чистой формѣ. Въ зависимости отъ того или иного историческаго момента народничество принимало разныя окраски и оттѣнки, но основная его черта, тяга въ народъ, была всегда въ немъ выражена съ необычайной яркостью и силой.

За послѣдніе полвѣка народничество выразилось въ нѣсколькихъ послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга волнахъ.

Первая была волна чисто гуманитарно-культурнаго характера. Это было въ 60-ыхъ годахъ, когда тысячи образованныхъ людей, мужчинъ и женщинъ, поставили себѣ цѣлью поднять умственный и нравственный уровень народа, оставили университеты и свои дворянскія гнѣзда и устремились въ деревню въ качествѣ врачей, сельскихъ учителей, мировыхъ посредниковъ, сестеръ милосердія, фельдшеровъ и фельшерицъ. Такое крупное движеніе въ народную массу вызвало въ правительствѣ опасенія, приведшія, какъ извѣстно, къ жестокимъ гоненіямъ. Въ свою очередь эти гоненія вызвали новую волну народничества, революціонную.

Снова кинулись образованные люди въ народъ и разсыпались по деревнямъ, но на этотъ разъ съ цѣлью будить народное

самосознаніе и звать его къ завоеванію своихъ человѣческихъ и политическихъ правъ. Извѣстно, что такихъ попытокъ былъ цѣлый рядъ, и всѣ онѣ кончались болѣе или менѣе трагически.

Какъ вторая, такъ и первая волна, имѣли рядъ отраженныхъ, чрезвычайно интересныхъ движеній (культурныя одиночки, интеллигентныя колоніи, Толстовщина и др.), на которыхъ мы не будемъ останавливаться. Мы теперь перейдемъ къ новой, на нашихъ глазахъ возникающей третьей волнѣ народничества, которая носитъ на себѣ необыкновенно яркій и оригинальный оттѣнокъ. Это народничество, исключительно духовное по характеру, явилось естественно въ моментъ всеобщаго пробужденія, которое вызвало къ жизни огромное число духовныхъ исканій въ видѣ воскресающихъ старыхъ и зарождающихся новыхъ сектъ, толковъ, братствъ. Воскресло и съ столь древнихъ временъ существовавшее въ Россіи явленіе странничества, которое возраждается въ новой формѣ, захвативъ уже не только нижніе слои, но и интеллигенцію.

Это новое движеніе въ народъ устремило свою энергію на цѣли духовныя и облеклось въ религіозную форму. Снова люди образованные оставляютъ города и уходятъ въ глушь, въ степь, на Волгу, на Кавказъ, въ Сибирь. Они уходятъ не для услады созерцательной жизнью въ природѣ или въ скитахъ, но для того, чтобы сѣять слово Божіе, чтобы призывать людей къ духовному воскресенію, къ новой жизни. Они странствуютъ изъ поселка въ поселокъ, ночуютъ вь крестьянскихъ избахъ, работаютъ съ крестьянами, ведутъ съ ними бесѣды и поютъ съ ними гимны. Постепенно они группируютъ вокругъ себя болѣе духовные элементы и призываютъ къ устройству религіозныхъ союзовъ и общинъ по образцу древне-христіанскихъ общинъ первыхъ вѣковъ.

„Ищу, гдѣ люди живутъ по Божьему, говоритъ одинъ такой странникъ, и когда нахожу, то остаюсь съ ними, тружусь, отъ нихъ учусь и самъ дѣлюсь, чѣмъ могу".

— „Все хожу по раскольникамъ, да по сектантамъ, говоритъ другой, ищу формулу для объединенія всѣхъ и призываю ихъ къ работѣ надъ собой и къ новой религіи, религіи-знанію".

— „Все больше чувствую, что мы всѣ есьмы лишь части одного великаго тѣла человѣчества, говоритъ третій, и призываю людей къ познанію этого единства, чтобы не было стѣнъ между людьми, чтобы понимали, что и Будда, и Магометъ, и Христосъ, всѣ одно говорили, всѣ призывали къ милосердію и любви"...

Такихъ боговдохновенныхъ странниковъ появляется все больше и больше на Руси, и всѣ они дѣлаютъ незримо одно ве-

ликое дѣло, засѣвая народныя пашни и подготовляя грядущіе всходы.

Въ настоящемъ очеркѣ мы остановимся на двухъ изъ нихъ: на Викторѣ Даниловѣ и Александрѣ Добролюбовѣ. Оба они—люди образованные, оба многое пережили и оба отдались беззавѣтно дѣлу народнаго служенія.

Ученіе В. Данилова изложено въ его статьяхъ *), и мы коснемся его лишь въ краткихъ чертахъ. Оно сводится къ признанію психо-космической энергіи, исходящей изъ творческаго желанія Бога. Богъ всюду и во всемъ, слѣдовательно и въ насъ самихъ. Его нужно познать, чтобы съ нимъ слиться. Такова философская сторона его ученія. Этическая его сторона основана на ученіи о „дальнемъ" братѣ и о солидарности человѣчества. Отсюда призывъ къ дружной объединенной работѣ и къ духовному обновленію. Именемъ Іисуса Христа, Котораго онъ называетъ „Нашимъ Старшимъ Братомъ", онъ призываетъ къ мистическому пониманію духовныхъ истинъ и къ принятію „религіи-знанія", завѣщанной Христомъ. „Я не вѣрю, я знаю", говоритъ онъ.

Здѣсь выступаетъ едва ли не самая интересная черта ученія В. Данилова, стремленіе обосновать религію, какъ гнозисъ. Въ своемъ увлеченіи онъ совершенно отвергаетъ элементъ вѣры, какъ ненужный балластъ и тяжелый пережитокъ прошлаго. Вѣра есть всегда нѣчто субъективное, а религія - знаніе отыскиваетъ объективныя основы религіозныхъ чувствованій, понятій и представленій. И потому если человѣчество хочетъ прогрессировать, то оно непремѣнно должно принять религію - знаніе. Всѣ религіи древности, по его мнѣнію, уготовали путь христіанству. Христіанство въ свою очередь неизбѣжно приведетъ насъ къ религіи-знанію. Тогда въ насъ родится Христосъ, и мы познаемъ Его какъ реальный фактъ жизни.

Такимъ образомъ, В. Даниловъ строитъ свою систему на возможности мистическаго опыта, который приводитъ къ познанію самого Бога и къ преображенію всей жизни. Эта гностическая сторона чрезвычайно ярко выражена въ системѣ В. Данилова, которая носитъ раціоналистическую окраску съ уклономъ въ сторону соціальныхъ утопій, образчикомъ которыхъ служитъ его мечта о „трудовой монархіи".

Въ обращеніяхъ В. Данилова къ обществу звучатъ сильныя и глубокія ноты:

---

*) Вѣстникъ Теософіи, 1909 г.

„Мы міръ побѣдимъ не силою черносотенной корысти, не партійными разъединеніями и враждой; мы побѣдимъ міръ любовью, не знающей корысти и страха... Простотою сердецъ нашихъ побѣдимъ"...

Въ лицѣ А. Добролюбова мы имѣемъ человѣка совершенно иного склада. Это глубокій мистикъ, поэтъ-бардъ, складывающій свои гимны подъ сѣнью дубовъ, прислушиваясь къ шелесту листьевъ и къ рокотанію весеннихъ ручьевъ, въ которыхъ онъ слышитъ голосъ Бога. Страстно любитъ онъ рѣку съ ея зимней алмазной корой, и травки полей, и птицъ перелетныхъ, и дикихъ звѣрей, съ которыми находится въ любовномъ общеніи, но еще болѣе любитъ онъ человѣка, и вся душа его исполнена нѣжнымъ состраданіемъ къ темнымъ, обездоленнымъ, страждущимъ, не познавшимъ еще свѣта и блуждающимъ во тьмѣ. Удивительнымъ настроеніемъ вѣетъ отъ его размышленій, молитвъ и гимновъ, собранныхъ и напечатанныхъ его друзьями подъ заглавіемъ „Изъ книги невидимой". Всѣ они дышатъ глубокой искренностью и задушевностью, а поэтическая форма, въ которую они облечены, исполнена чарующей красоты. Но самое поразительное то, что эта книга содержитъ въ себѣ всѣ основныя теософическія ученія, начиная съ ученія о перевоплощеніи и кончая ученіемъ о духовномъ восхожденіи по ступенямъ къ божественному совершенству. Можно сказать, что эта книга представляетъ собою настоящую народную Теософію, выраженную образнымъ и поэтическимъ народнымъ языкомъ.

Съ внѣшней стороны, она состоитъ изъ ряда прозаическихъ отрывковъ и стихотвореній, сгруппированныхъ подъ слѣдующими отдѣлами:

1) О прежнемъ.
2) Изъ книги невидимой.
3) Жертвенникъ изъ земли.
4) Дѣла и дни.
5) Изъ изслѣдованій.
6) Послѣднія слова.

Съ внутренней стороны всѣ эти отрывки являютъ собой глубокія мистическія переживанія, которыя касаются самыхъ сокровенныхъ сторонъ религіозной жизни. Ярко выступаетъ у автора ученіе о единствѣ всего существующаго, о духовной эволюціи, о тѣлахъ человѣка, какъ проводникахъ духа, о маломъ и высшемъ разумѣ, о силѣ мысли, о сокровенной сторонѣ религіи

(Тайнѣ), о духовной свободѣ, о духовномъ Пути и о его вселенскомъ значеніи.

А. Добролюбовъ начинаетъ свою книгу съ покаянія. Онъ разсказываетъ о своей прежней грѣшной жизни и проситъ прощенія у всѣхъ за то, что такъ долго жилъ безъ Бога, ибо мы всѣ отвѣтственны, каждый за всѣхъ.

„Мы всѣ одно тѣло. Одинъ тайный грѣхъ, одно самое тайное злое слово прибавляетъ тяжести всѣмъ и ярмо на всѣхъ сынахъ Адама и на всемъ мірѣ дѣлается еще тяжеле. И одно самое тайное доброе дѣло, одно самое тайное чистое слово молитвы прибавляетъ радости всѣмъ и всѣмъ становится легче итти".

Въ главѣ „По дорогамъ" онъ описываетъ настроеніе странника.

„Странникъ въ желтенькомъ полушубкѣ идетъ по дорогѣ. Широкая столбовая дорога легла, какъ стрѣла, оперенная двумя рощами. Еще вовсе темно, но привычныя ноги бьютъ мерзлую землю. Никто въ этотъ часъ, даже дорожный товарищъ не замѣтилъ бы, не узналъ, что дѣется въ душѣ странника. Но въ глазахъ его тихія слезы молитвы о всѣхъ и за все, за погибающихъ въ бурной степи, за плавающихъ, за всѣхъ трудящихся, за младенцевъ и за разбойниковъ, за всякую травку, за скотъ—милый крестьянскій животъ, за поля и за лютыхъ звѣрей, за свободную птицу, за всякую песчинку земную, за небо и землю, за долины и горы, за всѣхъ богатыхъ и нищихъ земли. Миръ и благословенье несетъ онъ сестрицамъ—березкамъ и мостику, закрытому снѣжнымъ заносомъ. Миръ несетъ онъ и рѣчкѣ и старается узнать ея сердце, какъ лежать ей тамъ подъ хрустальными стеклами до самой весны.

„Безпрерывно падаютъ крупныя радостныя слезы. Далеко проходятъ онѣ въ снѣговую опушку земли, и радуются и снѣгъ и земля этой молитвѣ любви"...

Любовное отношеніе странника къ міру выливается у него въ стихотвореніи „На пути изъ Нижняго въ Балахну". Это стихотвореніе напоминаетъ знаменитую молитву Св. Франциска Ассизскаго.

„Горы, холмы земли—братцы, сестры мои.
„Даже камни дорогъ—други вѣрны мои,
„Неба своды, лучи—какъ отцы мои,
„Звѣри дикіе—братцы милые,
„Рѣки тихія,—обрученныя мнѣ, навсегда мои.
„А и миръ вамъ, сестры звѣздочки,

„Звѣзды ясныя—вы цвѣты небесъ
„Всѣ цвѣты полей въ вѣнцахъ царскихъ,
„Лучи солнечные гонцы радостные,
„Камни мирные придорожные молчаливые,
„Я предъ вами, предъ всѣми лицомъ ницъ до земли простираюсь,
„Отъ васъ всѣхъ озаряюсь"...

Признаніе закона перевоплощенія, какъ выраженіе закона эволюціи, ясно звучитъ въ цѣломъ рядѣ его стихотвореній:

„Такъ скитаюсь я въ тюрьмѣ своей,
„Жду отвѣта съ тюрьмъ, гдѣ товарищи.
„А и въ тюрьмахъ тѣхъ я и самъ бывалъ,
„Былъ царемъ и рабомъ во всѣхъ дальнихъ странахъ,
„Камнемъ въ нѣдрахъ горъ я вѣка лежалъ,
„И на той же горѣ я какъ левъ рычалъ,
„И на той же горѣ листвой осѣнялъ,
„И на той же горѣ человѣкомъ рыдалъ.
„Скоро ли кончится сонъ земныхъ вѣковъ?

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

„Ты забылъ всѣ тѣ страны, гдѣ ты обиталъ, потому что путь безъ конца, потому что все это дѣтство предъ быстротой твоей... Кто забылъ, онъ можетъ и вспомнить. На концѣ твоей лѣстницы я построю площадь съ перилами. Такъ мнѣ шепнула дѣвушка, сестра моя—Жизнь. Оттуда оглянешься и увидишь все прошлое, даже до бездны... Узкая лѣстница безъ перилъ, какъ прошелъ ты ее? Во всей истинѣ ты безсмертный, поэтому не упалъ ты. Ты коснулся перилъ и увидѣлъ все прошлое и грядущее".

Въ „Отрывкахъ" поэтъ прямо говоритъ:

„И даже плотская память переселеній затеряна у преданныхъ ревниво струямъ земли.

„Тотъ кто достигаетъ послѣдней ступени на лѣстницѣ вѣчности, тотъ увидитъ и всѣ времена земли, тотъ оглянувшись увидитъ и всѣ дороги свои, начиная отъ первыхъ жизней своихъ".

Глава „Части человѣка" начинается такъ:

„Древняя русская пѣсня о Голубиной Книгѣ говоритъ, что наши кости отъ горъ земли, а наша кровь отъ желѣза—руды". И истинно въ человѣкѣ есть части всѣхъ тварей. Тысячи разъ уже переходили онѣ многія ступени и опять возвращались. Такъ написано и въ Ведійскихъ писаніяхъ: „Отдай водамъ и растеньямъ тѣ части, которыя отъ нихъ, воздуху отдай животную душу твою, но въ тебѣ есть безсмертная часть". Одна часть выше всего, какъ

Богъ выше міра. И около этой части Самъ Богъ, потому что Онъ тутъ же около подобія Своего... Богъ и надъ міромъ и въ мірѣ и все наполняетъ. Какъ голова, одинъ изъ членовъ тѣла, такъ и Онъ есть въ тебѣ... Все движется только Имъ. И въ каждой былинкѣ есть Его лицо. И къ Нему безъ конца подымаются всѣ ступени".

Въ отдѣлѣ „Изъ Изслѣдованій" А. Добролюбовъ говоритъ о сложномъ строеніи человѣка и о его тѣлахъ:

„И я увидѣлъ тлѣнныя одежды духа.

„Зачѣмъ вы не начинаете ткать безсмертное одѣянье?

„Первая одежда твоя, человѣкъ, это плоть, весь видимый міръ. Ты самъ соткалъ ее. Сколько въ ней злобы, убійства!.. Богъ этого вѣка! послушай меня: пока все не безсмертно, я не принимаю нашего міра...

„И какъ тлѣнны всѣ ваши одежды! Видимый міръ только кажется безконечнымъ, обширнымъ. Онъ самая грубая изъ одеждъ твоихъ.

„Другая одежда твоя это разумъ.

„Они *) не знаютъ, что есть высшій разумъ любви. Мертвымъ камнямъ подобны ихъ сухія мысли.

„Еще скинулъ я одежду всѣхъ душевныхъ чувствъ. Тогда я увидѣлъ безсмертный истинный духъ мой у подножья Храма и на самомъ верху лѣстницы безконечной Творца Его, Господа моего. Красота Его—сила звѣздъ..."

Особенно останавливается онъ на томъ, что такое разумъ.

Поэтъ вспоминаетъ слова древняго греческаго пѣснопѣнья: „Къ недоумѣнному устремимся уму" и спрашиваетъ себя: „Кому подчиняюсь я, чтобъ радоваться? Не разуму, не наружному разуму, не наружному орудію".

Въ главѣ „Разумъ и Тайны" мы читаемъ:

„Разумъ, разумъ—вездѣ слышалъ я. Но всѣ сухія разсужденія этихъ разумныхъ были такъ противоположны, да и не давали радости душѣ моей. Я помнилъ изъ жизни моей о свѣтѣ другого Высшаго Разума, Иное Сознаніе озаряло меня. Знанье Твое открывалось мнѣ.

„И я началъ изслѣдовать то, что вы называете разумомъ. Эти одежды были сшиты и изъ новыхъ заплатъ и изъ старыхъ кусковъ, но это только одежды. Ясно увидѣлъ я, что и разумъ и плоть только орудія духа.

---

*) Раціоналисты.

„Всѣ чувства, всѣ камни, всѣ силы, всѣ животныя и растенья, всѣ животныя души людей, все душевное, какъ и все видимое—и разумъ и совѣсть только орудіе духа...".

Слѣдующій отрывокъ озаглавленъ: „Душа животная и душа живущая".

„Низшая душа непремѣнно погибнетъ, но высшая душа, называемая въ Писаніи живущая, душа души или духъ—устами Своими сотворилъ Онъ ее. Бодрствующій и Живущій на Деревѣ жизни Своемъ, Онъ далъ и мнѣ быть живущимъ на этомъ деревѣ. Не ошибитесь, познавайте себя, различайте въ себѣ непостижимую силу и видимую душу, смертное и безсмертное. Кто держится за низшую душу, погибнетъ".

Все, что насъ окружаетъ, всѣ вещи видимаго міра, по мнѣнію поэта, суть лишь символы нашего духовнаго міра.

„Невидимый огонь сильнѣе видимаго и огнемъ преображенія измѣнится весь міръ..."

Поэтъ восклицаетъ:

„Кто изъ васъ видѣлъ пламенную колесницу серафимовъ?

„На огненной колесницѣ всемірной любви я увидѣлъ подымающихся въ небеса и опускающихся въ смертную тѣнь нашей земли ради единой любви.

„И я услышалъ голосъ:

„Драгоцѣнный камень скрытъ отъ очей всего міра".

Чрезвычайно интересна та часть книги, въ которой поэтъ обращается къ націоналистамъ и полемизируетъ съ ними.

Въ пламенномъ письмѣ къ Льву Толстому А. Добролюбовъ опредѣляетъ миссію великаго писателя „въ познаніи и истолкованіи законовъ совѣсти" и благодаритъ его за геніальные труды его. Но, говоритъ онъ:

„Книга жизни таинственнѣе и труднѣе книги совѣсти.

„Мы не хотимъ быть только младенцами, мы хотимъ проповѣдывать мудрость.

„Мудрость же мы проповѣдуемъ между совершенными..."

Онъ ставитъ рядъ обвиненій Толстому, упрекая его въ отрицаніи невидимаго міра.

„Я вѣрую въ сообщеніе съ міромъ невидимымъ. Я не только вѣрую—я знаю—я вижу—не только на себѣ, на многихъ, даже на всѣхъ".

Въ обращеніяхъ своихъ къ Богу поэтъ Его опредѣляетъ какъ Духъ Любви, Духъ Радости и Духъ Свободы.

„Тебя призываю, Всесильный,
„Тебя призываю, Всевышній,
„Тебя призываю, Всеединый!
„Имя Твое – Свобода“!

Интересна этическая постановка вопроса о свободѣ у Добролюбова:

„Рабъ истины есть рабъ всѣхъ.

„Они говорятъ: Ужели рабство есть тайна свободы?

„Да, братья, рабство любви есть тайна свободы... Самъ Господь, Самъ Царь міра есть рабъ всѣхъ... Рабами всѣхъ будутъ только свободные. Такъ мнѣ сказали рабы на пламенной колесницѣ серафимовъ“ *).

Мучительно чувствуетъ поэтъ оковы религіозныхъ формъ и зоветъ братьевъ къ духовной свободѣ. Онъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ самъ пилъ „Изъ языческой чаши, чаши обрядовъ и многобожья“; какъ онъ изъ „мрака невѣрья“ перешелъ къ „мраку суевѣрія“, и какъ „огонь истребилъ мертвый храмъ“.

И какъ, наконецъ, увидя Господа, онъ оставилъ всѣ вина земли и небесъ и побѣжалъ къ Нему, чтобы слѣдовать за Нимъ.

Такой глубокій мистикъ, какъ Добролюбовъ, не можетъ мириться ни съ какой формой догматизма. Духъ фанатизма совершенно чуждъ его безбрежной душѣ и въ своемъ проникновеніи онъ умѣетъ найти однѣ и тѣ же глубокія ноты въ религіозномъ эзотеризмѣ Востока и Запада.

Онъ вдохновляется Ведами, Кабалой, Авестой. Онъ поетъ пѣсню благодарности великому непонятому Пророку Ислама:

„Миръ Магомету!..

„Современные европейскіе ученые особенно любятъ насмѣхаться надъ Магометомъ, что онъ обѣщалъ правовѣрнымъ здѣшнюю плотскую любовь даже и въ раю. Но онъ никогда не говорилъ ни о чемъ подобномъ, ни о чемъ, кромѣ брака всеміpнаго; какъ написано: „Какъ юноша сочетался съ дѣвой, такъ сочетаются съ Тобою сыны твои, и какъ женихъ радуется о невѣстѣ, такъ будетъ радоваться о тебѣ Богъ Твой... И заключу для тебя въ тотъ день союзъ со звѣрями полевыми и съ птицами небесными и съ гадами пресмыкающимися по землѣ. Съ камнемъ дикимъ будетъ завѣтъ твой, звѣри дикіе примирятся тебѣ“. Этотъ союзъ и всеміpный, и съ Богомъ, и съ каждой песчинкой, и съ ангелами, и со звѣрями, какъ написано: „И находился въ пустынѣ

*) „Еще Скрижаль“.

и былъ со звѣрями и ангелы служили ему". И разны ступени всемірнаго брака..."

Буддѣ онъ влагаетъ въ уста пѣсню, полную глубокой и нѣжной поэзіи:

„Миръ вамъ, о горы!
„Молчанье ночи
„— Сила моя.
„Молитва единая,
„Имя Единое
„— Скала моя.
„Чаща лѣсная,
„Гдѣ бродятъ отшельники,
„Радость моя.
„Гдѣ прыгаютъ зайцы,
„Гдѣ горныя козы,
„— Земля моя.
„Сны и видѣнья—
„Призраки міра
„И міръ невещественный
„— Борьба моя.
„Цѣпи, дороги,
„Тюрьмы, свобода,
„— Судьба моя.
„Рубище странника,
„Въ немъ алмазъ драгоцѣнный
„— Тайна моя".

Но самое поразительное мѣсто въ книгѣ А. Добролюбова, это то, въ которомъ онъ описываетъ свое видѣніе Христа:

„Я видѣлъ, друзья, сегодня эту великую тайну искупленья, о которой не напрасно говорятъ среди нашихъ народовъ... Я увидѣлъ, какъ Онъ уподобился человѣку, чтобъ человѣкъ могъ понять его. И Онъ спустился съ небесъ на землю мою и пролилъ на ней Свою кровь и въ самый мигъ смерти воскресъ и озарилъ все, даже плоть мою. Я видѣлъ, какъ Онъ сходилъ въ этотъ міръ, въ сердце каждой песчинки, проповѣдывать и звѣрямъ и растеніямъ, даже въ преисподнюю, даже въ пустыни ужаса бездны и къ гордому духу, врагу Своему, принесъ онъ жертву—неудержимую любовь Свою.

„И я воскликнулъ: „О Ты, Чьимъ именамъ нѣтъ конца, Кого называютъ Іеговой, Брамой, Отцомъ, Христомъ, Буддой, Матерью и Невѣстой и Женихомъ! я видѣлъ тайну Твою!"

Познавъ единство Божества, сколько бы именъ ему ни давали, поэтъ постигаетъ и единство религіознаго эзотеризма, скрытаго за всѣми экзотерическими формами исторически возникшихъ религіозныхъ системъ. Онъ понимаетъ, что люди начинаютъ итти къ Богу съ разныхъ точекъ окружности, но центръ одинъ. Экзотерическихъ дорогъ много, но эзотеризмъ одинъ и въ немъ исчезаютъ всѣ преграды формъ и всѣ различія. Путь ему раскрывается какъ мистическое переживаніе, какъ откровеніе.

„Боже, я сидѣлъ съ книгой среди міра—среди глухихъ стѣнъ, среди тусклаго свѣта земли.

„Ночь надвигалась и вдругъ дыханье весны окружило меня, тысячи листьевъ дрожали, какъ струны, какъ родники; тысячи братьевъ протянули мнѣ руку помощи. Я успокоился, какъ мла-

денецъ, какъ нашедшій дорогу къ родному окну среди непонятнаго холоднаго шума чужихъ; я зналъ, что даже животныя, скрытыя въ этихъ лѣсахъ, чувствуютъ вмѣстѣ со мной.

„Я вижу дорогу Твою, по которой сзади—невидимо для меня проникалъ Ты ко мнѣ.

„Узкая дорога—невидимо пролегаетъ она среди звѣздъ—только одна стопа Твоя умѣстится на ней.

„На ней еще дрожатъ лучи Твои, Твоего посѣщенія; только по дальнимъ небеснымъ звѣздамъ, по затеряннымъ въ травахъ цвѣтамъ пролегаетъ прямая неуловимая человѣку дорога Твоя.

„Слѣды Твои въ водахъ многихъ и пути Твои не познаются.

„Спасенье Богу!...

„Вдругъ я увидѣлъ Твой взоръ, черезъ весь міръ на меня устремленный по этой дорогѣ Твоей, тихіе, неотрывающіеся, внимательные, побѣждающіе вѣчные глаза Твои.

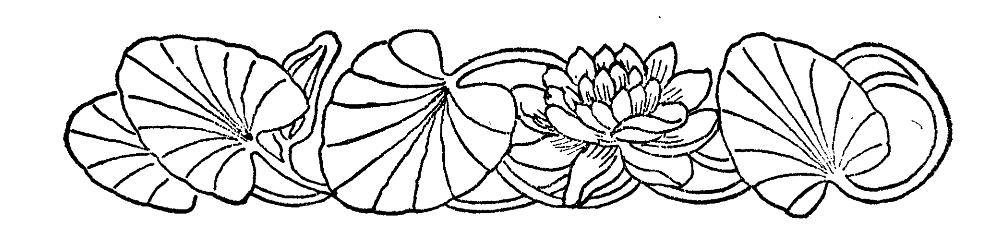
„Черезъ всю вѣчность взираетъ Онъ въ сердце мое. Онъ опредѣлилъ всѣ пути мои.

„Много тварей Твоихъ, Побѣдитель, но Ты любишь и ничтожнѣйшую пылинку—все Творенье Твое, какъ человѣкъ любитъ и часто забытыя, но лежащія въ глубинѣ его воспоминанія о друзьяхъ утра дней своихъ. Побѣди меня, Побѣдитель!

„Какъ океанъ возноситъ волны свои надъ собой, Ты возносишь меня выше огней Своихъ“.

Приведенные отрывки даютъ право сказать, что Теософическія ученія уже нашли себѣ родной проводникъ въ народную массу, и не въ частичномъ искаженномъ видѣ, но во всей своей глубинѣ и чистотѣ. Въ разобранной нами книгѣ мы не встрѣчаемъ строго разработанной философіи; но всѣ основы Теософіи, какъ вселенскаго научно-религіознаго синтеза, уже на лицо. Вдохновеннымъ русскимъ бардомъ онѣ облечены въ поэтическую форму и дышатъ той непосредственной красотой и силой, которыя рождаются отъ просвѣтленнаго сердца. Въ этой книгѣ мы имѣемъ уже настоящее народное творчество, почерпнувшее несомнѣнно свое вдохновеніе въ Теософіи, творчество безконечно для насъ дорогое и цѣнное, потому что оно знаменіе времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно—показатель динамической силы Теософіи и ея побѣднаго всеміpнаго шествія. Теософія въ Россіи имѣетъ уже своихъ трубадуровъ. Когда идея воспѣвается поэтами и вдохновляетъ искусство, то она уже живетъ въ душѣ народа, а то, что живетъ въ народной душѣ, то пустило глубокіе корни и имѣетъ великое будущее.

Alba.

Братство религій.

А. Безантъ.

Единыя основанія религіи и нравственности.

ВВЕДЕНІЕ.

Во всѣ времена на протяженіи человѣческой исторіи люди искали Бога, и различныя религіи міра были отвѣтомъ Бога на эти исканія, отвѣтомъ даннымъ черезъ людей, въ душѣ которыхъ Онъ былъ болѣе раскрытъ, чѣмъ въ душѣ обыкновенныхъ людей. Этихъ людей называли различно: Пророками, Риши, Богочеловѣками, Сынами Божіими, и мы можемъ смотрѣть на нихъ какъ на Одно Великое Духовное Братство, состоящее изъ Боговдохновенныхъ людей, Охранителей и Учителей человѣчества. Къ Нимъ мы должны относиться съ благоговѣніемъ, къ какой бы религіи мы ни принадлежали, такъ какъ каждый изъ Нихъ принесъ міру ту же самую божественную вѣсть, училъ однимъ и тѣмъ же основнымъ духовнымъ истинамъ, провозглашалъ одинъ и тотъ же неизмѣнный нравственный законъ и показывалъ примѣръ благородной нравственной жизни. Они провозглашали единую вѣсть различнымъ образомъ, ибо каждый изъ нихъ избралъ тотъ путь, на которомъ болѣе всего можно было помочь народу, къ которому Онъ пришелъ, путь, способный развить въ этомъ народѣ то качество, въ которомъ наиболѣе сильно нуждался міръ въ періодъ Его пришествія. Было время, когда наиболѣе необходимымъ являлось выдвинуть долгъ и чувство законности, въ другое время—чистоту, затѣмъ—справедливость, далѣе—красоту, потомъ знаніе, еще позднѣе—личное начало, сопровождаемое самопожертвованіемъ, и наконецъ—признаніе руководящаго божественнаго начала. Вотъ причина различій, которыя мы встрѣчаемъ въ религіяхъ,

но всѣ эти различія направлены къ улучшенію и обогащенію міра, какъ цѣлаго. Поэтому слѣдуетъ не сожалѣть объ этихъ различіяхъ, а пользоваться ими, и, хотя бы мы и любили болѣе всѣхъ другихъ нашу собственную религію, мы должны быть готовы воспринять все то, чему насъ можетъ научить каждая иная религія. Для народа, исповѣдующаго одну опредѣленную религію, Основатель этой религіи является естественнымъ образомъ самымъ дорогимъ и самымъ почитаемымъ изъ всѣхъ Учителей, и это должно быть такъ. Но и всѣ остальные Основатели религій и великіе Учителя человѣчества, слѣдовавшіе за Нимъ, достойны нашего почитанія, ибо:

Лишь черезъ такія души,
Спускаясь къ намъ, Богъ проявляетъ лучъ Своего Свѣта,
Чтобы онъ могъ освѣщать наше восхожденіе въ темнотѣ.

Въ древнія времена различныя страны міра были гораздо болѣе разобщены одна отъ другой, чѣмъ теперь, и религіи носили національный и мѣстный характеръ. Идея прозелитизма была слаба и человѣкъ рождался въ опредѣленной религіи такъ же, какъ и въ опредѣленной странѣ. И какъ человѣкъ случайно по личнымъ обстоятельствамъ могъ покинуть свою родную страну и сдѣлаться гражданиномъ чужой страны, также могъ онъ случайно оставить свою наслѣдственную религію и сдѣлаться послѣдователемъ другой. Но такіе случаи были исключительными, и ни одна религія не дѣлала опредѣленныхъ усилій, чтобы укрѣплять себя за счетъ своихъ сосѣдей.

Оглядываясь назадъ, на древніе народы, мы видимъ у египтянъ ихъ собственную религію и также у ассирійцевъ, и у евреевъ; Индусскій полуостровъ принадлежалъ Индуизму съ его разновидностью Джайнизмомъ; затѣмъ великая буддійская реформа распространилась по Индіи; Буддизмъ разослалъ своихъ миссіонеровъ и утвердился также и въ другихъ странахъ;—это было первое великое миссіонерское движеніе, вышедшее за предѣлы своей страны и расы, которое извѣстно въ исторіи міра. Христіанство, подобно Буддизму, покинувъ свою родину, также распространилось во всѣ стороны, и соединило западные народы въ христіанскія церкви. Третья изъ великихъ миссіонерскихъ религій, Исламъ, основанный въ Аравіи, не покинулъ своей родной страны, подобно двумъ предшествующимъ религіямъ; онъ твердо укрѣпился въ Азіи. И Христіанство и Исламъ были приняты воинственными народами—завоевателями, которые принесли свои религіи

съ собою и насадили ихъ въ странахъ, покоренныхъ ихъ оружіемъ. Религія Зароастра, долго господствовавшая въ Персіи, была вытѣснена со своей родины, и теперь она сохраняется главнымъ образомъ въ парсійскихъ колоніяхъ, въ пріютившей ее Индіи.

Секты возникали во всѣхъ религіяхъ и раздѣляли послѣдователей этихъ религій — вслѣдствіе различій въ ученіяхъ и въ обрядахъ; индусы имѣютъ своихъ Шаивовъ, Ваишнавовъ, Шактовъ и много второстепенныхъ сектъ; христіане имѣютъ свою Греко-Православную, Римско-Католическую и иныя католическія церкви, и протестантовъ различныхъ названій; буддисты различаютъ Махаяна и Хинаяна или сѣверную и южную церкви; мусульмане имѣютъ Шіитовъ и Суннитовъ.

И подобно тому, какъ всѣ эти секты группируются подъ знаменами своихъ различныхъ религій, Индуизма, Христіанства и т. д., такъ же можно разсматривать и всѣ религіи міра, какъ вѣтви одного древа жизни—всемірной религіи, корни котораго проникли глубоко въ почву *Божественной Мудрости*, а листья осѣняютъ народы своей цѣлительной сѣнью. Всѣ онѣ обладаютъ единымъ сокровищемъ — знаніемъ Бога, который есть Вѣчная Жизнь. Методы ихъ различны, но цѣль у нихъ одна: помочь человѣку черезъ очищеніе достигнуть совершенства. Онѣ имѣютъ общія для всѣхъ основныя истины; но, по указанной причинѣ, различаются во многихъ подробностяхъ и по относительному значенію каждой изъ нихъ.

Въ наши дни легкость и быстрота сообщеній между отдѣльными странами міра не дозволяетъ болѣе религіямъ оставаться вполнѣ изолированными и свободными отъ вліянія сосѣдей. Мысль становится все болѣе и болѣе международной, космополитической, и каждая религія обогощается вслѣдствіе соприкосновенія съ другими религіями, давая и получая взамѣнъ плодотворныя идеи. Этотъ взаимный обмѣнъ не ограничивается только кругомъ существующихъ религій: археологическія изслѣдованія древности вынесли на свѣтъ художественные, скульптурные и литературные остатки нынѣ вымершихъ религій, принадлежавшихъ исчезнувшимъ народамъ и погибшимъ цивилизаціямъ; собравъ и распредѣливъ ихъ, наука установила на непоколебимомъ основаніи фактовъ истину основного единства религій. Нѣкоторые основные ученія, символы, обряды и предписанія общи для всѣхъ религій, тогда какъ мелкія различія неизчислимы. Благодаря этимъ изслѣдованіямъ становится возможнымъ отдѣлить существенное отъ

несущественнаго, постоянное отъ преходящаго, всеобщее отъ мѣстнаго и найти *quod semper, quod ubique, quod omnibus*. Сдѣлавъ это, мы получаемъ религіозное и нравственное ученіе, которое безбоязненно можетъ быть дано юношеству, какъ выраженіе религіознаго сознанія человѣчества, какъ изложеніе фактовъ, касающихся Бога, человѣка и вселенной, засвидѣтельствованное Избранниками среди человѣчества, и могущее быть провѣреннымъ всѣми, кто достигъ извѣстной духовной ступени эволюціи. Истинность этихъ фактовъ подтверждена такимъ высокимъ и единодушнымъ авторитетомъ—какъ ничто въ мірѣ; авторитетъ этотъ восходитъ въ такую глубину вѣковъ, которая предшествуетъ самой зарѣ исторіи, ибо онъ существовалъ и игралъ руководящую роль, по свидѣтельству древнѣйшихъ, извлеченныхъ изъ земли обломковъ, и всѣ новыя свидѣтельства, касающіяся всѣхъ эпохъ отъ Оаннеса до Могамеда, лишь болѣе и болѣе подкрѣпляютъ этотъ авторитетъ. Ни одно изъ утвержденій исторіи или науки въ нашихъ школахъ не имѣетъ на себѣ печати столь достойной довѣрія, а если мы правы, уча нашихъ дѣтей чему-нибудь, чего они не могутъ провѣрить сами, то мы правы, преподавая имъ и эти факты религіи и этотъ нравственный законъ.

Каждая религія имѣетъ свою собственную вдохновенную письменность, т. е. Писанія ея Пророковъ и Учителей; значеніе, придаваемое этимъ Писаніямъ въ различныхъ религіяхъ, не одинаково, и измѣняется въ различныя эпохи исторіи данной религіи. Всѣ индусы принимаютъ *Веды*, но они настолько несогласны въ ихъ истолкованіи, что нѣкоторыя соперничающія школы придерживаются противоположныхъ толкованій; индусы имѣютъ также не мало и другихъ Писаній (Шастры) различной древности и оспариваемой цѣнности; послѣдователи Зороастра имѣютъ свои *Гаты* съ *Зендавестой* и другія священныя книги; у евреевъ имѣются свои книги *Закона и Пророковъ*; буддисты имѣютъ *Трипитаку* и много другихъ книгъ, христіане *Библію* и апокрифическія писанія, авторитетъ которыхъ оспаривается; мусульмане обладаютъ *Кораномъ*. Всѣ эти книги, а также другія, принадлежащія какъ вымершимъ, такъ и остальнымъ живымъ религіямъ, достойны изученія, но ихъ слѣдуетъ читать съ открытой, ясной и хорошо настроенной душой. Только ученые могутъ опредѣлять ихъ историческую подлинность, но, съ другой стороны, только духовный человѣкъ можетъ судить объ ихъ вдохновенномъ значеніи; и, какъ бы страстны ни были споры относительно времени ихъ происхожденія, ихъ авторовъ и степени ихъ точности, люди

всѣхъ вѣроисповѣданій должны бы читать ихъ, какъ документы, достойные глубокаго вниманія за ихъ внутреннюю связь съ эволюціей человѣчества и за тотъ свѣтъ, который они проливаютъ на исторію прошлыхъ временъ. Св. Писанія различныхъ религій будутъ приведены въ настоящей книгѣ, въ подтвержденіе единства *Всемірной Религіи*; но не какъ непогрѣшимые авторитеты, а какъ свидѣтельство того, что религія, которой они принадлежатъ, проповѣдывала утверждаемое нами единство. Каждый читатель долженъ рѣшить самъ для себя, какой вѣсъ могутъ имѣть для него приводимыя ссылки. Вопросъ этотъ не относится непосредственно до Всемірной Религіи и долженъ быть рѣшенъ послѣдователемъ опредѣленной религіи самостоятельно.

Ученія Всемірной Религіи, заключенныя въ различныхъ религіяхъ міра, суть слѣдующія:

Единство Бога—Единой, Самосущей Жизни.

Проявленіе Бога во вселенной подъ тремя Аспектами.

Іерархія Духовныхъ Существъ.

Воплощеніе Духа.

Законъ Причинности.

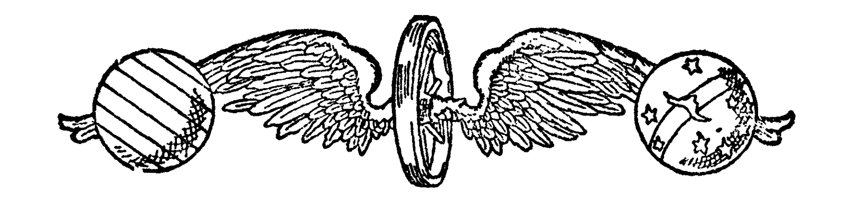
Три Міра Человѣческой Эволюціи.

Братство людей.

Открывая всѣ догматическія и сектантскія особенности, которыя неизбѣжно различны, приведенныя ученія должны бы преподаваться въ основныхъ чертахъ всѣмъ дѣтямъ и составлять часть всѣхъ школьныхъ и гимназическихъ программъ. Школы и училища, принадлежащія отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ, могли бы, по желанію, добавлять соотвѣтствующія подробности для своихъ воспитанниковъ, но общія ученія, содержащіяся во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ, составляютъ собственность всѣхъ, и они являются единственнымъ надежнымъ основаніемъ для нравственности. Эти общія всѣмъ религіямъ ученія образуютъ первую часть этой книги.

Вторая часть содержитъ краткое изложеніе отдѣльныхъ вѣроученій различныхъ религій съ ихъ главными обрядами, изложенное послѣдователями данныхъ религій. Третья часть посвящена нравственности.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Эволюція міра и человѣка.

Д-ра **Р. Штейнера** *).

Астральный міръ.

Мы участвуемъ одновременно въ трехъ мірахъ: физическомъ, астральномъ и небесномъ. Есть и другіе міры, но мы не имѣемъ доступа къ нимъ.

Первый міръ мы проходимъ между рожденіемъ и смертью; второй и третій въ промежутокъ между смертью и слѣдующимъ воплощеніемъ. Оккультистъ соединяетъ идею истинной жизни не съ воплощенной формой, а съ тѣмъ зерномъ внутренней сути **) человѣческой природы, которое снова и снова возвращается на землю, пока возвратъ этотъ еще нуженъ въ цѣляхъ развитія человѣка.

Ближайшій къ физическому земному міру есть міръ астральный. Гдѣ же онъ? Въ опредѣленномъ пространствѣ? Нѣтъ, онъ *всегда* вокругъ насъ, и если мы его не видимъ, то только потому, что не владѣемъ нужными для того органами воспріятія. Относительно астральнаго міра мы испытываемъ то же самое, что слѣпорожденный испытываетъ относительно физическаго міра: всѣ краски и формы существуютъ, но онъ ихъ не видитъ, и если ему сдѣлать операцію, онъ начнетъ познавать все окружающее только постепенно. То же самое можно сказать и относительно астральнаго міра: послѣ посвященія человѣкъ похожъ на опери-

*) Помѣщаемая въ Вѣстникѣ Теософіи серія лекцій д-ра Штейнера, прочитанная на международномъ теософическомъ конгрессѣ 1906 года въ Парижѣ, была записана съ его словъ, но запись эта не была провѣрена лекторомъ; въ виду этого составительница лекцій беретъ всю отвѣтственность за ошибки и недочеты, возможные при спѣшной записи, всецѣло на себя. Изъ прочитанной д-ромъ Штейнеромъ серіи мы даемъ здѣсь только тѣ лекціи, которыя касаются эволюціи міра съ оккультной точки зрѣнія. **Е. П.**

**) Wesenkern.

рованнаго слѣпого, и у него такъ же открываются новые органы для воспріятія вибрацій астральнаго міра; онъ видитъ новыя существа, онъ воспринимаетъ новымъ сознаніемъ.

При этомъ необходимъ руководитель: иначе прозрѣвшій долго блуждалъ бы въ новомъ для него мірѣ, недоумѣвая и ошибаясь безпрестанно. Астральный міръ—въ полномъ смыслѣ отраженіе міра земного, но нужно еще научиться вѣрно читать это отраженіе. Начиная съ чиселъ и строкъ, все въ астральномъ мірѣ отражается въ обратномъ порядкѣ; точно также и событія, и время, и пространство. То, что на землѣ предыдущее, то—наоборотъ—въ астральномъ мірѣ является послѣдующимъ.

Современная физическая наука отрицаетъ въ естественныхъ явленіяхъ наличность разумной цѣли. Если бы современный ученый могъ разбираться въ астральномъ мірѣ, онъ всегда и вездѣ увидалъ бы сперва послѣдствіе, а потомъ уже причину. Телеологическая философія вертится въ безконечномъ кругѣ, и только ясновидѣніе въ астральномъ мірѣ въ состояніи правильно разрѣшить конечныя проблемы.

Мало того, ясновидѣніе въ астральномъ мірѣ учитъ человѣка познавать себя, потому что всѣ страсти, которыя мы создаемъ, являются передъ нами совершенно реально въ астральномъ мірѣ, и мы видимъ ихъ тамъ въ образѣ того или другого животнаго. Мы несемъ въ себѣ все животное царство и его мы и выбрасываемъ изъ себя въ астральный міръ; ясновидящій, умѣющій разбираться въ астральномъ мірѣ, можетъ познать себя, разглядывая тѣ образы, въ которыхъ отражаются его земныя страсти: онъ видитъ ихъ бросающимися въ звѣриномъ образѣ или на него, если онъ наблюдаетъ *свои* страсти, или на тѣхъ, кого онъ избралъ предметомъ своихъ наблюденій. Такъ, чувство ненависти явится ему подъ видомъ демона, бросающагося на того, кто ненавидитъ.

Именно такое астральное знакомство съ самимъ собой происходитъ ненормальнымъ образомъ у тѣхъ, кого называютъ душевно-больными, кого преслѣдуютъ дикіе звѣри, противныя рожи и т. д. Не подозрѣвая, что они имѣютъ передъ собой отраженія своихъ собственныхъ страстей, они кричатъ и молятъ, чтобы прекратились ихъ страшныя видѣнія.

При „Посвященіи“ человѣкъ освобождается отъ своего физическаго тѣла и можетъ наблюдать его. Въ оккультныхъ школахъ Розенкрейцеровъ былъ цѣлый рядъ систематическихъ упражненій, которыя имѣли цѣлью сдѣлать физическое тѣло ученика объек-

томъ для его наблюденій: сперва его процессы подвергались наблюденію физически, а затѣмъ и астрально.

Что собственно происходитъ въ моментъ смерти?

Когда человѣкъ спитъ, въ постели лежитъ его физическое и эфирное тѣло; когда же наступаетъ смерть, эфирное тѣло отдѣляется и на короткое время вступаетъ въ непосредственную связь съ астральнымъ тѣломъ; а такъ какъ въ эфирномъ тѣлѣ сосредоточена вся память человѣка, то въ моментъ этого соприкосновенія передъ умирающимъ человѣкомъ проходитъ молніеносно вся его жизнь. Вслѣдъ за тѣмъ астральное и эфирное тѣла разъединяются, эфирное разсѣивается въ космическомъ пространствѣ, астральное сохраняется и начинаетъ свои переживанія на астральномъ планѣ.

Всѣ его чувственныя привычки сохраняются, можно даже сказать, что душа насквозь проникнута чувственностью, такъ какъ всѣ переживанія, всѣ опыты чувственности остаются въ ней. Но всѣ проводники уничтожены, нѣтъ глазъ, нѣтъ ушей, нѣтъ нёба... Жадное хотѣніе остается, а способа удовлетворить его уже нѣтъ: является чувство жгучей жажды... Вся посмертная эволюція состоитъ въ постепенномъ отвыканіи отъ земныхъ привычекъ, которыя удовлетворялись посредствомъ физическихъ органовъ чувствъ.

Человѣкъ послѣ смерти начинаетъ проходить въ обратномъ порядкѣ всю школу жизни: онъ постепенно разучивается всему, чему научился на землѣ, и разучивается и отвыкаетъ до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ своего собственнаго младенческаго состоянія, пока не станетъ какъ новорожденное дитя. Только тогда онъ готовъ для перехода въ высшій небесный міръ (Деваканъ).

Отсюда Евангельское изреченіе о томъ, что царство небесное принадлежитъ младенцамъ.

Если мы спросимъ: важны ли земныя переживанія? Да, они въ высшей степени важны по тѣмъ опытамъ, которые душа переноситъ съ собой въ высшіе міры. Наслажденіе манитъ человѣка къ земнымъ испытаніямъ не безцѣльно: онъ *долженъ* обогащать себя земными впечатлѣніями, онъ долженъ собирать какъ можно больше впечатлѣній въ теченіе земной жизни для того, чтобы развиваться по всѣмъ направленіямъ, но впечатлѣнія должны быть не цѣлью, а только средствомъ. Наслажденія сыграли свою роль на землѣ; переступивъ въ новую среду, человѣкъ долженъ все же итти впередъ, а для того чтобы итти впередъ, необходимо очиститься; вотъ потому все пребываніе человѣка въ астральномъ мірѣ является очищеніемъ, отвыканіемъ отъ физическихъ насла-

жденій. На землѣ—накопленіе впечатлѣній, въ астральномъ мірѣ—все тотъ же обратный процессъ, процессъ постепеннаго уничтоженія впечатлѣній. Этотъ процессъ не даромъ соединяется съ идеей огня, и не безъ основанія религіозныя ученія называютъ астральныя переживанія то „жгучей жаждой“, то „палящимъ огнемъ“.

И напрасно смѣется матеріалистъ, когда слышитъ такія выраженія; кто больше знаетъ, тотъ *не* смѣется. Идея огня передаетъ субъективное состояніе человѣка въ его посмертной эволюціи; обективное его состояніе выражается—наоборотъ—холодомъ, леденящимъ дуновеніемъ, которое отдѣляется отъ него. Это выраженіе еще не изжитаго, длящагося стремленія къ дѣятельности, не находящаго себѣ удовлетворенія. Когда на медіумическихъ сеансахъ являются жители астральнаго міра, присутствующіе ощущаютъ этотъ холодъ.

Когда человѣка постигаетъ естественная смерть, тогда астральное тѣло уже созрѣло, и его отдѣленіе отъ физической оболочки совершается легко. Не то бываетъ, когда смерть приходитъ насильственно, особенно при самоубійствѣ: въ послѣднемъ случаѣ незрѣлое астральное тѣло отрывается съ болью и насиліемъ и такъ какъ оно еще не созрѣло для пребыванія внѣ тѣла, въ немъ является неудержимое стремленіе назадъ, въ тѣло, исканіе тѣла, и это очень мучительно.

Когда насильственная смерть происходитъ не по волѣ самого человѣка, бываетъ нѣчто подобное, но переживанія не такъ тяжелы.

Ницше въ своей книгѣ „По ту сторону добра и зла“ подходитъ близко къ тому факту, что нравственный законъ совершенно иной на астральномъ планѣ, чѣмъ въ земной средѣ; когда медіумъ вступаетъ въ астральный міръ безъ необходимой подготовки, онъ неизбѣжно запутается и не сумѣетъ отличить правду отъ неправды, такъ какъ земные нравственные законы тамъ *не* дѣйствительны.

Такъ, все, что на физическомъ планѣ ложь, на астральномъ планѣ является уничтоженіемъ; когда человѣкъ лжетъ на землѣ, онъ въ то же время уничтожаетъ на астральномъ планѣ, иными словами—земной лжи соотвѣтствуетъ астральное убійство. И на оборотъ: физическая заповѣдь „не убій“, въ астральномъ означаетъ „не лги“.

Въ практикѣ бѣлой и черной магіи всѣ правила противоположны: такъ, бѣлая магія запрещаетъ убійство, черная магія—наоборотъ — требуетъ убійства. Почему? Потому что сильное эгоистическое чувство обособленія чернаго мага, его рѣзкая самость требуютъ на астральномъ планѣ простора, пустого пространства; для этого нужна большая сила, а черной магіи извѣ-

стенъ источникъ этой силы на землѣ, это—освобожденная жизненная сила живыхъ существъ. Отнимая эту силу, иначе, убивая живое существо, черный магъ пріобрѣтаетъ свою магическую силу. Поэтому въ тайныхъ школахъ черной магіи производится систематическое обученіе тому, какъ и въ какихъ частяхъ животнаго дѣлать разрѣзы, съ точнымъ указаніемъ на то, которая изъ частей тѣла мучимаго животнаго развиваетъ ту или другую совершенно опредѣленную энергію внутри мучителя *).

Съ внѣшней стороны пріемы черной магіи и пріемы вивисекціи имѣютъ много общаго. Въ настоящее время наука стоитъ на такой глубокой ступени матеріализма, что она нуждается въ вивисекціи. Въ древности на Востокѣ, а на Западѣ въ средніе вѣка вивисекція была не нужна, потому что существовало еще много ясновидящихъ, которые могли различать болѣзни, не вскрывая человѣка. Съ углубленіемъ въ матеріализмъ, исчезаетъ и ясновидѣніе; но когда люди разовьютъ въ себѣ оккультныя силы и медикъ въ состояніи будетъ—какъ въ древности—видѣть внутренніе органы больного, тогда настанетъ конецъ и вивисекціи, она упразднится какъ ненужная **).

Когда ясновидящій наблюдаетъ чернаго мага на астральномъ планѣ, онъ убѣждается, что по мѣрѣ его успѣховъ въ черной магіи, въ немъ все болѣе растетъ кровожадность, стремленіе къ стычкамъ, къ кровавой борьбѣ. Если бы наука приняла, хотя бы какъ гипотезу, оккультныя знанія, какъ поразительно измѣнился бы весь міръ! А между тѣмъ матеріализмъ погрузилъ человѣчество въ такія бездны и тянетъ его въ глубины этихъ безднъ съ такой силой, что необходимо напряженіе всѣхъ силъ для спасенія человѣчества. Если оно пойдетъ и далѣе въ такихъ же глубокихъ потемкахъ,—а матеріализмъ можно съ полнымъ основаніемъ сравнить съ темнотой, разлитой по всѣмъ мірамъ, кромѣ физическаго—если оно и дальше пойдетъ попрежнему, человѣчеству грозятъ всевозможныя физическія и нервныя заболѣванія. Какъ примѣръ взаимодѣйствія человѣческихъ страстей и грѣховъ съ явленіями астральнаго міра, какъ примѣръ обратнаго воздѣйствія астральныхъ вліяній, порожденныхъ въ свое время человѣ-

*) Безсознательное мучительство этого дѣйствія не производитъ.

**) Есть полное основаніе надѣяться, что вивисекція упразднится гораздо раньше, чѣмъ медики достигнутъ ясновидѣнья, что она прекратится благодаря растущему нравственному сознанію человѣчества, и нужно думать, что д-ръ Штейнеръ имѣлъ здѣсь въ виду связь грѣховъ современной науки съ ея полной разобщенностью отъ невидимыхъ міровъ, а не нужду въ вивисекціи до момента широкаго распространенія ясновидѣнія. Прим. редакціи.

ческими грѣхами и страстями, снова на земную жизнь, можно привести страшныя эпидеміи, свирѣпствовавшія въ средніе вѣка. Откуда эта зараза, эти бациллы? Когда, во время переселенія народовъ, Монголы, которые происходили отъ Атлантовъ *временъ упадка* и имѣли, слѣдовательно, въ своемъ организмѣ уже готовые зародыши разложенія, встрѣчались съ европейскими народами, они вызывали въ послѣднихъ чувство ужаса. Это происходило на физическомъ планѣ. На астральномъ—названное столкновеніе вызывало въ свою очередь сотрясенія, которыя вели къ разложенію астральной субстанціи, состоявшей изъ жестокой свирѣпости Монголовъ и злобнаго страха Европейцевъ, и на этой разлагающейся почвѣ зарождались астральные прототипы болѣзнетворныхъ бактерій; послѣднія, воплощаясь на землѣ, набрасывались на человѣческія тѣла, вызывая жестокія болѣзни, особенно проказу.

Отсюда можно вывести глубокое значеніе оккультныхъ знаній для человѣчества. То, что мы сегодня выбрасываемъ изъ себя на астральный планъ, то завтра явится на земномъ планѣ; что *мы* въ настоящемъ времени сѣемъ въ астральномъ, то будетъ пожинаться нашими потомками въ будущемъ на землѣ.

Такъ, нынѣ мы пожинаемъ плоды того узкаго матеріализма въ духовныхъ областяхъ, сѣменами котораго наши предки засѣвали астральный планъ.

То что мы зовемъ здѣсь на землѣ *чувствомъ*, то, пройдя черезъ астральный міръ, снова возвращается на землю, но уже въ видѣ проявленной дѣйствительности.

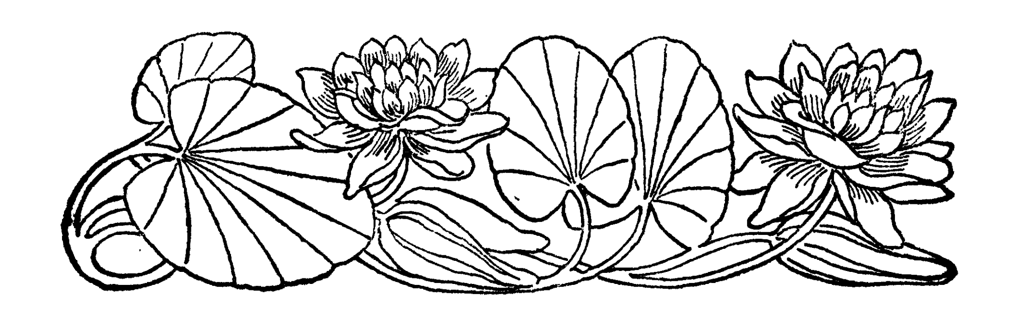
Изъ астральнаго міра исходятъ тѣ нервныя потрясенія, которыя на нашихъ глазахъ истощаютъ человѣчество. Вотъ причина, по которой оккультное Братство рѣшило выступить явно и обнаружить оккультныя истины, неизвѣстныя міру. Человѣчество подошло къ кризису, необходимо помочь ему, вернуть ему здоровье и равновѣсіе, а здоровье можетъ вернуться только черезъ духовность.

Тенденція четвертаго круга „все погрузить въ матерію“ дѣлаетъ достиженіе духовности чрезвычайно труднымъ для современнаго человѣчества и даже ученику, вступившему сознательно на Путь, трудно бороться съ этой космической тенденціей.

Но это не должно насъ останавливать; наоборотъ, сознательная борьба съ этой тенденціей поднимаетъ не только самого борющагося, но и всю расу.

Е. Писарева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свѣтлый мигъ.

Посвящается любимой памяти нашего великаго „старичка“.

Въ жизни человѣка бываютъ рѣдкія исключительныя минуты особеннаго просвѣтлѣнія, когда стираются всѣ грани обособленности, падаетъ рознь, утихаютъ страсти и освобожденный отъ этихъ тяжелыхъ, сковывающихъ его путъ человѣческій духъ сливается со всѣми и близкими и дальними, всѣмъ своимъ народомъ, всѣмъ человѣчествомъ, даже всѣмъ міромъ въ единомъ порывѣ общаго горя или общей радости.

Порою это длится одно лишь мгновеніе. Мгновеніе проходитъ, и снова человѣкъ въ мірѣ ограниченій и раздѣленій, въ мірѣ „я“ и „не я“, въ мірѣ „моего“ и „твоего“, моего права, моей справедливости, моего добра, моей истины...

Но то, особое, исключительное мгновеніе все же было и „скучныя пѣсни земли“, какъ бы громко онѣ ни раздавались, все же окончательно не смогутъ заглушить произведеннаго имъ однажды впечатлѣнія.

Кто испыталъ безмѣрность—того ограниченность уже не удовлетворитъ; кто позналъ свободу—уже не сможетъ быть рабомъ, кто увидалъ красоту Единства, тотъ въ раздробленности почувствуетъ одно лишь искаженіе.

Но что бываетъ съ личностью, переживается и народами, и человѣчествомъ въ такіе же исключительные моменты исторіи.

Такимъ исключительнымъ, непередаваемымъ моментомъ была смерть Льва Николаевича Толстого, завершившая въ такомъ удивительномъ, полномъ значенія апофеозѣ его проникнутую великимъ горѣніемъ исканія жизнь.

Въ общей радостной скорби по великой утратѣ (радостной потому, что въ скорби этой мы обрѣли то исключительное пере-

живаніе, о которомъ говорю)—слились всѣ во едино—и пали всѣ преграды—богатства и бѣдности, соціальныя, народныя, религіозныя. Молились евреи, молились магометане, какъ могли молились и мы, близкіе по крови, какъ и близкіе по духу—всѣ сдѣлались членами одной семьи, тѣсной, сплоченной, любящей.

Пусть это длилось только мгновеніе (въ жизни народовъ дни—только мгновенія), но это мгновеніе *было*, а если было—значитъ *можетъ* быть и не только какъ свѣтлая мечта, но и какъ реальный фактъ.

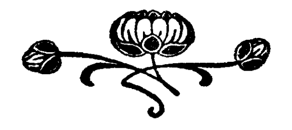
Правда, небольшая кучка глубоко несчастныхъ, одинокихъ, вѣрящихъ истинѣ буквы, а не истинѣ оживляющаго ее духа, остались внѣ ограды—не захотѣли войти, предпочли „тьму внѣшнюю“ разъединенія общей радости сліянія, предпочли сказать „я правъ“ счастію признанія „я люблю“.

И омрачается свѣтлая радость грустнымъ сознаніемъ, что есть „внѣшніе“. Но мы надѣемся, вѣримъ, и наконецъ *знаемъ*, что это только временное, что рано или поздно, а они придутъ, узнаютъ, поймутъ.

Дозрѣетъ жатва и тогда... тогда

> Въ одну любовь мы всѣ сольемся вскорѣ,
> Въ одну любовь широкую какъ море,
> Что не вмѣстятъ земные берега.

Е. Кузьминъ.

Японскія изреченія.

Связь Кармы глубока.

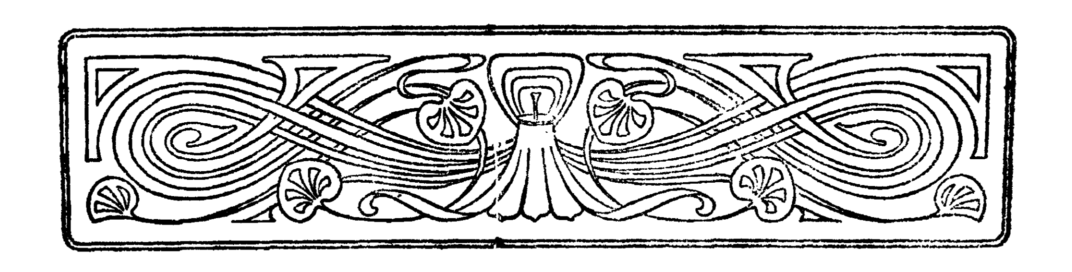
Добро есть воздаяніе за добро, зло—воздаяніе за зло.

Прежнее воплощеніе опредѣляетъ судьбу настоящаго.

Даже простая тѣнь или легкій всплескъ воды рождаются отъ кармической.

Связи прежней жизни.

Даже мимолетное соприкосновеніе рукавовъ происходитъ отъ какой либо связи въ предыдущей жизни.

Изъ переписки Л. Н. Толстого *).

I.

Къ П. М. Т.

Спасибо за доброе письмо ваше, почтенный П. М.

Что я разумѣю подъ словами „картина Ге составитъ эпоху въ исторіи христіанскаго искусства", слѣдующее:

Католическое искусство изображало преимущественно святыхъ Мадонну и Христа, какъ Бога. Такъ это шло до послѣдняго времени, когда начались попытки изображать Его, какъ историческое лицо.

Но изобразить, какъ историческое лицо, то лицо, которое признавалось вѣками и признается теперь милліонами людей Богомъ, неудобно: неудобно потому, что такое изображеніе вызываетъ споръ. А споръ нарушаетъ художественное впечатлѣніе. И вотъ я вижу много всякихъ попытокъ выдти изъ этого затрудненія. Одни прямо съ задоромъ спорили,—таковы у насъ картины Верещагина, даже и Ге: „Воскресеніе"; другіе хотѣли трактовать эти сюжеты, какъ историческіе, у насъ Ивановъ, Крамской, опять Ге: „Тайная вечеря". Третьи хотѣли игнорировать всякій споръ, а просто брали сюжетъ, какъ всѣмъ знакомый, и заботились только о красотѣ (Доре, Полѣновъ): и все не выходило дѣло.

Потомъ еще были попытки свести Христа съ неба, какъ Бога, и съ пьедестала историческаго лица на почву красивой обыденной жизни, придавая этой обыденной жизни религіозное освѣщеніе, нѣсколько мистическое. Такова Ге: „Милосердіе" и французскаго

*) Письма эти впервые появились въ печати въ журналѣ „Искусство и Печатное дѣло" (декабрь 1910 г.) и любезно доставлены Редакціей означеннаго журнала въ корректурныхъ оттискахъ для помѣщенія въ „Вѣстникѣ Теософіи".

художника: Христосъ въ видѣ священника, босой, среди дѣтей и др. И все не выходило.

И вотъ Ге взялъ самый простой и теперь понятный послѣ того, какъ онъ взялъ, мотивъ: Христосъ и Его ученіе не на однихъ словахъ, а и на дѣлѣ, въ столкновеніи съ ученіемъ міра, т. е. мотивъ, который составлялъ тогда и теперь составляетъ главное значеніе явленія Христа,—и значеніе неспорное, такое, съ которымъ не могутъ не быть согласны и церковники, признающіе Его Богомъ, и историки, признающіе Его важнымъ лицомъ въ исторіи, и христіане, признающіе главное въ Немъ—его практическое ученіе.

На картинѣ изображенъ съ совершенной исторической вѣрностью тотъ моментъ, когда Христа водили, мучили, били, таскали изъ одной кутузки въ другую, отъ одного начальства къ другому и привели къ губернатору, добрѣйшему малому, которому нѣтъ дѣла ни до Христа, ни до евреевъ, ни еще менѣе до какой то истины, о которой ему, знакомому со всѣми ученіями и философіями Рима, толкуетъ этотъ оборванецъ; ему дѣло только до высшаго начальства, чтобы не ошибиться передъ нимъ. Христосъ видитъ, что передъ нимъ заблудшій человѣкъ, заплывшій жиромъ; но онъ не рѣшается отвергнуть его по одному виду и потому начинаетъ высказывать ему сущность своего ученія, но губернатору не до того, онъ говоритъ: „какая такая истина" и уходитъ. И Христосъ смотритъ съ грустью на этого непроницаемаго человѣка.

Таково было положеніе тогда, таково положеніе тысячи, милліонъ разъ повторяется вездѣ, всегда между ученіями истины и представителями сего міра. И это выражено на картинѣ. Это вѣрно исторически, и вѣрно современно, и потому хватаетъ за сердце всякаго, того, у кого есть сердце.

Ну, вотъ такое отношеніе къ христіанству и составляетъ эпоху въ искусствѣ, потому что такого рода картинъ можетъ быть бездна и будетъ.

II.

My dear mr. K.

Несмотря на англійское обращеніе, смѣло пишу вамъ по-русски, увѣренный въ томъ, что вы съ вашимъ прекраснымъ знаніемъ русскаго языка не затруднитесь понять меня. Не помню, отвѣчалъ ли я на ваше послѣднее письмо; если я этого не сдѣлалъ, то надѣюсь, что вы за это не сердитесь на меня. Съ тѣхъ

поръ, какъ я съ вами познакомился, я много и много разъ былъ въ духовномъ общенiи съ вами, читая ваши прекрасныя статьи въ „Century"...

Разговорился я о томъ, что интересуетъ васъ и не можетъ не интересовать меня; цѣль же моего этого письма вотъ какая: нынѣшней зимой появилась на Петербургской выставкѣ картинъ передвижниковъ картина Н. Ге — Христосъ передъ Пилатомъ, подъ названiемъ „Что есть истина" (Іоан. XVIII, 38). Не говоря о томъ, что картина написана большимъ мастеромъ (професс. акад.) и извѣстнымъ своими картинами—самая замѣчательная „Тайная вечеря"—художникомъ, картина эта, кромѣ мастерской техники, обратила особенное вниманiе всѣхъ силою выраженiя основной мысли и новизною и искренностью отношенiя къ предмету. Какъ вѣрно говоритъ, кажется, Swift, что: we usually find that to be the best fruit which the birds have been picking at, картина эта вызвала страшныя нападки. До такой степени, что ее сняли съ выставки и запретили показывать. Теперь одинъ адвокатъ (я не знаю его) рѣшился на свой счетъ и рискъ везти картину въ Америку, и вчера я получилъ письмо о томъ, что картина уѣхала. Цѣль моего письма та, чтобы обратить ваше вниманiе на эту, по моему мнѣнiю, составляющую эпоху въ исторiи христiанской живописи, картину, если она, какъ я почти увѣренъ, произведетъ на васъ то же впечатлѣнiе, какъ на меня, и просить васъ содѣйствовать пониманiю ея американской публикой—растолковать ее. Смыслъ картины на мой взглядъ слѣдующiй. Въ историческомъ отношенiи она выражаетъ ту минуту, когда Іисуса послѣ безсонной ночи, во время которой его связаннаго водили изъ мѣста въ мѣсто и били, привели къ Пилату. Пилатъ живетъ только интересами метрополiи и, разумѣется, съ презрѣнiемъ и нѣкоторой гадливостью относится къ тѣмъ смутамъ, да еще религiознымъ, грубаго суевѣрнаго народа, которымъ онъ управляетъ. Тутъ то происходитъ разговоръ (Іоан. XVIII, 33, 38), въ которомъ добродушный губернаторъ хочетъ опуститься en bon prince до варварскихъ интересовъ своихъ подчиненныхъ. И, какъ это свойственно важнымъ людямъ, составилъ себѣ понятiе о томъ, о чемъ онъ и спрашиваетъ, и самъ впередъ говоритъ, не интересуясь даже отвѣтами. Съ улыбкой снисхожденiя (я полагаю)—все говоритъ: такъ ты царь! Іисусъ измученъ, и одного взгляда на это выхоленное, самодовольное, отупѣвшее отъ роскошной жизни лицо достаточно, чтобъ понять ту пропасть, которая ихъ раздѣляетъ, и невозможность, или страшную труд-

ность для Пилата понять его ученіе. Но Іисусъ помнитъ, что и Пилатъ человѣкъ и братъ, заблудшій, но братъ, и что онъ не имѣетъ права не открывать ту истину, которую онъ открываетъ людямъ, и онъ начинаетъ говорить (37). Но Пилатъ останавливаетъ его на словѣ—истина. Что можетъ оборванный нищій сказать ему, другу и собесѣднику римскихъ поэтовъ и философовъ, сказать объ истинѣ? Ему не интересно дослушивать, что ему можетъ сказать этотъ еврей, и даже немножко непріятно, что этотъ бродяга можетъ вообразить, что онъ можетъ поучать римскаго вельможу, и потому онъ сразу останавливаетъ его и показываетъ ему, что объ этомъ словѣ и понятіи *истина* думали люди поумнѣе, поученѣе и поутонченнѣе его и его евреевъ и давно уже рѣшили, что нельзя знать, что такое истина, что *истина*—пустое слово. И сказавъ, „что есть истина"? и повернувшись на каблучкѣ, добродушный и самодовольный губернаторъ уходитъ къ себѣ. А Іисусу жалко человѣка и страшно за ту пучину лжи, которая отдѣляетъ его и такихъ людей отъ истины, и это выражено на его лицѣ. Достоинство картины, по моему мнѣнію, въ томъ, что она правдива (реалистична, какъ говорятъ теперь) въ самомъ настоящемъ значеніи этого слова. Христосъ не такой, какого пріятно бы было видѣть, а именно такой, какимъ долженъ быть человѣкъ, котораго мучили цѣлую ночь и ведутъ мучить. И Пилатъ такой, какимъ долженъ быть губернаторъ.—Эпоху же въ христіанской живописи эта картина производитъ потому, что она устанавливаетъ новое отношеніе къ христіанскимъ сюжетамъ. Это не есть отношеніе къ христіанскимъ сюжетамъ, какъ къ историческимъ событіямъ, какъ это требовали многіе и всегда неудачно, потому что отреченіе Наполеона или смерть Елизаветы представляютъ нѣчто важное по важности лицъ изображаемыхъ; но Христосъ въ то время, когда дѣйствовалъ, не былъ не только важенъ, но даже и замѣтенъ, и потому картины изъ его жизни никогда не будутъ картинами историческими. Отношеніе къ Христу, какъ къ Богу, произвело много картинъ, высшее совершенство которыхъ давно уже позади насъ. Въ настоящее время дѣлаютъ попытки изобразить нравственное пониманіе жизни и ученія Христа. И попытки эти до сихъ поръ были неудачны. Ге же нашелъ въ жизни Христа такой моментъ, который важенъ былъ тогда для него, для его ученія и который точно также важенъ теперь для всѣхъ насъ и повторяется вездѣ и во всемъ мірѣ, въ борьбѣ нравственнаго разумнаго сознанія человѣка, проявляющагося въ не блестящихъ сферахъ жизни, съ преданіями утонченнаго, добро-

душнаго и самоувѣреннаго насилія, подавляющаго это сознаніе. И такихъ моментовъ много, и впечатлѣніе, производимое изображеніемъ такихъ моментовъ, очень сильно и плодотворно. Вотъ какъ я разболтался, истинно уважающій и любящій васъ...

III.

28 февраля 1889 г. къ В. Г. Ч.

Я вотъ что хотѣлъ сказать: всегда говорятъ, когда человѣкъ не достигъ того, къ чему стремился, не провелъ прямую въ точности кратчайшую между двумя точками, или даже когда провелъ совсѣмъ кривую и ломаную вмѣсто прямой, говорятъ, что онъ дѣлаетъ компромиссъ, и огорчаются этимъ. Но тутъ происходитъ путаница и въ самыхъ важныхъ понятіяхъ. Искренній, настоящій, живой человѣкъ никогда иначе и ходить не можетъ, какъ по кривой или ломаной, только бы она вела къ цѣли, а не въ сторону отъ нея. Отступленіе въ первомъ случаѣ отъ идеала не преступно, но неизбѣжно, и не есть сдѣлка (компромиссъ) въ смыслѣ нехорошаго чего-то. Сдѣлка есть признаніе впередъ того, что всего закона, что вполнѣ „прямой“ я сейчасъ исполнить не могу, и только такая сдѣлка дурна. Напримѣръ, впередъ признать, что насиліе, собственность, разводъ и т. п. иногда нужны. Только тогда-то человѣкъ идетъ въ сторону и является путаница. Положимъ, я знаю и вѣрю, что собственности никогда, нигдѣ, никакой я не могу имѣть, точно также насиліе, точно также покиданіе жены и нечистоты плотской,—и живу. Живу и, судя по прошедшему и по наблюденію другихъ, могу предположить, что я не осилю всего, что я согрѣшу, но надѣюсь, прошу Бога и рѣшаюсь итти прямо. Хочу итти прямо и—грѣшу. Является грѣхъ, который я такимъ знаю, въ которомъ каюсь, но не дѣлаю сдѣлки, обмана передъ Богомъ. А обманъ этотъ много хуже грѣха, это хула на св. Духа. И ясно, почему отъ перваго буду страдать я и страданіе мое будетъ мнѣ на пользу, будетъ часъ за часомъ, день за днемъ приближать меня къ Богу. А отъ второго—будутъ страдать другіе, и они, и я,—мы всѣ дальше будемъ уходить отъ него. Вотъ такъ думаю, оно какъ будто старое, по мнѣ было ново.

IV.

6 февраля 1890 г. къ В.

Выяснить то, что въ газетномъ извѣстіи несправедливо, не считаю возможнымъ въ письмѣ, да это и не нужно. Одно только вамъ нужно, это знать, продолжаю ли я такъ же смотрѣть на жизнь и стараюсь ли я такъ жить, какъ я высказывалъ въ своихъ писаніяхъ. На этотъ вопросъ отвѣчаю, что чѣмъ болѣе я подхожу къ плотской смерти, тѣмъ несомнѣннѣе для меня истинность высказаннаго мною взгляда на жизнь, тѣмъ настоятельнѣе для меня требованія моей совѣсти и тѣмъ радостнѣе мнѣ имъ слѣдовать. Вотъ тутъ то я боюсь, судя по первому отвѣту вашему на мое письмо и по сегодняшнему письму, что у васъ другимъ, чѣмъ у меня, опредѣляется исполненіе требованій совѣсти. Каждый изъ насъ, познавъ истину, застаетъ себя въ извѣстномъ, далекомъ отъ этой истины, мірскомъ положеніи, въ связяхъ, узлами завязанныхъ и мертвыми петлями, нашими грѣхами, затянутыхъ связями съ людьми міра. И человѣку, познавшему истину, прежде всего представляется, что главное, что онъ долженъ дѣлать, состоитъ въ томъ, чтобы сейчасъ же, во что бы то не стало, выйти изъ этихъ условій, въ которыхъ онъ находится, и поставить себя въ такія условія, находясь въ которыхъ, было бы ясно видно, что я живу по закону Христа, и жить въ этихъ условіяхъ, показывая людямъ примѣръ истинной христіанской жизни. Но это не такъ: требованія совѣсти не состоятъ въ томъ, чтобы быть въ томъ или другомъ положеніи, а въ томъ, чтобы жить, не нарушая любви къ Богу и ближнему. Христіанинъ всегда будетъ стремиться къ чистой отъ грѣха жизни, всегда изберетъ такую жизнь, если для достиженія ея не будутъ требоваться отъ него дѣла, разрушающія любовь; но дѣло въ томъ, что никогда человѣкъ не бываетъ такъ мало связанъ своими и чужими грѣхами съ прошлымъ, чтобы быть въ состояніи, не нарушая любви къ Богу и ближнему, сразу вступить въ такое внѣшнее положеніе. Всякій христіанинъ среди мірскихъ людей находится въ такихъ условіяхъ, что для того, чтобы ему приблизиться къ этому положенію, ему надо прежде распутывать узлы своихъ прежнихъ грѣховъ, которыми онъ связанъ съ людьми, а потому главная и первая задача его въ томъ, чтобы по закону любви къ Богу и ближнему распутывать эти узлы, а не затягивать ихъ, и главное, не дѣлать больно тѣмъ, съ кѣмъ онъ связанъ. Дѣло христіанина не въ ка-

комъ-нибудь извѣстномъ положенiи, въ положенiи землевладѣльца и т. п., а въ исполненiи воли Бога. Воля же Бога въ томъ, чтобы на всѣ требованiя жизни отвѣчать такъ, какъ того требуетъ любовь къ Богу и людямъ, и потому опредѣлять низость или отдаленность себя и другихъ отъ Христа никакъ нельзя по тому положенiю, въ которомъ находится человѣкъ, а по тѣмъ поступкамъ, которые онъ совершаетъ.

V

И. Н. Г. 22 марта 1890 г.

Я писалъ вамъ въ дурномъ, слабомъ состоянiи духа и потому, что написалъ, то неясно, и не досказалъ главнаго, къ чему велъ. Велъ же я къ тому, что для того, чтобы жить, надо непремѣнно итти впередъ въ такомъ дѣлѣ, которому нѣтъ конца и въ совершенiи котораго нѣтъ помѣхи. И такое дѣло есть только одно: совершенствованiе любви. Работа же, извѣстное положенiе есть только въ *извѣстномъ случаѣ* послѣдствiе любви. Работа и извѣстное низкое экономическое положенiе есть послѣдствiе и потому провѣрка истинной любви. Отсутствiе работы и высокое обезпеченiе экономическаго положенiя обличаютъ не искренность, не правдивость, а слабости человѣка и потому имѣетъ значенiе отрицательное. Но положительнаго не имѣетъ никакого значенiя. Опасное дѣло и самое обычное. Молитва—слѣдствiе стремленiя, обращенiя къ Богу, самое законное дѣйствiе,—ставится цѣлью—и является обрядность, убивающая нравственную жизнь; милосердiе, помощь ближнему, какъ слѣдствiе любви къ Богу, самое законное дѣйствiе—становится цѣлью—и является филантропизмъ. Бѣдность, нищета, отсутствiе собственности, какъ послѣдствiе непротивленiя насилiемъ и отреченiя отъ обезпеченiя, самое законное состоянiе—ставится условiемъ, цѣлью—и является формальная бѣдность буддистовъ, монаховъ. То же и съ работой. Если она послѣдствiе отреченiя отъ обезпеченности и желанiя служить другимъ—становится цѣлью,—она непремѣнно приведетъ къ заблужденiю. Главное же, главное, душа въ душу говорю вамъ, милый другъ, единственная цѣль безконечная, всегда достижимая и достойная силъ, данныхъ намъ, это увеличенiе любви достигается однимъ опредѣленнымъ усилiемъ: очищенiемъ своей души отъ всего личнаго, похотливаго, враждебнаго. „Душа человѣка христiанка“, т. е. ей не только свойственна, но сущность ея есть лю-

бовь, и потому, чтобы увеличить, усилить любовь, надо только очищать, шлифовать ее какъ стекло, собирающее лучи. Насколько будетъ шлифованнѣе и чище, настолько будетъ сильнѣе пропускать и изливать свѣтъ и тепло любви. И этому дѣлу нѣтъ конца, нѣтъ препятствiй, нѣтъ предѣловъ радости и нѣтъ ничего добраго, того, что долженъ человѣкъ дѣлать, чтобы не входило частью въ это дѣло, т. е. въ дѣло очищенiя души и, вслѣдствiе того, увеличенiя любви. Вы это знаете милый другъ, знаете эту радость потому, что шли по этому пути и теперь, вѣроятно, идете въ глубинѣ своего сознанiя. Я же, чѣмъ ближе подхожу къ плотской смерти, тѣмъ яснѣе это вижу и познаю не однимъ созерцательнымъ, но и дѣйствительнымъ, опытнымъ путемъ: учусь не только къ присутствующимъ, живымъ людямъ, но къ отсутствующимъ, къ животнымъ, къ умершимъ подавлять въ себѣ всякiй оттѣнокъ презрѣнiя; насмѣшки, раздражительности, не только враждебности; и удивительно, по мѣрѣ достиженiя получаешь и награду въ ясности мысли, жизнерадостности. и плодотворности и скорости работы. Въ этомъ дѣлѣ, вы, вѣроятно, знаете это, нелюбовь къ одному человѣку парализуетъ силы жизни, точно такъ же, какъ нелюбовь, ненависть ко всѣму роду человѣческому. Стекло замутится и не пропускаетъ свѣта отъ одной капли грязи такъ же, какъ и отъ бочки.

VI.

Къ В. Ч.

Если не напишу сейчасъ, то никогда не отвѣчу на ваше письмо; я получилъ его вчера ночью и сейчасъ утромъ прочелъ его.—Вы даете три примѣра своей несостоятельности: 1) злобу къ людямъ, 2) несоотвѣтствiе жизни съ пониманiемъ жизни и 3) сомнѣнiе въ будущей вѣчной жизни.

Первое—злобу къ людямъ, безсилiя не только любви, но прощенья—я испытывалъ и испытываю сильнѣе всего и страдаю отъ этого больше всего. Утѣшаюсь тѣмъ, что въ этомъ Богъ помогаетъ мнѣ, и есть перерывы злобы, есть просвѣты сознанiя свыше вины, грѣховъ и потому прекращенiя осужденiя и даже проявленiя жалости тамъ, гдѣ была злоба. Я увѣренъ, что и вамъ Богъ дастъ эти минуты, эти искры огня. А если есть искры, то будетъ тепло и свѣтъ.

Скажу, что есть для меня тотъ трудъ, на которомъ я ловлю эти искры, и которымъ пытаюсь разжигать свое сердце. Главное—покаяніе, не огульное покаяніе: „грѣшенъ, батюшка, грѣшенъ“, или еще хуже—покаяніе того, что я весь въ грѣхахъ, родился въ грѣхѣ, что ни ступлю, то грѣхъ. Это признаніе, собравъ, запекши въ одну кучу всѣ грѣхи, какъ бы отдѣляетъ ихъ отъ меня и лишаетъ меня той неизбѣжной душевной пользы, которая милосердіемъ Божіимъ приложена къ каждому грѣху, какъ противоядіе къ яду.

Покаяніе не въ томъ, чтобы каяться вообще за всю прошедшую жизнь, а въ томъ, чтобы видѣть въ своей душѣ слѣды, остатки (хорошо еще какъ слѣды и остатки) прежнихъ грѣховъ опредѣленныхъ, понятныхъ, совершенныхъ тогда-то и тогда-то грѣховъ, и по этимъ остаткамъ живо представить себѣ всю прежнюю да и теперешнюю порочность и дикость по каждой статьѣ особенно.

Для того, чтобы перестать злиться на человѣка, чтобы примириться, простить, если есть, что прощать, даже пожалѣть и полюбить его, надо что? Лучше всего вспомнить свой грѣхъ передъ нимъ такой же, какъ его. Это особенное счастье, и тогда сразу исцѣленіе, но это рѣдко случается (хотя и то кажется, что рѣдко, потому что мы плохо ищемъ), и потому надо искать подобный же или хотя равный, еще лучше худшій грѣхъ передъ другимъ. И если это сдѣлать искренно, серьезно и живо вспомнить свою мерзость—простишь, примиришься и, Богъ дастъ, пожалѣешь и полюбишь. Разумѣется, помилуй Богъ притворяться, что любишь и жалѣешь, это хуже ненависти. Но избави Богъ тоже не уловить и не раздуть эту искру жалости и любви къ врагу, божеской любви, когда Богъ пошлетъ тебѣ искру ея. Вѣдь драгоцѣннѣе ея ничего нѣтъ. У насъ ужасная привычка забывать, забывать свое зло, свои грѣхи. И нѣтъ болѣе коренного средства забыть грѣхи—какъ огульное покаяніе. Всѣ грѣхи скопятся въ одну какую-то непроницаемую массу, въ которой нечего дѣлать, и когда понадобится для своего употребленія—свой грѣхъ такой хорошенькій, который бы искупилъ грѣхъ согрѣшающихъ противъ меня, и не найдешь. А этотъ музей надо держать въ порядкѣ, чтобы сейчасъ найти, что и когда нужно, и чтобы всѣ они, предметы—грѣхи, были порознь, не закрывали бы одинъ другого и являлись бы въ самомъ внушительномъ видѣ. Не забывать надо, а помнить, всегда помнить свои грѣхи, чтобы ими смягчать осужденіе чужихъ; я думаю, что главная разница добраго человѣка отъ злого та, что

добрый помнитъ все сдѣланное имъ злое, а забываетъ, не видитъ добраго, а злой—наоборотъ.

Но вы скажете: отчего я не иду впередъ? Отчего я все такой же, какой былъ? Благодарите Бога за то, что вы такъ чувствуете. Плохо, когда человѣкъ говоритъ себѣ: я сталъ лучше, чѣмъ былъ; вотъ не курю, не блужу, не сержусь даже,—даю десятину не такъ, какъ прежде, и не такъ, какъ мытарь. Помоги намъ Богъ быть всегда недовольными и не видѣть тѣхъ шаговъ, которые мы дѣлали (если дѣлали), приближаясь къ Нему. Эти шажки замѣтны только тогда, когда мы дѣлаемъ то, чего не должно, сравниваемъ себя съ прежнимъ собою или съ другими. Мы должны стараться быть совершенны, какъ Отецъ, и потому сравнивать себя только съ Нимъ, т. е. съ высшимъ безконечнымъ добромъ и истиной, и тогда нашихъ шажковъ мы не увидимъ. Поддержатъ насъ не эти лиллипутскіе шажки по пути добра, а только сознаніе того, что мы исполняемъ волю Бога. Воля же Бога въ томъ, чтобы мы, сдѣлавъ все, что можемъ, для уничтоженія несоотвѣтствія, сознавали бы, что мы сдѣлали то, чего нельзя было не сдѣлать, какъ работникъ съ хозяиномъ, вернувшійся съ поля.

Поразительно еще то, что это несоотвѣтствіе сознанія и жизни, которое такъ смущаетъ многихъ, всегда у всѣхъ людей одно и то же: у самаго святого и самаго грѣшнаго человѣка. По себѣ я, по крайней мѣрѣ, знаю, что въ святыя минуты сознанія на всякой точкѣ моего пути жизни несоотвѣтствіе и недовольство собой было одно и то же постоянное. Я не чувствовалъ его только тогда, когда опускался нравственно. Стало быть, это не нѣчто особенное, а свойство истинной человѣческой жизни. Да, дьяволу нельзя сказать разумнымъ людямъ, которые грѣшатъ и знаютъ это, дьяволу нельзя сказать: „вы совсѣмъ не грѣшите, убивая, блудя, и т. п. Продолжайте жить такъ. Вамъ и всѣмъ будетъ хорошо“. Люди не повѣрятъ. Вотъ онъ и придумываетъ такой обходъ, при которомъ выходило бы то же самое, т. е. чтобы люди, грѣша, вѣрили бы, что они не грѣшатъ, и купались бы въ своихъ грѣхахъ, не замѣчая ихъ,—вотъ онъ и говоритъ имъ: Положимъ, что жизнь ваша, которая не приведетъ всѣхъ къ добру, и можетъ быть названа грѣховной. Положимъ, что вы грѣшите, живя такъ, какъ вы живете, но, вѣдь, безъ грѣха вы жить не можете, а между тѣмъ сознаніе грѣха слишкомъ тяжело, и Богъ не могъ хотѣть того, чтобы вы мучились постоянно этимъ сознаніемъ, и потому онъ далъ средство осво-

божденія отъ этого сознанія; средство это—жертвы, которыя вы приносите или за васъ приносятъ, вообще искупительная жертва.

Мы такъ давно пріучены къ этому, такъ съ молокомъ всосалось намъ это представленіе о жизни такой, въ которой мы можемъ быть спокойны и довольны собой, что то самое естественное, неизбѣжное состояніе живой души человѣческой, въ которомъ мы чувствуемъ, что мы стремимся отъ худшаго къ лучшему, т. е. несоотвѣтствіе жизни съ сознаніемъ представляется намъ чѣмъ-то исключительнымъ.

Такъ вотъ по первому пункту могу вамъ сказать тó, что мнѣ указалъ Богъ. Не прощайте себѣ, тогда будете прощать другимъ.

Второе—несоотвѣтствіе жизни съ тѣмъ, что она, вы говорите, должна быть, а можно прямо сказать—съ тѣмъ, что она будетъ, есть ея признакъ, т. е. признакъ жизни: желудь не соотвѣтствуетъ дубу, цыпленокъ—курицѣ, кающійся грѣшникъ—святому. Во всѣхъ происходитъ движеніе отъ низшаго состоянія къ высшему, отъ худшаго къ лучшему, отъ меньшаго къ большему, все это неточно,—происходитъ жизнь.

И вотъ къ этой-то жизни есть троякое отношеніе: 1) жизнь идетъ, и существо, какъ желудь, младенецъ, иногда даже человѣкъ, не сознаетъ этого движенія, и не помогаетъ и не препятствуетъ ему; 2) человѣкъ сознаетъ это движеніе—видитъ то, къ чему онъ идетъ, и торопитъ это движеніе, спѣшитъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ сдѣлаться. Мальчикъ хочетъ быть взрослымъ, воображаетъ, что если онъ надѣнетъ мундиръ, будетъ ѣздить на охоту, пить и ругаться, то онъ будетъ мужчина. То же происходитъ и въ духовной жизни: человѣкъ видитъ, что онъ идетъ къ добру, къ освобожденію отъ грѣха, къ святости, и воображаетъ, что если онъ принесетъ жертву, если онъ увѣритъ себя, что жертва эта принесена, что онъ очищенъ отъ грѣха, то и точно онъ освободится отъ грѣха и достигнетъ святости. Это ужасный путь. Какъ мальчикъ развращается, желая быть тѣмъ, что онъ не есть, такъ и человѣкъ, желающій духовно быть тѣмъ, что онъ не есть; 3) человѣкъ видитъ, куда онъ идетъ, знаетъ, что несоотвѣтствіе его жизни съ его сознаніемъ есть условіе его жизни, и всѣми силами старается уменьшить въ своей жизни это несоотвѣтствіе, зная, что это не есть его личное дѣло, а дѣло его Отца, того, который его послалъ сюда такимъ, какимъ онъ есть, и вложилъ въ его сознаніе то, какимъ онъ долженъ быть и будетъ. И человѣкъ, зная, что это несоотвѣтствіе не есть нѣчто

особенное, случившееся, но законъ всякой жизни, безъ котораго невозможно никакое движеніе и приближеніе къ вѣчному и безконечному совершенству, Богу, человѣкъ, зная это, видитъ въ этомъ несоотвѣтствіи условіе своей жизни и блага.

И въ самомъ дѣлѣ, если бы у человѣка не было разумѣнія и вытекающаго изъ него сознанія несоотвѣтственности его жизни съ тѣмъ, чѣмъ она должна быть, и жизнь бы была такою, какою она была, когда онъ былъ неразумнымъ грѣшникомъ (вѣдь всѣ проходятъ черезъ грѣхъ, не одни мы съ вами), ему было бы хуже: не зачѣмъ бы было жить, не было бы никакой жизни. Я себѣ часто представляю героя исторіи, которую хотѣлось бы написать: человѣкъ воспитанный, положимъ, въ кружкѣ революціонеровъ, сначала революціонеръ, потомъ народникъ, соціалистъ, православный, монахъ на Аѳонѣ, потомъ атеистъ, семьянинъ, потомъ духоборецъ, все начинаетъ, все бросаетъ, не кончая. Люди надъ нимъ смѣются. Ничего онъ не сдѣлалъ и безвѣстно умираетъ гдѣ-нибудь въ больницѣ. И, умирая, думаетъ, что онъ даромъ погубилъ свою жизнь. А онъ-то святой.

Третье—сомнѣніе о томъ, что все, что вы думаете и чувствуете о вѣчной жизни, не есть ли плодъ безсознательнаго самообмана, вытекающаго изъ страха передъ призрачностью жизни? Вы пишете, что не можете ясно высказать этого состоянія. Его и нельзя высказать. Это состояніе есть только признакъ чего-то недодѣлавшагося въ душѣ. Вѣдь, если нѣтъ ничего, надо жить и веселиться. Но вы не можете дольше этого. Если все это злой обманъ, призракъ, то надо застрѣлиться или молчать. Вы тоже не можете этого. Если же есть Богъ, то надо откинуть, прорвать все то, что раздѣляетъ насъ съ нимъ. То, что вы дѣлаете, и сдѣлаете.

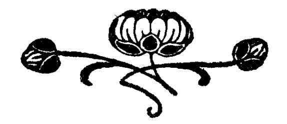
Опять ужасная уловка дьявола, это легкомысленная ни на чемъ не основанная ложная вѣра въ будущую, а не вѣчную жизнь. Я думаю, что если бы не было ложнаго ученія о будущей жизни, никто никогда не усумнился бы въ вѣчной жизни, той, про которую вамъ такъ ясно сказала (умершая) Оля, такъ несомнѣнно жившая ею.

Опять дьяволу нельзя сказать, что вѣчной жизни нѣтъ, когда есть только одна вѣчная жизнь, и другой никакой мы знать не можемъ, и Оля живетъ ею. Опять онъ придумываетъ штуку: плотская смерть это переходъ черезъ рѣку, пропасть, другой берегъ, переходъ несомнѣнно твердый прямо на пути, и нельзя ни миновать его, ни усумниться въ прочности его и въ томъ, что

онъ ведетъ къ благу. И вотъ дьяволъ надстраиваетъ мостъ, который кончается обрывомъ, ведетъ совсѣмъ не туда, куда надо, и заводитъ людей туда подъ предлогомъ, что по его мосту легче перейти. И, стоя на его мосту и видя передъ собой пропасть, вѣришь, что нѣтъ жизни. Я это испыталъ, не вѣрьте ему. Если есть сомнѣніе, то только потому, что вы хорошенько не разувѣрились въ жизни будущей личности. Личность умираетъ, индивидуальность безсмертна. Это его, дьяволовъ, обманъ.

Жизнь вѣчная—какъ баллонъ. Газъ это не наша сила, а Божья, которая тянетъ къ верху. Веревки привязывающія—это заблужденья, а баластъ пристрастія, своя воля, а не Божья. Если привязь перерѣзана, то держитъ баластъ. Насколько его выбросимъ, настолько полетимъ.

Л. Толстой.

Всякое совершенное зло прилѣпляется къ тѣлу.

Кармическая связь стимулируетъ ростъ души. Сама божественная природа рождается отъ этой связи.

Подобно тому какъ Эхо слѣдуетъ за голосомъ, такъ и слѣдствіе слѣдуетъ за причиной.

Всѣ пути растилаются прямо передъ твоими очами.

Въ истинномъ ученіи нѣтъ чудесъ.

Человѣкъ рождается только по той причинѣ, что онъ предварительно умеръ.

(Японскія изреченія).

Бхагавадъ-Гита.

*(Продолженіе *).*

XII Бесѣда *).

1.

Арджуна сказалъ:

Кто болѣе подвинутъ въ іогѣ: тѣ которые, всегда уравновѣшенные, поклоняются Тебѣ или тѣ, которые поклоняются Непроявленному Вѣчному?

2.

Благословенный молвилъ:

Тѣ, которые, всегда благозвучные, устремивъ свой умъ на Меня, исполненные высшей вѣрой, поклоняются Мнѣ, тѣ, по моему мнѣнію, достигли высшей гармоніи [1]).

3.

Тѣ, кто поклоняются Неразрушимому, Неизреченному, Непроявленному, Вездѣсущему, Неисповѣдимому, Неизмѣнному, Незыблемому, Вѣчному.

4.

Побѣдившіе свои чувства, съ равнымъ спокойствіемъ относящіеся ко всему, радующіеся благу всѣхъ, также приходятъ ко Мнѣ.

5.

Болѣе трудно тѣмъ, кто устремилъ всѣ мысли на Непроявленнаго; ибо трудно воплощенному достигнуть пути Непроявленнаго.

---

*) „Вѣстникъ Теософіи" 1910 г., № 12.

[1]) Буквально: превыше въ Іогѣ.

6.

Воистину тѣхъ, которые, отрѣшившись отъ дѣятельности, сосредоточиваются на Мнѣ, всецѣло отдавшись Іогѣ,

7.

Тѣхъ я поднимаю надъ океаномъ жизни и смерти, о Партха, ибо душою они пребываютъ во Мнѣ.

8.

Устреми свои мысли на Меня, погрузи свое сознаніе въ Меня; тогда воистину ты будешь жить во Мнѣ.

9.

Но если ты не въ состояніи еще сосредоточиться на Мнѣ, то пытайся достигнуть Меня іогой поклоненія, Дхананджая.

10.

Если ты не способенъ на постоянную іогу поклоненія, то сосредоточься на служеніи Мнѣ; исполняя всѣ дѣйствія во имя Мое, ты достигнешь совершенства.

11.

Если же ты и на это не способенъ, то, найдя пріютъ въ сліяніи со Мною и обуздавъ свое я, откажись отъ плодовъ своей дѣятельности.

12.

Знаніе лучше постояннаго поклоненія; медитація [1]) лучше знанія; отреченіе отъ плодовъ дѣятельности лучше медитаціи; за отреченіемъ слѣдуетъ миръ.

13.

Тотъ, кто не испытываетъ вражды ни къ какому существу, дружественный и сострадательный, безъ привязанности [2]) и эгоизма, уравновѣшенный среди радости и скорби, всепрощающій,

14.

Всегда довольный, благозвучный, побѣдившій себя, рѣшительный, посвятившій Мнѣ разумъ и мысли, тотъ преданный ученикъ Мой [3]) дорогъ Мнѣ.

---

[1]) Молитвенное размышленіе.

[2]) Привязанности къ плодамъ дѣятельности.

[3]) Мой Бакта, т. е. идущій за мною въ любви.

15.

Тотъ, отъ кого міръ не отвращается и кто не отвращается отъ міра, свободный отъ тревогъ радости, гнѣва и страха, тотъ дорогъ Мнѣ.

16.

Тотъ, кто ни въ чемъ не нуждается, кто чистъ, опытенъ, безстрастенъ, не тревожный, отказавшійся отъ всѣхъ начинаній, преданный ученикъ Мой дорогъ Мнѣ.

17.

Тотъ, кто не любитъ, не ненавидитъ, не желаетъ, отрекшійся отъ добра и зла [1]), исполненный преданности, онъ дорогъ Мнѣ.

18.

Равный къ другу и недругу, одинаковый въ славѣ и безчестіи, въ теплѣ и холодѣ, въ радости и скорби, свободный отъ привязанности,

19.

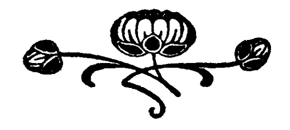
Одинаково встрѣчающій похвалу и упрекъ, молчаливый, вполнѣ довольный всѣмъ, бездомный, твердый въ мысляхъ, полный преданности, онъ дорогъ Мнѣ.

20.

Воистину, всѣ раздѣляющіе эту жизнь,—творящую мудрость [2]), исполненные вѣры, для которыхъ Я—высочайшая Цѣль, истинно поклоняющіеся Мнѣ, дороги Мнѣ превыше всего.

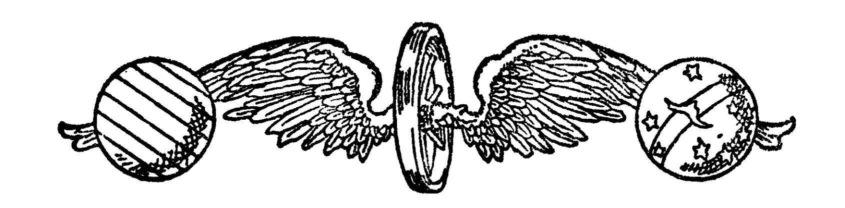
Такъ гласитъ XII бесѣда славной Бхагаватъ-Гиты, именуемая Іога Любви.

Пер. **И. Манціарли и Alba.**

[1]) Т. е. отъ обычныхъ представленій о добрѣ и злѣ.

[2]) Буквально: на подобіе нектара утоляющая мудрость.

Обозрѣніе Теософической Литературы.

„Theosophist“ даетъ начало книги А. Безантъ, посвященной братству религій. Въ введеніи указывается, что всѣ религіи являются отвѣтомъ Бога на человѣческія исканія Бога, отвѣтомъ, который дается черезъ боговдохновенныхъ людей, именуемыхъ Пророками, Риши, Сынами Божіими. Всѣ они составляютъ какъ бы одно великое Братство, которое руководитъ духовной эволюціей человѣчества. Черезъ Нихъ даются тѣ откровенія, которыя ихъ учениками заносятся въ Св. Писанія. Всѣ религіи міра признаютъ въ основѣ своей 7 ученій:

Единство Бога, Единой Самодовлѣющей Жизни.

Проявленіе Бога во вселенной въ трехъ аспектахъ.

Іерархію духовныхъ существъ.

Воплощеніе духа.

Законъ причинности.

Три сферы человѣческой эволюціи.

Братство человѣка.

Въ I главѣ развивается положеніе о единствѣ Бога, какъ центральное ученіе религіи и какъ основа нравственности. Онъ „совершенный Духъ“, изъ Котораго все изошло и Которымъ все держится; но Самъ Онъ превыше вселенной: „Отдавъ частицу Себя на проявленіе вселенной, Я остаюсь“ (Бхагаватъ-Гита).

Братство всюду и во всемъ, слѣдовательно и въ насъ самихъ. По мѣрѣ того, какъ мы растемъ и очищаемся, Богъ въ насъ раскрывается по завѣту Христа: „Будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ вашъ Небесный“. Познаніе нашей божественности дается только чистой и праведной жизнью, исполненной любви. На этомъ зиждется знаменитый парадоксъ Св. Ансельма: „Станьте тѣмъ, чѣмъ вы есть“.

Машъ Макъ, въ статьѣ „Воспитаніе и воля“, указываетъ на опасныя увлеченія передовой педагогіи, стремящейся до крайности облегчить дѣтямъ всякое воспріятіе знанія, лишая ихъ, такимъ образомъ, необходимости дѣлать усилія. Такое увлеченіе явилось здоровой реакціей противъ суровыхъ методовъ прежней педагогіи, считавшей необходимымъ внушать страхъ дѣтямъ и влiять угрозами и наказаніями. Но реакція зашла слишкомъ далеко и впала въ другую, не менѣе опасную крайность. Воспитаніе должно воспитывать волю столько же, сколько и сердце и умъ; оно должно содѣйствовать правильному и гармоничному развитію всѣхъ душевныхъ силъ ребенка, должно также заботиться и о физическомъ его развитіи. Для такого воспитанія воспитатели должны сами быть тонко и всесторонне развитыми людьми, знать и понимать натуру ребенка. Авторъ призываетъ родителей и воспитателей къ соединенной работѣ, чтобы вмѣстѣ дружно выработать новые пріемы воспитанія, годные для воспитанія представителей новой расы и новой культуры.

Е. Веаль пишетъ о второмъ пришествіи. Авторъ напоминаетъ, что оно совершится тогда и такъ, какъ нужно это будетъ міру, а не такъ, какъ мы себѣ это представляемъ и желаемъ. Божественный Учитель придетъ въ образѣ, который можетъ быть совсѣмъ не будетъ соотвѣтствовать нашему представленію о Немъ; не будетъ внѣшнихъ признаковъ Его славы, мы должны будемъ уловить внутренніе признаки, а это дается лишь „чистымъ сердцамъ“. Никогда еще не было времени, когда человѣку было такъ трудно признать величіе и смиренно преклониться передъ красотой; и потому много шансовъ, что многіе не узнаютъ Христа, когда Онъ явится. Не узнаютъ еще и потому, что Учитель придетъ соединить мудрость Востока и Запада; большинство же вѣрующихъ все еще видятъ религію лишь въ ея временномъ историческомъ облаченіи и спорятъ о превосходствѣ христіанства или буддизма. Тѣ, кто ставятъ одинъ религіозный покровъ выше другого, еще не доросли до пониманія сути самой религіи, т. е. отношенія человѣка къ Богу внѣ ига всякихъ формъ.

О. С. М. доказываетъ, что перевоплощеніе есть одно изъ ученій Ислама. Въ статьѣ даны ясныя указанія на то, что Магометъ строго отдѣлялъ ученіе экзотерическое отъ той части его, которую онъ открывалъ готовымъ принять его.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ дается очеркъ жизни и портретъ д-ра Р. Штейнера, представителя Теософическаго Общества въ Германіи.

Рудольфъ Штейнеръ родился въ 1861 г. въ Сѣверной Австріи; онъ сынъ Римско-Католической Церкви, которая развила въ немъ врожденныя сѣмена мистицизма. Онъ былъ ясновидящій уже въ дѣтствѣ. Юность свою онъ провелъ въ изученіи философіи и науки. 29 лѣтъ онъ получилъ званіе доктора философіи и началъ свою литературную дѣятельность въ Веймарѣ изданіемъ научныхъ трудовъ Гете. Онъ встрѣтилъ Геккеля и эта встрѣча привела его къ написанію двухъ статей: „Теоріи міра и жизни въ XIX вѣкѣ“ и „Геккель и его оппоненты“. Въ 1902 г. д-ръ Р. Штейнеръ вступилъ въ Теософическое Общество, признавъ, что Розенкрейцерство и Восточная мудрость имѣютъ одинъ и тотъ же корень. Черезъ него Теософическое движеніе стало большой силой въ Германіи и эта сила съ каждымъ днемъ все больше и больше расшатываетъ основы матеріализма.

Въ популярномъ отдѣлѣ идетъ очеркъ А. Безантъ: „Человѣкъ и его тѣла“.

Къ № приложенъ снимокъ съ картины Индусской живописи: поклоненіе 3-хъ Саніязи. Вся картина окутана мягкими тѣнями южной ночи и дышетъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ.

„Bulletin Théosophique“ посвящаетъ статью памяти гр. Вахтмейстеръ. Авторъ, А. Блэкъ, вспоминаетъ свои первыя встрѣчи съ знаменитымъ работникомъ на нивѣ Теософіи, преданной ученицей Е. П. Блаватской. Теософическое движеніе во Франціи многимъ обязано трудамъ и преданности гр. Вахтмейстеръ. Графиня оставила маленькую книжечку „La Théosophie pratiquée journellement“.

„Adyar-Bulletin“ даетъ статью Ч. Ледбитера „Выборъ среды“, въ которой авторъ указываетъ на необходимость охранять по возможности свое жилище отъ дурныхъ вибрацій, окружать себя красотой, но не роскошью, искать солнца и воздуха и не допускать ничего въ своемъ домѣ, что могло бы рождать нечистыя, вульгарныя, или страшныя ассоціаціи. Во всемъ слѣдуетъ культивировать правду и простоту. Лучше всего жить внѣ города ближе къ природѣ и къ ея благодѣтельнымъ вибраціямъ.

„Theosophy in Scotland“ отводитъ большое мѣсто хроникѣ теософическаго движенія въ Шотландіи и библіографическому отдѣлу. Ж. Эльдеръ даетъ статью о страданіи, въ которой указываетъ, что всѣ наши страданія происходятъ отъ грѣха обособленія. Наше исцѣленіе и счастье въ признаніи и осуществленіи братства.

Въ журналѣ разбросаны изреченія англійскихъ поэтовъ. Приводимъ одно изъ нихъ, принадлежащее Шелли:

„Зависть изыскиваетъ пятна на великомъ свѣтилѣ; любовь и въ самомъ served мракѣ находитъ безконечно малыя звѣздочки“.

„Revue Théosophique“ (Lotus bleu) помимо обычныхъ статей (обозрѣніе, хроника, библіографія) и приложенія Тайной Доктрины, даетъ переводъ статьи А. Безантъ „Освобожденіе или спасеніе“, о которой была уже рѣчь *), и очеркъ Ч. Ледбитера „Погибшія души“. Ч. Ледбитеръ указываетъ, что эгоизмъ и неочищенный оккультизмъ приводятъ къ большимъ опасностямъ и сильно задерживаютъ развитіе человѣка, но вѣчной погибели нѣтъ: со временемъ спасутся всѣ, даже самые отсталые и темные. Имъ придется только пройти черезъ большія страданія, чтобы вернуться къ свѣту.

„Американскій Вѣстникъ“ („Theosophic Messenger“) даетъ статью Г. Феликсъ объ оккультизмѣ въ современной поэзіи, статью С. Джинарджадаза „О помощи христіанскому духовенству“, статью Ж. Джэмса „Философія и Теософія“ и переводъ А. Безантъ „Воспитаніе въ свѣтѣ Теософіи“ **).

Въ статьѣ „Философія и Теософія“ ***), извѣстный американскій профессоръ психологіи и философіи дѣлаетъ краткій историческій обзоръ различныхъ философскихъ системъ и останавливается съ особымъ вниманіемъ на Теософическомъ ученіи, которое онъ опредѣляетъ, какъ стройное развитіе неоплатонизма. Онъ призываетъ слушателей серьезно ознакомиться съ Теософическимъ ученіемъ, которое открываетъ самые широкіе горизонты и даетъ отвѣтъ на самыя сложныя проблемы духа.

„Lotus Journal“ даетъ очеркъ жизни блаженной Оринги, недавно Римско-Католической Церковью причисленной къ лику святыхъ. Въ ея скитаніяхъ ее сопровождалъ маленькій зайченокъ, который нѣсколько разъ выводилъ ее изъ затрудненій и наконецъ привелъ ее къ святой обители на горѣ Гаргано.

Параллельно идетъ исторія св. Сервана и св. Кентигерна, перваго епископа въ Гласго. У св. Сервана былъ любимый снигирь. Когда ему пришлось уйти на важную миссію, онъ оставилъ свою птичку св. Кентигерну на храненіе. Злые люди, ревновавшіе къ св. Сервану, убили снигиря, намѣреваясь сказать св. Сервану, что убійцей былъ его другъ и, такимъ образомъ, разрушить ихъ дружбу. Св. Кентингеръ горько заплакалъ при видѣ злодѣянія и, взявъ птичку въ руки, осѣнилъ ее крестомъ. Богъ сжалился надъ

*) „В. Т.“, октябрь 1910 г.

**) См. „В. Т.“, сентябрь 1910 г.

***) Рѣчь, сказанная покойнымъ проф. Джэмсъ въ Чикаго, августъ 1910 г.

горемъ святого и воскресилъ снигиря, и когда св. Серванъ вернулся домой, то ему на встрѣчу вышелъ сіяющій св. Кентингернъ съ снигиремъ. Птичка затрепетала и, запѣвъ пѣсню радости, прильнула къ своему хозяину.

Бывшій Смоленскій журналъ „Теософская Жизнь" превратился въ настоящее время въ новый журналъ „Жизнь духа", при участіи прежней редакціи и тѣхъ же сотрудниковъ. Онъ именуется „Спиритуалистическій религіозно-философскій журналъ" и является органомъ Смоленскаго „Христіанскаго Теософическаго Общества", принявшаго 2 и 3 цѣли *) Теософическаго Общества цѣликомъ и ограничившую первую **) исключительно христіанами. Поэтому новое наименованіе журнала болѣе соотвѣтствуетъ его цѣлямъ, чѣмъ первое.

Первая статья, Ф. Потѣхина, „Побѣда духа" посвящена милосердію къ животнымъ. Авторъ разсказываетъ о сооруженіи въ далекой Африкѣ еще небывалаго въ исторіи человѣчества памятника: на скалѣ бронзовый конь, истомленный жаждой; колѣнопреклоненный солдатъ готовится его напоить изъ походнаго ведра. Внизу надпись: „Величіе народа состоитъ не въ числѣ его населенія, не въ обширности его владѣній, а въ искренности и всеобъемлемости его состраданія". На противоположной сторонѣ памятника другая надпись: „Воздвигнуто добровольной подпиской въ благодарность за службу славныхъ животныхъ, погибшихъ въ англо-бурскую войну въ 1899—1902 гг.". Памятникъ этотъ сооруженъ на городской площади порта Елизабетъ.

Авторъ справедливо видитъ въ этомъ фактѣ знаменіе времени, указаніе на начало духовнаго роста человѣчества, ибо милосердіе и благодарность — неизмѣнные спутники раскрытія духа.

Статья „Заповѣди ученикамъ Будды" указываетъ на первое условіе доброй жизни: (перестань творить зло) выраженное въ заповѣдяхъ Гаутамы Будды: Не убій, не укради, не прелюбодѣйствуй, не лги, избѣгай безнравственныхъ разговоровъ и блюди чистоту слова, не клевещи и не оскорбляй, избѣгай празднословія, не будь жаденъ, побѣждай предразсудки, будь терпѣливъ и милосердъ.

---

*) Сравнительное изученіе религій и философій и изученіе скрытыхъ силъ въ человѣкѣ и природѣ.

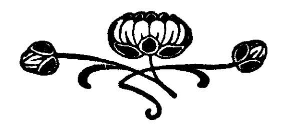
**) Созданіе ядра всемірнаго братства безъ различія національности, вѣроисповѣданій, расы, касты или пола.

Въ журналѣ идетъ статья Э. Сведенборга „Тайны небесныя“, даются извлеченія изъ „Свѣта на пути“ и разбросаны прекрасныя мысли Л. Толстого и Шопенгауера.

Въ статьѣ „Всеобщее братство“ Е. Карлова призываетъ всѣхъ ищущихъ Бога къ братскому единенію. Авторъ заканчиваетъ свой очеркъ такъ:

„Задача всѣхъ теософовъ состоитъ въ приведеніи всего человѣчества къ внутреннему просвѣтленію. Средствомъ къ этому будетъ: братство, терпимость и дѣятельная любовь къ ближнему.

Alba.

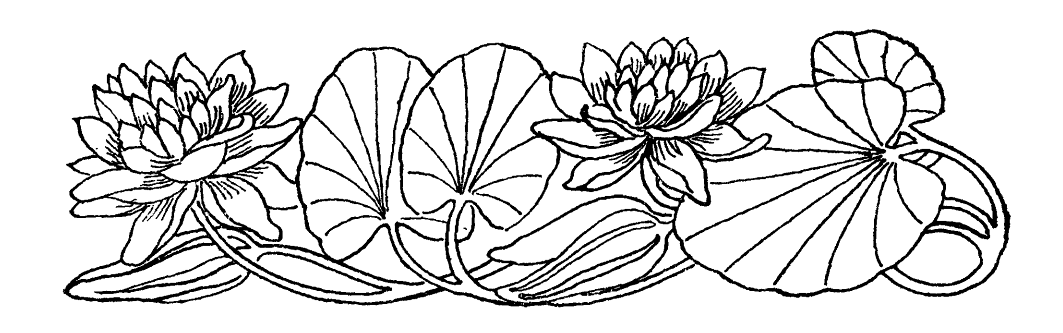

Вѣтеръ непостоянства не выбираетъ себѣ времени.
Ничто не можетъ расти, если не посѣяно зерно.
Міръ есть только мѣсто остановки.
Лучше брить свое сердце, чѣмъ голову *).
То, что выросло, должно идти дальше (исчезнуть).
Цвѣтокъ возвращается къ своему корню.

(Японскія изреченія).

---

*) Намекъ на постриженіе священниковъ.

Хроника Теософическаго движенія.

— 17 ноября 1910 г. въ С.-Петербургѣ состоялось при помѣщеніи Женскаго О-ва II открытое Собраніе Россійскаго Теософическаго Общества. Предсѣдательница Калужскаго Отдѣла, Е. Ф. Писарева, сдѣлала сообщеніе: „Дѣятельность и значеніе Е. П. Блаватской". За докладомъ послѣдовали оживленныя пренія.

— 19 ноября въ большой аудиторіи Солянаго Городка А. В. Унковская прочла публичную лекцію: „Искусство въ свѣтѣ Теософіи". Лекторша излагала свою методу „Цвѣтъ — Звукъ — Число" и поясняла лекцію музыкальными и художественными иллюстраціями. Лекція имѣла блестящій успѣхъ.

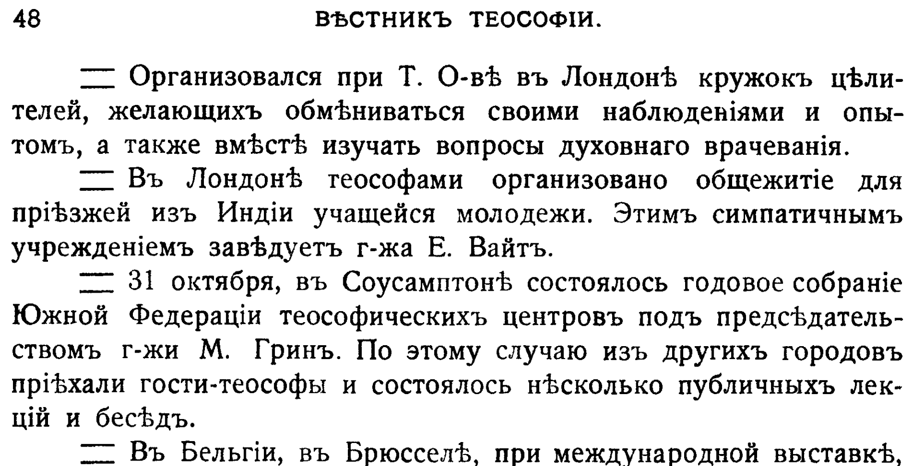
— 21 ноября въ помѣщеніи Р. Т. О-ва (Ивановская, 22) состоялось годовое собраніе Общества. На собраніе пріѣхали члены изъ Кіева, Калуги и Москвы. По окончаніи всѣхъ дѣлъ, Общество праздновало вторую годину своего существованія.

— 6 ноября, было открытое собраніе Калужскаго Отдѣла Р. Т. О-ва. Предсѣдательница дѣлала сообщеніе „О значеніи Е. П. Блаватской".

— 14 ноября, было открытое собраніе Московскаго Отдѣла. Е. Ф. Писарева дѣлала сообщеніе: „Строеніе человѣка".

— 8 декабря въ помѣщеніи Спб. Женскаго О-ва состоялось III открытое собраніе Р. Т. О-ва. Членомъ О-ва П. Д. Успенскимъ было сдѣлано сообщеніе: „Теософія и Наука".

— Въ Лондонѣ, при помѣщеніи Т. О-ва, устроились ораторскіе курсы; завѣдуетъ ими г-жа М. Шарпъ, представитель Теософическаго движенія въ Англіи.

═ Организовался при Т. О-вѣ въ Лондонѣ кружокъ цѣлителей, желающихъ обмѣниваться своими наблюденіями и опытомъ, а также вмѣстѣ изучать вопросы духовнаго врачеванія.

═ Въ Лондонѣ теософами организовано общежитіе для пріѣзжей изъ Индіи учащейся молодежи. Этимъ симпатичнымъ учрежденіемъ завѣдуетъ г-жа Е. Вайтъ.

═ 31 октября, въ Соусамптонѣ состоялось годовое собраніе Южной Федераціи теософическихъ центровъ подъ предсѣдательствомъ г-жи М. Гринъ. По этому случаю изъ другихъ городовъ пріѣхали гости-теософы и состоялось нѣсколько публичныхъ лекцій и бесѣдъ.

═ Въ Бельгіи, въ Брюсселѣ, при международной выставкѣ, былъ организованъ рядъ публичныхъ теософическихъ лекцій, для которыхъ пріѣхали лекторы изъ Франціи, Голландіи, Англіи и Германіи. Читали д-ръ Р. Штейнеръ, Г. Шевріэ, г-жа А. Блэкъ и г. Ревель. Дѣломъ организаціи завѣдывалъ членъ Т. О-ва, извѣстный художникъ Ж. Дельвиль. Лекціи привлекли многочиеленную публику и имѣли блестящій успѣхъ.

═ Новымъ генеральнымъ секретаремъ Венгріи избранъ г. Л. Старкъ (Zsimond—Utca, I, Budapest).

═ Въ Парижѣ только что закончились серія лекцій г-жи Азбекъ, члена Т. О-ва, на тему „Этика Спинозы и Теософія". Эти лекціи происходили безплатно при помѣщеніи Т. О-ва и привлекли многочисленную публику.

═ Въ Копенгагенѣ основалась новая вѣтвь Теософическаго Общества, въ которую вступило 54 члена.

═ Въ Голландіи теософы рѣшили устраивать 4 раза въ годъ съѣзды, посвящая свои собранія какому-нибудь одному вопросу и собираясь каждый разъ въ новомъ теософическомъ центрѣ. Первый такой съѣздъ былъ посвященъ обсужденію вопроса: Догматизмъ и Свободомысліе. Второй — вопросамъ искусства.

═ І. Фрике вернулся въ Голландію, чтобы на годъ замѣнить г-жу Э. Виндэстъ, поѣхавшую въ Адіаръ. По пути, г-жа Виндэстъ остановится на нѣсколько недѣль на островѣ Ява, гдѣ за послѣдніе годы сильно выросло движеніе.

Въ Голландіи группа теософовъ начинаетъ изданіе журнала „Единеніе" (Einheid) имѣющаго цѣль объединить самыя различныя духовныя и научно-философскія исканія. Этотъ органъ появляется два раза въ мѣсяцъ.

═ Два новыхъ теософическихъ центра образовались въ Тунисѣ.

= Въ Бельгіи, при Орденѣ Служенія, возникаетъ „Лига противъ Лжи“. Ея цѣль опредѣляется такъ: Бороться противъ лжи во всѣхъ ея видахъ: сознательной и безсознательной, преувеличеній, лицемѣрія, клеветы, плутовства, обмана, дипломатическихъ обходовъ, симуляціи, фальши, лести, инсинуаціи, невѣрности, недоговоренности и т. п.

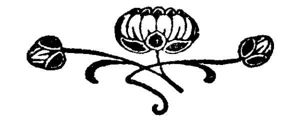
= Въ Австраліи возникаютъ Теософическіе Курсы. Они основаны въ Аделаидѣ и будутъ ежегодно функціонировать во время Рождественскихъ каникулъ.

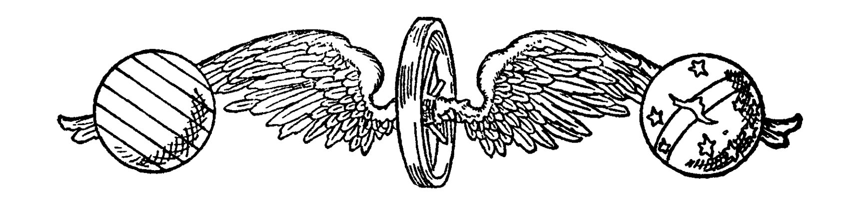
= Второй съѣздъ молодой Африканской Секціи состоялся въ Іоганисбергѣ. На немъ присутствовало много членовъ изъ другихъ центровъ. Г. Нельсонъ былъ единогласно избранъ генеральнымъ секретаремъ. Въ настоящее время въ Африканской Секціи числится 135 членовъ.

= На маленькомъ островѣ Св. Маврикія, близъ Мадагаскара, серьезно работаетъ центръ С.-Луи. Недавно этотъ центръ основалъ теософическій журналъ „Ищущій“ (Seeker), который издается на французскомъ и на англійскомъ языкахъ.

= Въ Америкѣ, въ Чикаго, состоялся съѣздъ Американской Секціи, на который съѣхалось 96 представителей разныхъ американскихъ центровъ. Д-ръ Веллеръ-ванъ-Гукъ былъ снова избранъ генеральнымъ секретаремъ. Годовой отчетъ даетъ цифру членовъ 3009. Кружковъ теософическихъ, примыкающихъ къ Адіару, въ настоящее время 110 въ Америкѣ. За истекшій годъ образовалось 12 новыхъ центровъ. Съѣздъ длился три дня. День былъ посвященъ дѣламъ и лекціямъ, а вечеръ развлеченіямъ. Была исполнена мистерія „Обѣтованіе пришествія Христова“, написанная г. В.-ванъ-Гукъ, представителемъ Американской Секціи. Дважды были лекціи съ свѣтовыми картинами, изображающими храмы всѣхъ народовъ земного шара.

= Родилось 18-е Національное Теософическое Общество, Швейцарское.

Хроника жизни.

— 7 ноября 1910 г., въ 6 час. 5 мин., скончался Левъ Николаевичъ Толстой. Смерть его на глухой маленькой станціи Астапово, пріобрѣтшей въ силу этого теперь всемірную извѣстность, смерть — такая поразительная, полная идейной высоты и красоты, заставила забыть всѣхъ и отодвинуть на задній планъ всѣ другія событія этого міра.

Извѣстный „отецъ модернизма“, бывшій священникъ, депутатъ Ромулъ Мурри въ „Il Giornale d'Italia“ написалъ, что смерть Л. Н. Толстого — божественна. „Этотъ старецъ, который, при приближеніи смерти, оставилъ семью, домъ и убѣжалъ въ одиночество, направляясь къ Святой Землѣ, навстрѣчу Тишинѣ и Абсолюту, чтобы разорвать послѣднія узы, связывавшія его съ міромъ, чтобы убить послѣдніе маленькіе „резервы“ жизни и практическія отрицательныя качества, наложенныя жизнью на его идеалъ, который въ бѣгствѣ своемъ встрѣчаетъ освободительницу,—этотъ старецъ возбуждаетъ безконечное преклоненіе. Этимъ своимъ послѣднимъ актомъ Толстой въ полной степени осуществилъ на нѣсколько дней, на одинъ часъ, свою страстную мечту объ идеалѣ, мудростью своей побѣдивъ современную презрѣнную практичность“... „Плачемъ, — говоритъ Мережковскій, — не знаемъ, отъ скорби или радости... но... земля опустѣла... Что-то вдругъ оторвалось, смолкло... замолкъ голосъ, который много лѣтъ тому назадъ крикнулъ обществу: „Опомнитесь, остановитесь, — подумайте о своей жизни!“ Проповѣдью „ничего недѣланія“ назвало общество это... Возмущенный варварскимъ обычаемъ сѣченія людей, онъ крикнулъ: „Стыдно“, — но истязанія продолжались и продолжаются и донынѣ. Когда постояннымъ явленіемъ нашей жизни стала смертная казнь, голосъ крикнулъ грозное: „Не могу молчать!“—но все продолжалось попрежнему.

Толстой былъ религіознымъ геніемъ, „единственнымъ великимъ христіаниномъ нашего времени“ (такъ назвалъ его Гергардтъ Гауптманъ въ Берлинской газетѣ), онъ былъ великимъ проповѣдникомъ любви. Послѣдней его бесѣдой—съ докторомъ Семеновымъ, дежурившимъ у его кровати,—была бесѣда о вредѣ вивисекціи: „Это жестоко,—сказалъ Левъ Николаевичъ,—нельзя страданіемъ однихъ Божьихъ созданій лечить другое Божье созданье—человѣка“... Послѣдними его словами, обращенными къ дочери Татьянѣ Львовнѣ, были: „Вотъ вы безпокоитесь столько объ одномъ человѣкѣ, а между тѣмъ на свѣтѣ милліоны людей, переживающихъ большія, чѣмъ я, страданія... Надо о нихъ подумать... Подумайте!“

Похороненъ Левъ Николаевичъ, согласно его завѣщанію, безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ, въ Ясной Полянѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ имъ когда-то въ дѣтствѣ была зарыта „зеленая палочка“, которая символизировала собою „добро“: когда ее выроютъ, добро должно распространиться по всему міру.

Такъ какъ Левъ Николаевичъ былъ отлученъ отъ православной церкви, то панихиды по немъ были запрещены Синодомъ. Была ли церковь не въ правѣ молиться за отлученнаго? Или же имѣла право не молиться? Вѣрнѣе вторая редакція: имѣла право не молиться... хотя митрополитъ Антоній самъ писалъ, что онъ „всегда молился и молится за Льва Николаевича“. Вѣдь существуетъ молитва Василія Великаго, гдѣ Церковь молится колѣнопреклоненно даже о „иже во адѣ держимыхъ“.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ о кончинѣ Толстого Его Императорское Величество Государь Императоръ изволилъ начертать слѣдующія слова: „Душевно сожалѣю о кончинѣ великаго писателя, воплотившаго во время расцвѣта своего дарованія въ твореніяхъ своихъ родные образы одной изъ славнѣйшихъ годинъ русской жизни. Господь Богъ да будетъ ему Милостивымъ Судьею“.

Въ день смерти Толстого во многихъ городахъ были прекращены представленія въ театрахъ, отложены другія развлеченія и лекціи. Въ С.-Петербургскомъ Университетѣ громадная студенческая сходка закончилась неоднократнымъ пѣніемъ „Вѣчной памяти“.

На засѣданіи Государственной Думы послѣ словъ предсѣдателя: „Наше отечество переживаетъ тяжелое горе: умеръ графъ Л. Н. Толстой, великій мыслитель, великій художникъ, геній, составляющій гордость Россіи и славу всего человѣчества. Господь Милосердый да откроетъ передъ нимъ Царство Небесное! Предлагаю почтить память его вставаніемъ и въ знакъ нашей глубокой печали прервать наши занятія

на сегодняшній день",—всѣ поднялись единодушно, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ. Засѣданіе было закрыто *).

В. Г. Короленко подробно останавливается (въ „Русск. Вѣд.") на тѣхъ колебаніяхъ, которыя пришлось пережить оффиціальной Россіи во время болѣзни и послѣ смерти величайшаго генія. Смерть великаго писателя ясно показала, что „міръ не желаетъ судить Толстого ни съ точки зрѣнія оффиціальнаго государства, ни съ точки зрѣнія оффиціальной греко-россійской церкви. Міръ склоненъ, пожалуй, къ обратному: онъ готовъ оцѣнивать оффиціальную Россію (свѣтскую и духовную) по ихъ отношеніямъ къ Толстому. Великій писатель сталъ чѣмъ-то въ родѣ моральной великой державы, которую со многихъ точекъ зрѣнія выгодно имѣть союзницей. И если такого союза нѣтъ... его стоило бы даже выдумать". „И результатъ дипломатическаго пріема, — говоритъ онъ дальше,—вышелъ бы совершенно неожиданный: могло показаться, что это не Толстой присоединился къ оффиціальной Россіи свѣтской и духовной... А что, наоборотъ, Россія—смиренно пошла за колесницей, на вершинѣ которой величаво покоился прахъ великаго русскаго генія и свободнаго религіознаго мыслителя... Толки по поводу того, что великій писатель пожелалъ отправиться въ міръ безконечной тайны безъ обычнаго напутствія тѣхъ, кого вѣка и милліоны признаютъ оффиціальными властителями этого невѣдомаго міра,—разнообразны, какъ разнообразно человѣческое море. Но въ стихійно-широкій говоръ этого моря ворвалась все-таки новая нота, въ милліоны нетронутыхъ умовъ палъ новый фактъ и въ милліонахъ сердецъ шевельнулось новое чувство. Эта мысль и это чувство—терпимость".

Послѣ смерти Толстого осталось громадное литературное богатство. Объ этихъ произведеніяхъ сообщались отрывочныя свѣдѣнія въ газетахъ. Вотъ эти произведенія: 1) „Хаджи Муратъ"; 2) „О. Сергій"; 3) „Послѣ бала"; 4) „Фальшивый купонъ"; 5) „Трупъ". Остались и произведенія, о которыхъ даже совсѣмъ не знали, не знали о самомъ фактѣ ихъ существованія. Такъ, напримѣръ, повѣсть „Тихонъ и Маланья". Кромѣ того, въ бумагахъ его имѣются семнадцать началъ романа о Петрѣ Великомъ, и, наконецъ, грандіозный дневникъ Льва Николаевича, веденный многіе годы и въ который Толстой вносилъ послѣднія записи уже въ Астаповѣ, когда былъ у самаго порога смерти.

═ Въ Каирѣ состоялось засѣданіе имѣющагося тамъ отдѣленія всемірнаго Теософическаго Общества, посвященное чествованію па-

*) Трудовой группой въ Государственную Думу внесено предложеніе увѣковѣчить память Л. Н. Толстого отмѣной смертной казни. Предложеніе не прошло, но важно, что оно было поставлено.

мяти русскаго философа. Между прочимъ, въ этомъ собраніи было принято предложеніе: увѣковѣчить имя Л. Н. Толстого новымъ переводомъ на арабскій языкъ его избранныхъ сочиненій. Въ настоящее время на книжномъ рынкѣ Египта имѣются, находящіе значительный спросъ, романы Толстого „Аль Кіаматъ“ („Воскресенье“), „Аль Харбъ уаль Сулохъ“ („Война и Миръ“) и цѣлый рядъ мелкихъ брошюръ философскаго содержанія.

= Англійское духовенство внимательно слѣдитъ за развитіемъ науки въ ея различныхъ отрасляхъ и новѣйшія психологическія теченія не остались безъ вліянія на него. Теперь часто съ проповѣдническихъ каѳедръ Соединеннаго Королевства слышится рѣчь о дѣятельности нашего подсознательнаго ума, въ которой, очевидно, англійскіе пастыри предполагаютъ найти новую основу вѣры. Такъ, на-дняхъ, въ лондонскомъ City Temple одинъ „достопочтенный“ проповѣдникъ заявилъ, что хотя еще имѣются люди, отвергающіе теорію подсознательнаго ума, но уже собрано слишкомъ много фактовъ, говорящихъ въ ея пользу. Психологическія изслѣдованія, желательно это или нѣтъ, приводятъ къ выводу, что сознаніе человѣка въ любое время его жизни весьма ничтожно сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ онъ дѣйствительно является, и что все наиболѣе характерное въ человѣкѣ приходится отнести именно къ области его подсознательнаго.

Сравнительно немногіе вѣрятъ въ подлинность „спиритуалистическихъ“ явленій; большинство относится къ нимъ съ пренебреженіемъ, не желая вдаваться въ обсужденіе возможности такихъ явленій. Нельзя отрицать, что опыты съ такими явленіями, для производящихъ ихъ, опасны и что на чувствительныя натуры они могутъ оказать губительное вліяніе. Приходится только сожалѣть, что весьма часто смѣшиваются съ ними вульгарный обманъ и подлогъ. Но уже теперь можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что для будущихъ поколѣній спиритуалистическія сообщенія будутъ такой же очевидностью, какъ вращеніе земли вокругъ солнца.

= Одинъ изъ наиболѣе рьяныхъ, среди ученыхъ, защитниковъ вѣры въ личное безсмертіе — англійскій физикъ сэръ Оливеръ Лоджъ, въ лекціи, прочитанной имъ недавно въ Бирмингамѣ, обратилъ вниманіе на то, что теперешнее состояніе солнечной системы представляетъ лишь одну изъ фазъ непрерывнаго и безконечнаго существованія вселенной. Мы наблюдаемъ,—сказалъ онъ,—какъ на небѣ изъ туманностей медленно образуются солнечныя системы. Мы изучаемъ различныя стадіи въ процессѣ мірового развитія: солнца всевозможныхъ возрастовъ, зарождающіяся, въ силѣ и блескѣ, и угасающія.

Мы слѣдимъ за кругомъ перемѣнъ, и ничто не даетъ намъ повода думать о существованіи начала или конца, кромѣ исчезновенія отдѣльныхъ лицъ и общинъ. Родившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ умретъ, но онъ не обратится въ ничто и, хотя его жизнь началась съ момента рожденія или съ момента зачатія, онъ, какъ и все остальное въ природѣ, едва ли произошелъ изъ ничего. Сложность организма, качества ума, принявъ во вниманіе все, что мы знаемъ объ естественныхъ процессахъ, заставляютъ отказаться отъ такого предположенія. Организующее начало, появившись въ зародышѣ, очень быстро образуетъ тѣло. Растеніе можетъ вырасти очень скоро, но необходимо должно быть нѣчто собирающее и размѣщающее частички на потребу себѣ. Особая форма строенія зависитъ отъ этого единаго, а не отъ разнородныхъ источниковъ частичекъ. Вотъ это-то устрояющее единое и заставляетъ насъ вѣрить въ непрерывность личнаго существованія. Когда наше тѣло отработало и износилось, мы оставляемъ его, полагаетъ англійскій физикъ и мыслитель, и восходимъ за предѣлы всего, кромѣ любви.

= 20 ноября въ помѣщеніи курсовъ новыхъ языковъ при обществѣ любителей ораторскаго искусства, писательница И. А. Гриневская прочла рефератъ на тему о религіозно-философскомъ движеніи въ Персіи, главнымъ представителемъ котораго является знаменитый персъ Беа-Улла. Тотъ Востокъ,—говоритъ она,—къ которому мы обращаемся спиной, далъ міру не только Тамерлановъ, но Христа, Конфуція, Будду, а Персія дала Зороастра, Фирдуси, Гафиза. Изъ нѣдръ мусульманства, о которомъ мы привыкли думать какъ о религіи основанной на мечѣ, заставлявшей своихъ послѣдователей смотрѣть на весь міръ какъ на нечисть — выходитъ Беа-Улла, призывающій къ тѣмъ же вѣчнымъ идеаламъ добра, любви и всепрощенія, какъ христіанство. Затѣмъ референтка разсказала о жизни Беа-Уллы, выдающагося своими личными качествами, чѣмъ и было обусловлено возникновеніе секты его послѣдователей, превратно понявшихъ, какъ это часто случалось въ исторіи, ученіе своего учителя. Въ пьесѣ (въ стихахъ) „Беа-Улла" И. А. Гриневской, которой собственно и былъ посвященъ рефератъ, авторъ въ красивыхъ, звучныхъ, легкихъ стихахъ излагаетъ идеи бабизма и описываетъ внутреннія переживанія Основателя новаго ученія.

Интересно отношеніе Толстого къ бабизму, видное изъ письма покойнаго къ И. А. Гриневской. Левъ Толстой пишетъ: „Я давно знаю о бабидахъ и давно интересуюсь ихъ ученіемъ. Мнѣ кажется, что это ученіе такъ же, какъ и всѣ раціоналистическія общественныя религіозныя ученія, возникающія въ послѣднее время изъ изуродованныхъ жрецами первобытныхъ ученій: браманизма, буддизма, іудейства, христіан-

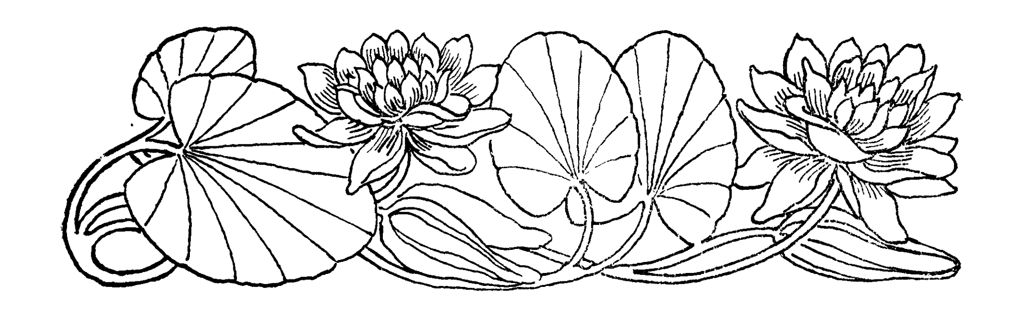
ства, магометанства, имѣютъ великую будущность именно потому, что всѣ эти ученія, откинувъ всѣ эти уродливыя наслоенія, которыя раздѣляютъ ихъ, стремятся къ тому, чтобы слиться въ одну общую религію всего человѣчества. Поэтому и ученіе бабидовъ въ той мѣрѣ, въ которой оно откинуло старыя магометанскія суевѣрія и не установило отдѣляющаго его отъ другого новаго суевѣрія (къ несчастью, нѣчто подобное замѣчаю въ изложеніи ученія Баба) и держится своихъ главныхъ основъ братства, равенства и любви, имѣютъ великую будущность".

= Раджамандри, индійскій сотрудникъ журнала „Les documents du progrès", разсказываетъ объ интересномъ религіозномъ движеніи въ Индіи. Полтора года тому назадъ въ Калькуттѣ образовалось общество, устраивающее регулярныя собесѣдованія между представителями различныхъ философскихъ и религіозныхъ системъ. Все это движеніе имѣетъ сильную опору въ прогресистской сектѣ Брама Самай, а идеи его находятъ отзвукъ въ главномъ органѣ передовыхъ индусовъ, журналѣ „Modern Review". Одинаковыя цѣли преслѣдуетъ и индійскій „парламентъ религій", въ прошломъ году засѣдавшій въ Калькуттѣ подъ предсѣдательствомъ индійскаго князя Дурбанта. Собралось 1.500 депутатовъ отъ разныхъ религіозныхъ обществъ; а многочисленныя письма и телеграммы, полученныя съѣздомъ даже отъ лицъ и собраній строго ортодоксальныхъ направленій, свидѣтельствовали о симпатіи къ этому движенію въ широкихъ слояхъ индійскаго общества. Цѣль конгресса была—доказать, что, несмотря на историческія различія, всѣ религіозныя идеи имѣютъ общее основаніе. Были сказаны рѣчи представителями еврейства, религіи Зороастра, буддизма, джаинизма, браманизма, христіанства, теософіи, ислама и другихъ. Свою прощальную рѣчь при закрытіи съѣзда предсѣдатель кончилъ слѣдующими словами: „Всѣ мы получили впечатлѣніе, что большія религіозныя сообщества одинаково чтутъ въ Богѣ отца и стремятся къ развитію въ человѣчествѣ братскаго чувства"... И онъ привелъ, между прочимъ, слова еврейскаго делегата, М. И. А. Исаака: „За всѣми формулами и обрядами находится одна единственная большая вѣчная единица, одна великая правда, одна великая любовь. Соединимся въ одной общей молитвѣ; опрокинемъ всѣ нравственныя преграды, которыя въ теченіе вѣковъ невѣдѣнія отдѣляли насъ другъ отъ друга; помиримся на почвѣ солидарности народовъ и свободы мысли"... Всѣ рѣчи, весь конгрессъ авторъ считаетъ предтечами будущаго сближенія и болѣе тѣснаго синтеза индійскихъ религій. Этотъ синтезъ долженъ будетъ удовлетворить общія требованія всѣхъ религій, и для этого стать на почву научнаго и современнаго міровоззрѣнія, а кульминаціоннымъ пунктомъ его должны быть братство и солидарность народовъ.

= Въ большой аудиторіи Соляного Городка состоялась первая лекція доктора герметизма парижской высшей школы герметическихъ знаній Г. О. М. Лекторъ ознакомилъ аудиторію со взглядами оккультизма, который, по его словамъ, всеобъемлющъ и унитаренъ, на устройство вселенной и ея части—человѣка. И въ мірѣ, и въ человѣкѣ оккультизмъ находитъ тернеръ—тріединое начало—два полюса и середина, связующая ихъ. Раздѣляя міръ на три плана: физическій, астральный и ментальный и населяя ихъ „сущностями", оккультныя науки полагаютъ, что эти планы хранятъ отпечатки идей и поступковъ всей жизни земли и населенія, опредѣляютъ объективную, міровую цѣнность личности, но въ то же время поддаются въ извѣстной мѣрѣ ея воздѣйствію. Подробно остановился лекторъ на „треугольникѣ Фабра д'Оливе", по смыслу котораго на человѣка вліяютъ три силы: слѣпой рокъ, доброжелательное Провидѣніе и свободная человѣческая воля. Дѣйствіе этихъ силъ опредѣляетъ „карму" каждаго—совокупность дѣяній каждаго, совершенныхъ въ предыдущихъ воплощеніяхъ. Потомъ лекторъ обратился къ унитарному характеру древнихъ религій, единство которыхъ доказывается, напримѣръ, посвященіемъ Александра Македонскаго Аристотелемъ, послѣ чего Александръ свободно входилъ и въ египетскіе храмы, и въ еврейское „Святая святыхъ". . Посвященному жрецы Озириса шептали на ухо: „Озирисъ—черный богъ". Это было символомъ того, что Озирисъ—богъ свѣта—можетъ быть и тьмой, такъ какъ здѣсь разность только въ степени, а не въ сущности. Тьма—это то, что еще не стало свѣтомъ.

= Женщина-врачъ г-жа Волкова прочла лекцію на тему: „О питаніи человѣка". Она доказывала, что дегенерація, болѣзни нервной системы, психическія заболѣванія, инфекціонныя, хроническія, болѣзни различныхъ органовъ, словомъ всѣ патологическія явленія организма обусловливаются неправильнымъ образомъ жизни и главное—питаніемъ съ преобладаніемъ животной пищи. Мясо, яйца, бобы, горохъ, чечевица—пищевыя вещества, богатыя бѣлками, какъ продукты ихъ распада, даютъ громадное количество мочевой кислоты, которую организмъ, не будучи въ силахъ всю вывести, откладываетъ въ органы и ткани, для которыхъ мочевая кислота является ядомъ. Раціональной пищей человѣка—травояднаго животнаго—можетъ служить растительная пища, кромѣ питанія, еще сообщающая ему электрическую энергію солнечнаго свѣта, необходимую для жизненной дѣятельности организма; она сохраняетъ здоровье человѣка и повышаетъ продуктивность его психической дѣятельности.

Н. Т.

Изъ газетъ и журналовъ.

═ Въ еженедѣльной газетѣ „Новая Земля“ есть статья В. Свинцова, озаглавленная словами Ап. Павла „Проповѣдуемъ Христа Распятаго“, которыя были написаны громадными буквами на молитвенномъ собранiи баптистовъ въ Тенишевскомъ Училищѣ; но г. Свинцовъ спрашиваетъ: положительное или отрицательное явленiе „баптизмъ“, не съ внѣшней точки зрѣнiя „народной трезвости“, а въ болѣе глубокомъ религiозномъ смыслѣ? И проповѣдуютъ ли дѣйствительно его вожди „Христа Распятаго“? Люди грѣшатъ, падаютъ, задыхаются во лжи, говоритъ онъ дальше, но они знаютъ въ каждомъ актѣ своего грѣха, своего паденiя, что это — ихъ грѣхъ, ихъ зло, что темная жизнь ихъ есть ложь и неправда, и это сознанiе грѣха—есть религiозное сознанiе человѣчества... За чудовищной реальной жизнью стоитъ великая мечта о жизни иной: и подлинными вождями человѣчества являются тѣ, кто приближаютъ къ нему мечту о божественной жизни, въ которой Истина, Добро и Красота сливаются въ единое цѣлое. Вотъ почему есть глубокая связь между пророками, поэтами и героями. И ближе къ спасенiю не тотъ человѣкъ, который чуточку добродѣтельнѣе, чище, честнѣе другого, но тотъ, „въ комъ ярче горитъ любовь къ подлинной жизни, болѣе жгучее сознанiе грѣха, кто—во злѣ сильнѣе—всѣмъ существомъ своимъ этого зла не принимаетъ“. Русскiй народъ безсознательно живетъ идеей вселенскаго христiанства. „Учить“ его можно только одному: углублять, раскрывать, помогать осуществлять въ жизни это христiанство, что и значитъ „проповѣдывать Христа Распятаго“. Баптисты же и многiе другiе опростители христiанства не пьютъ, воздерживаются отъ пищи, цѣломудренны, не говорятъ ругательствъ, читаютъ Евангелiе, слушаютъ проповѣди, и это все хорошо, но они называютъ

это: проповѣдью „Христа Распятаго“,—и это плохо, потому что христіанство это не попечительство о народномъ здравіи и домъ молитвы—не чайная общества трезвости. Они хотятъ сказать: мы „осуществляемъ“ то, о чемъ вы учите только, значитъ, мы—христіане, а вы—нѣтъ. Но это „неправда“, говоритъ г. Свинцовъ, „вы осуществляете совсѣмъ не то, о чемъ мы учимъ. И если бы той „мечтой“, о которой я говорилъ, было бы то, что въ жизни осуществляется баптизмомъ, то не стоило бы осуществленіе этой мечты и капли человѣческой крови“.

= Въ журналѣ „Христіанинъ“ въ статьѣ „Востокъ и Западъ“ авторъ, сопоставляя ихъ, говоритъ: Не будемъ обманывать себя,—несмотря на весь блескъ нашей внѣшней цивилизаціи, несмотря на высокое развитіе матеріалистической науки, народы Востока имѣютъ полное право считать насъ варварами за нашъ личный и національный эгоизмъ, за наше неуваженіе къ чужой жизни, за наше попираніе чужихъ правъ, за полное несоотвѣтствіе нашихъ идеаловъ и нашей дѣйствительности, за внутреннее противорѣчіе между завѣтами нашей религіи и нашими проявленіями, за наши хищныя вожделѣнія... „Внѣшняя культура (продолжаетъ авторъ) должна быть лишь средствомъ для выраженія культуры внутренней; красотѣ и утонченности формъ должна соотвѣтствовать красота и утонченность внутренняго содержанія, а между тѣмъ европейцы сдѣлали изъ внѣшней культуры цѣль всѣхъ своихъ стремленій... Могучимъ противодѣйствіемъ для нашей европейской односторонности, опасныя послѣдствія которой будутъ все болѣе увеличиваться, могло бы служить внимательное изученіе иныхъ вѣрованій и иныхъ идеаловъ, освѣщающихъ жизненныя задачи съ совершенно иныхъ сторонъ, чѣмъ освѣщаемъ ихъ мы. И здѣсь мы подходимъ къ необходимости яснаго сознанія единства всего человѣчества, которое идетъ съ разныхъ сторонъ, но направляется къ одной и той же цѣли... Созерцательный Востокъ устремлялъ всю свою творческую силу на „внутреннее дѣланіе“; отсюда его совершенные психологическіе методы, его высокоразвитая этика, его утонченная духовная культура и отсюда же его стремленіе къ единству. Дѣятельный Западъ выполнялъ совершенно иную задачу; онъ проводилъ свое творчество черезъ земныя формы, создавалъ высокую матеріальную культуру, которая и отвлекала всѣ его силы и вниманіе на „внѣшнее дѣланіе“... Потомъ, намѣтивъ главныя черты восточныхъ идеаловъ, авторъ говоритъ: „какимъ неисчерпаемымъ источникомъ новыхъ идей и вдохновенія могъ бы послужить для современнаго европейскаго сознанія научно-религіозный синтезъ древняго Востока... возрожденіе древней Индіи можетъ лишь возвеличить европейскую культуру, вливъ въ нее элементъ духовности, освободивъ понятія современныхъ христіанъ отъ

мертвящаго матеріализма и освѣтивъ новымъ свѣтомъ еще неразрѣшенныя проблемы личной и общественной жизни".

═ Въ газетѣ „Россія" въ статьѣ „Теософія и Христіанство" авторъ ея (А. Лукинскій) говоритъ: „За границей теософскій вопросъ—вопросъ животрепещущій. Тамъ предлагаются вниманію публики рефераты, читаются публичныя лекціи, сочиняются многотомныя книги, издается масса періодическихъ изданій. И у насъ въ Россіи Теософскій оккультизмъ распространяется широкою волною. Увлекаются этой модной новинкой дилетанты въ наукѣ, пустосвяты въ области религіи, всѣ тѣ скучающіе и ищущіе развлеченій интеллигенты, которымъ надоѣли обычныя свѣтскія развлеченія"... Потомъ онъ перечисляетъ Теософскія изданія и говоритъ, что несмотря на то, что Теософія ставитъ на своемъ знамени высокую цѣль спасти человѣчество отъ зла, духовные круги и духовные журналы смотрятъ на нее, какъ на печальное явленіе, какъ на признакъ упадка живой вѣры во Христа, и онъ приводитъ между прочимъ слова изъ Апрѣльской книжки „Христіанина": „Теософія возвращаетъ общество къ грубымъ временамъ древняго суевѣрнаго язычества, выставляя идеаломъ человѣчества древній оккультизмъ Египта, Индіи, Вавилона и т. д. Древняя магія языческихъ жрецовъ и продѣлки современныхъ факировъ признаются совершенствомъ человѣческаго знанія". „Теософы стремятся поднять моральный уровень человѣка—но чѣмъ? Спиритизмомъ и вѣщими снами,—(говоритъ онъ)—стремленіемъ творить чудеса, подобныя тѣмъ, которыя продѣлываютъ разные фокусники на удивленіе простодушной публики"...

Авторъ правъ, говоря, что интересъ къ Теософіи возрастаетъ, и за лѣтніе мѣсяцы, кромѣ этой вышепоименованной статьи, въ газетѣ „Одесскія Новости" была статья А. Цѣновскаго „Оккультизмъ", въ „Кіевской Мысли" разбиралась книга Успенскаго „Четвертое измѣреніе", въ „Рѣчи"—„Великіе посвященные" Шюре и др. И во всѣхъ этихъ статьяхъ проходитъ красною нитью одно и то же заблужденіе: Теософію, научно-религіозный синтезъ, смѣшиваютъ съ оккультизмомъ низшаго порядка. Но припомнимъ слова Е. П. Блаватской въ ея статьѣ „Сокровенное знаніе и тайныя искусства" („Вѣстникъ Теософіи" 1910 г., Май—Іюнь): она говоритъ, что единственный видъ сокровеннаго знанія, къ которому можетъ стремиться теософъ, поставившій себѣ цѣлью уничтоженіе эгоизма и пріобрѣтеніе мудрости, это—Атма-видія, т. е. „наука о душѣ", „истинная мудрость"; „истинный оккультизмъ—говоритъ она дальше—или божественное знаніе, есть то, что называется еще „Великимъ отреченіемъ", такъ какъ въ основѣ его лежитъ полное, безусловное отреченіе отъ самого себя, и это не только въ помышленіи,

но и на дѣлѣ. Оккультизмъ—осуществленный альтруизмъ, и послѣдователь его, обязанный проводить его въ своей жизни.... „не для себя, но для міра онъ живетъ“.... Невѣрному представленію и смѣшенію Теософіи съ оккультизмомъ (низшаго порядка) помогаютъ и сами теософы, тѣ изъ нихъ, которые, полные личнаго эгоизма и стремленій къ личному могуществу, „хотятъ переступить черезъ порогъ оккультизма, не принося никакой крупной жертвы“....

А. Цѣновскій въ своей статьѣ „Оккультизмъ“, разбирая ученіе о 3-хъ тѣлахъ человѣка (физическомъ, астральномъ и ментальномъ), дѣлаетъ невѣрный выводъ, говоря, что „новая психологія“ утверждаетъ у человѣка „три я“. „Если кто усмотритъ изъ вышесказаннаго,—говоритъ Блаватская, „что человѣкъ состоитъ изъ трехъ различныхъ Я, то онъ этимъ докажетъ, что не понялъ метафизическаго смысла ученія о человѣкѣ.

„Человѣкъ—троица, состоящая изъ тѣла, души и духа; тѣмъ не менѣе, онъ все же единъ, и, конечно, истинный человѣкъ—никакъ не тѣло, такъ какъ это послѣднее—лишь собственность, временное одѣяніе человѣка. Эти три Я—проявленія человѣка въ трехъ соотвѣтствующихъ этимъ тремъ подраздѣленіямъ его мірахъ, а именно: въ астральномъ мірѣ эмоцій, въ психическомъ мірѣ интеллекта и въ духовномъ мірѣ божественнаго“.... Но, хотя Цѣновскій и говоритъ, что нельзя строить на неизвѣстномъ, невѣдомомъ и произвольномъ, какъ это дѣлаютъ, по его мнѣнію, теософы и оккультисты, онъ соглашается, что „много, безконечно много есть, даже въ обыденной, повседневной жизни такихъ фактовъ, которые просятъ, но не находятъ для себя объясненія. И, конечно, ортодоксальная наука только смѣшна въ своемъ напыщенномъ самомнѣніи, когда она говоритъ, что чудесъ не бываетъ на свѣтѣ и что „жизнь человѣка безъ дыханія a priori невозможна“. „Онъ находитъ, что въ этихъ исканіяхъ души и духовнаго есть что-то хорошее, чистое, большое... такъ какъ они говорятъ „что жизнь человѣческая должна идти по пути духовнаго совершенствованія, отреченія отъ личнаго для болѣе высокаго общаго“.

═ Въ англійскомъ журналѣ „The sanctuary“ (книжки №№ 15, 16 и 18) разбиралось значеніе слова „христіанинъ“,—христіанинъ, не какъ извѣстный типъ характера (потому что тогда имъ могутъ быть и магометанинъ и индусъ) и не придавая ему того значенія, которое приписываютъ ему многія новыя школы современной мысли (напримѣръ, просто какъ обозначеніе Божественной искры въ душѣ человѣка), а какъ человѣка, признающаго извѣстныя положенія христіанства, какъ послѣдователя его ученія. Къ единенію—всѣ послѣдователи этого ученія могутъ прійти, осуществляя лишь эзотерическое его значеніе, а не экзотерическое, такъ какъ въ этомъ смыслѣ каждый изъ послѣдователей

можетъ толковать ученіе по своему. Христіане—это тѣ люди, про которыхъ говоритъ Христосъ: „кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое; и Отецъ Мой возлюбитъ его, и Мы прійдемъ къ нему, и обитель у него сотворимъ"; тѣ люди, на которыхъ Господь, по мѣрѣ ихъ преуспѣянія въ борьбѣ съ міромъ, съ плотью, со злымъ началомъ въ себѣ, запечатлѣваетъ Свое „Новое Имя" (Откровеніе, III, 12) Это „Имя" означаетъ совершенство Бога, проявленное въ Іисусѣ Христѣ, а его запечатлѣніе на насъ происходитъ совмѣстно съ процессомъ нашего духовнаго роста. Между тѣми, которые признаютъ преемственность Католической церкви, и тѣми, которые признаютъ лишь одну Библію—существуетъ множество оттѣнковъ и ступеней, отличающихъ ихъ другъ отъ друга, и приверженцы всѣхъ этихъ ученій носятъ названія христіанъ, какъ послѣдователи и ученики Христа—и много есть вѣрующихъ во Христа, которымъ отказываютъ въ этомъ наименованіи, такъ какъ они не могутъ согласовать ученіе о воплощеніи съ научной послѣдовательностью религіозной мысли, что заставляетъ ихъ примыкать къ ученію Теософіи или позитивизма (!!!,) и такимъ образомъ они являются отрицателями какъ бы того, что признаетъ извѣстное вѣрованіе, хотя жизнь этихъ людей и можетъ быть безупречна. Но въ основаніе Своего ученія Христосъ не вкладывалъ лишь вѣру въ Него, какъ воплощеніе Бога; всѣ дѣла и милосердіе во Имя Его даютъ право на имя христіанина (Мате. VII, 21—23, Посл. Іакова II, 17—19). Каждый имѣетъ право на это имя по мѣрѣ проявленія въ немъ самоотреченія и любви, приближенія къ жизни Христа, а не только потому, что принадлежитъ къ какому-нибудь христіанскому вѣрованію. Мысль имѣетъ свою эволюцію, многое туманное уяснится со временемъ, и возможно, что люди науки и люди вѣры придутъ къ нѣкоторому соглашенію, которое казалось еще невозможнымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и опредѣленіе „христіанинъ" должно принадлежать также христіанину будущаго, какъ и прошлаго. И быть можетъ только теперь мы начинаемъ понимать дѣйствительную миссію Христа, который стоитъ передъ нами, какъ идеалъ, какъ нашъ духовный путеводитель „даже до скончанія міра".

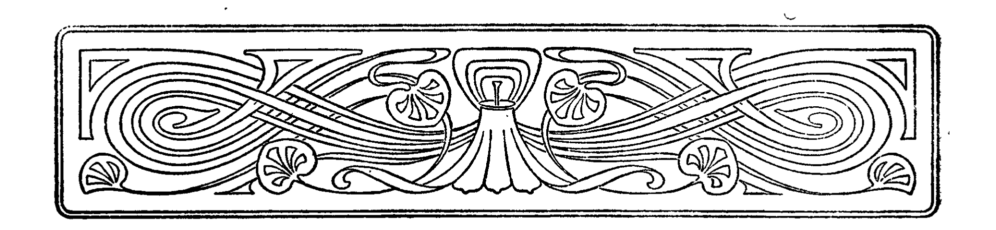
═ Въ газетѣ „Россія", въ статьѣ „Въ мірѣ свѣтлаго и высокаго", говорится о книгѣ американскаго ученаго и философа, знаменитаго психолога, недавно умершаго Вильяма Джемса „Многообразіе религіознаго опыта". Французскій ученый Эмиль Бутру, говоря о „мистическомъ методѣ въ изученіи религіозныхъ доктринъ, удостовѣряетъ, что лучше всего эта тенденція обнаруживается въ доктринѣ религіознаго опыта, такъ, какъ изложилъ ее такой ученый психологъ, глубокій и тонкій мыслитель, такой интересный писатель, какъ В. Джемсъ". И вотъ

этотъ мыслитель, не будучи въ состояніи „успокоиться на банальномъ уже нынѣ пренебреженіи къ религіи“, громко и убѣжденно провозглашаетъ на весь міръ, что религія должна быть возстановлена въ ряду другихъ величайшихъ благъ и цѣнностей человѣчества. Съ этого момента истиннымъ свободомысліемъ „должно считаться не отрицаніе религіи, а—отрицаніе ея огульнаго отрицанія“. Въ его книгѣ дано множество случаевъ изъ жизни святыхъ и просто высоко настроенныхъ религіозно людей. Философъ исходитъ изъ того убѣжденія, что „религіозныя переживанія человѣка представляютъ для психолога не меньшій интересъ, чѣмъ всякое другое явленіе человѣческаго сознанія“. „Несомнѣнно, говоритъ онъ, что религіозная жизнь, поглощая всего человѣка, дѣлаетъ его эксцентричнымъ и непохожимъ на всѣхъ. Я говорю не о вульгарномъ типѣ вѣрующаго, внѣшнимъ образомъ придерживающагося религіозныхъ обрядовъ своего народа,—все равно христіанскіе, буддійскіе они, или магометанскіе. Его религія создана для него другими, передана ему традиціей, ограничена твердо установленными формами и держится косностью привычки. Мы будемъ обращаться только къ первоисточникамъ.... Такой опытъ можно отыскать лишь у людей, для которыхъ религія не простая, житейская привычка, а скорѣе остро-лихорадочное душевное состояніе.... Лучшимъ примѣромъ можетъ служить Джорджъ Фоксъ. Религія квакеровъ, которую онъ основалъ, по справедливости заслуживаетъ величайшаго вниманія и удивленія. Въ эпоху лжи и лицемѣрія это была религія правдивости, берущей начало въ сокровеннѣйшихъ источникахъ духовной жизни, и приближающаяся къ евангельской правдѣ больше, чѣмъ всякая другая изъ религій, понынѣ извѣстныхъ въ Англіи. Джемсъ приводитъ выдержку изъ дневника Фокса и рядъ разсказовъ другихъ не менѣе выдающихся въ этой области людей о различнаго рода видѣніяхъ и исключительныхъ проявленіяхъ религіознаго настроенія. И онъ утверждаетъ, что религіозные опыты и переживанія—не только такое же законное, мощное и „разумное“ проявленіе жизни человѣческаго духа, какъ и прочіе положительные опыты въ этой области, но и гораздо болѣе значительное по цѣнности его для идеализированія всей человѣческой жизни на землѣ, облагороженія и, такъ сказать, дѣйствительнаго очеловѣченія ея путемъ проникновенія въ иной міръ, гдѣ Божественный духъ и высшій разумъ осѣняютъ бѣдную и слабую душу человѣка. Лишь ограниченнымъ и плоско мыслящимъ умамъ кажется, что они что-то объяснили и противъ чего-то возражали въ этой области, отнеся явленія къ „патологіи“. Иронію и презрѣніе вызываютъ у Джемса жалкія попытки „трезвыхъ“, какъ онъ выражается, людей давать тѣ „ужасно научныя“ объясненія „утонченнымъ переживаніямъ окружающихъ“.... и объяснять ихъ болѣз-

ненной чувствительностью или излишней нервностью, плохимъ пищевареніемъ, истеричностью и т. д. Другимъ примѣромъ подобнаго рода разсужденій можетъ служить столь обычная у современныхъ писателей критика религіозныхъ ощущеній въ тѣсной связи ихъ съ половой жизнью. „Медицинскій матеріализмъ, говоритъ онъ, является лучшимъ прибѣжищемъ для того упрощеннаго строя мыслей, съ которымъ мы только что встрѣтились. Медицинскій матеріализмъ воображаетъ, что покончилъ со Св. Павломъ, объяснивъ его видѣніе на пути въ Дамаскъ какъ эпилептическій припадокъ. На Св. Терезію онъ съ презрѣніемъ накладываетъ клеймо истеріи и въ Св. Франциске Ассизскомъ видитъ только дегенерата и т. д. Джемсъ авторитетно и исчерпывающимъ образомъ доказываетъ, какъ жалокъ подобный подходъ къ высокимъ и сложнымъ проблемамъ человѣческаго духа, и убѣждаетъ, что глубокія, искреннія и активныя религіозныя переживанія и суть, можетъ быть, симптомъ настоящаго здоровья и высшей силы человѣческаго духа.

═ Въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи" (май—іюнь) была статья „О расширеніи опыта" по поводу той же книги Вильяма Джемса, написанная Н. Бердяевымъ. „Не знаменательно ли, спрашиваетъ онъ, что такой человѣкъ, какъ Джемсъ—философъ научнаго направленія, эмпирикъ и послѣдователь Д. С. Милля, признанный авторитетъ въ психологіи, трезвый англосаксонецъ — возсталъ противъ ограниченности позитивизма и раціонализма, началъ борьбу за расширеніе опыта, за поруганныя права опыта религіознаго и мистическаго, за „подсознательное Я", которое вновь открывается современной наукой и философской мыслью?" Джемсъ остается позитивистомъ въ наукѣ (говоритъ Бердяевъ) и возстаетъ противъ интеллектуальнаго господства позитивизма въ религіи и философіи. Въ самомъ Джемсѣ не чувствуется религіозной силы и сколько-нибудь яркаго мистическаго опыта, но онъ—свободный и широкій человѣкъ, въ немъ нѣтъ предразсудковъ, нѣтъ обычной ограниченности.... Многообразіе религіознаго опыта есть исходная данная для психологіи религіознаго опыта; но дальнѣйшее углубленіе психологіи должно осознать — утверждаетъ Бердяевъ—ту истину, что религіозный опытъ многообразными путями влечетъ къ единому, что всякій религіозный опытъ въ „предѣлѣ" стремится утвердить себя, какъ единственный, и удержаться на многообразіи, значитъ—находитъ Бердяевъ—закрѣпить бѣдность опыта, недостаточную его углубленность, не желать достигнуть предѣла. Джемсъ утверждаетъ плюрализмъ, потому что говоритъ „предпослѣднее, а не послѣднее".

Н. Т.

Научный отдѣлъ.

Магнетизмъ и гипнотизмъ,—ихъ сходство и различіе *).

Научное изученіе гипнотизма началось съ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Желая разоблачить „продѣлки" магнетизера Лафонтэна, извѣстный англійскій хирургъ Бредъ натолкнулся въ 1840 г. на совершенно новыя для него явленія. Онъ установилъ, что продолжительное, однообразное раздраженіе тѣхъ или другихъ органовъ чувствъ (зрѣнія, слуха, обонянія и т. д.) вызывало у субъектовъ, подвергавшихся такому раздраженію, особое состояніе нервной угнетенности, переходившее затѣмъ, при продолженіи раздраженія, въ глубокій сонъ. Вслѣдствіе такихъ результатовъ, состоянію этому было дано названіе „гипнотизмъ" отъ греческаго слова „ὕπνος"—сонъ **). Бредъ полагалъ, что этимъ открытіемъ опровергается магнетическая теорія „флюидовъ" и устраняется вліяніе личности магнетизера на его паціента.

Дальнѣйшія изслѣдованія подтвердили наблюденія Бреда о томъ, что подъ вліяніемъ раздраженія органовъ воспріятія многіе субъекты погружаются въ сонъ, причемъ явленіе это особенно быстро

---

*) Работа эта, не исчерпывая предмета, является лишь конспектомъ, подлежащимъ развитію въ будущемъ.

**) Существуетъ рядъ опредѣленій гипнотизма, но ни одно не охватываетъ этого явленія. За послѣднее время наблюдается тенденція все больше расширить понятіе „о гипнотизмѣ", подводя подъ него—подъ видомъ психотерапіи—почти все разнообразіе повседневной жизни (вопросы воспитанія, педагогики и т. д.).

Болѣе спеціально подъ гипнотическимъ надо понимать такое состояніе организма, которое наиболѣе благопріятно для воспріятія и реализаціи внушенія. Сна при этомъ можетъ и не быть. Достигается это состояніе внѣшнимъ раздраженіемъ органовъ чувствъ, внушеніемъ и повелѣніемъ.

наступаетъ у субъектовъ истеричныхъ, болѣзненныхъ и слабовольныхъ.

Въ виду этого создалась особая Salpêtier-ская школа (въ Парижѣ) во главѣ съ д-ромъ Шарко, разсматривающая всѣ эти явленія какъ болѣзненныя проявленія физіологическаго свойства, наступающія подъ вліяніемъ физическихъ пріемовъ для усыпленія паціента.

Школа эта встрѣтила, однако, оппозицію въ лицѣ д-ра Льебо и Бернгейма (въ Нанси), которые утверждали, что физическіе пріемы и личность оператора не играютъ въ этихъ явленіяхъ никакой роли, и что всѣ наблюдаемыя явленія вызываются настроеннымъ воображеніемъ и сосредоточеніемъ мысли и воли самого субъекта, которому прививается идея сна (школа психологическая).

Въ итогѣ всѣхъ этихъ изслѣдованій можно считать установленнымъ два положенія:

1) что **природа гипнотизма до сихъ поръ остается неизвѣстной** *), и

2) что **внушеніе приводитъ къ угнетенію мозговыхъ центровъ и всей нервной системы**, а, слѣдовательно, и къ угнетенію воли человѣка.

Это послѣднее обстоятельство оспаривается, однако, врачами, которые утверждаютъ, что опытный врачъ гипнотизеръ пользуется гипнотическимъ состояніемъ субъекта лишь для того, чтобы **укрѣпить** его волю.

Подобнаго рода утвержденіе граничитъ съ софизмомъ... Извѣстно, что всякая способность, не поддерживаемая упражненіемъ, теряетъ свою силу и наконецъ атрофируется. То же происходитъ и съ волей. Приведенная въ состояніе угнетенія, она не можетъ правильно, нормально развиваться.

Съ теченіемъ времени дѣйствіе внушенія, какъ извѣстно, ослабѣваетъ, **) и по истеченіи извѣстнаго срока такой субъектъ окажется еще болѣе слабымъ, безвольнымъ и неприспособленнымъ къ жизни, чѣмъ онъ былъ до начала леченія... Если же прибѣгать къ повторнымъ внушеніямъ, то этимъ поддерживается пассивность воли и человѣкъ дѣлается болѣе подверженнымъ воспріятію внушеній со стороны. Нельзя содѣйствовать укрѣпленію воли, прибѣгая къ ея угнетенію, какъ нельзя способствовать росту цвѣтка, пригибая его къ землѣ...

---

*) Врачъ П. В. Каптеревъ, „Гипнотизмъ“, Москва, 1909 г. стр. 4, 92 и 187. Лекція проф. В. М. Бехтерева, читанная студентамъ-медикамъ 5 декабря 1909 г.

**) Бываютъ случаи однократнаго внушенія на всю жизнь, но случаи эти очень рѣдки.

Къ тому же **внушеніе не устраняетъ причины болѣзни** или **дурной** привычки. Вмѣсто того, чтобы вырвать съ корнемъ вредныя начала,—внушеніе ошеломляетъ на время сознаніе и дѣлаетъ его на время нечувствительнымъ къ тому или другому страданію. Это своего рода анэстезированіе,—безусловно вредное въ тѣхъ случаяхъ, когда организмъ можетъ еще бороться съ недугомъ своими собственными внутренними силами. Въ состояніи организма—основная болѣзнь не устраняется, разрушительный процессъ идетъ своимъ чередомъ, и только на поверхности все какъ бы упорядочено.

При погруженіи въ сонъ подъ вліяніемъ внушенія субъектъ часто испытываетъ страхъ, смятеніе,—какъ нежеланіе подчиниться чужой волѣ. Часто наступаютъ слезы, судороги—не какъ проявленіе истеріи,—а какъ протестъ противъ порабощенія воли; это особенно часто бываетъ у тѣхъ, кто духовно стоитъ выше гипнотизера, но чья воля еще поддается ему. У болѣе слабыхъ наступаетъ угнетеніе воли и разсудка и они не могутъ разоблачить своего гипнотизера (даже въ случаѣ внушенія имъ преступленій).

Въ жилы вливается холодъ. Спящій можетъ подняться на другія ступени сознанія и видѣть чудныя картины, но только лишь тѣ, которыя хочетъ видѣть его повелитель.

Въ виду такихъ свойствъ и особенностей гипнотическаго воздѣйствія—оно **не должно быть примѣняемо, никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ.**

Совершенно иначе дѣйствуетъ магнетизмъ. Сущность магнетизма состоитъ въ томъ, что всякое физическое тѣло, начиная отъ минераловъ и кончая человѣкомъ, выдѣляетъ изъ себя комплексъ лучей, распространяющихся отъ него во всѣ стороны въ окружающемъ его пространствѣ *). Такимъ образомъ существуетъ магнетизмъ минераловъ, магнетизмъ растеній, магнетизмъ животныхъ и т. д. Въ зависимости отъ рода тѣла, лучи его различны, и вліяніе ихъ на другія тѣла, при знаніи управляющихъ ими законовъ, весьма благотворно. На этомъ основаны химическое сродство, металлотерапія, металлоскопія.

Земля, какъ особое физическое тѣло, также имѣетъ свой магнетизмъ; магниты обладаютъ большою цѣлебною силою и могутъ быть съ успѣхомъ примѣняемы для леченія болѣзней. Эти

---

*) Д-ръ М. Погорѣльскій „Электрофотосфены и энергографія, какъ доказательство существованія физіологической полярной энергіи". СПБ., 1899 г.

свойства предметовъ были извѣстны въ глубокой древности, и ими широко пользовались для устраненія недуговъ.

Солнце также посылаетъ на землю свои магнетическіе лучи, безъ которыхъ не могло бы быть никакой жизни на землѣ. Все, что живетъ (а живетъ и дышетъ все, и все одарено сознаніемъ), все излучаетъ эту магнетическую энергію,—причемъ, т. к. магнетизмъ идетъ отъ сокрытаго въ природѣ вещей Духа, то раскрытіе этой духовности ведетъ къ болѣе полному излученію магнетизма.

Чѣмъ выше поднимается духовная монада въ своей эволюціи, тѣмъ тоньше становятся эти излученія, тѣмъ благотворнѣе ихъ вліяніе на всѣ окружающіе предметы.

Наибольшею одухотворенностью отличается на землѣ человѣкъ,—слѣдовательно и наибольшая магнетическая сила присуща человѣку.

Исторія сохранила намъ имя древнѣйшаго египетскаго магнетизера, излѣчившаго магнетизмомъ невѣстку царя Рамзеса XII Бентрошъ. Его звали Тотемби—„господиномъ своей воли и мастеромъ своихъ пальцевъ", выраженія, неопровержимо доказывающія, что онъ производилъ лѣченіе магнетическимъ способомъ. Въ позднѣйшія времена способъ лѣченія путемъ магнетизма, перенятый греками и римлянами отъ древне-восточныхъ народовъ, подтверждается многочисленными цитатами изъ классическихъ сочиненій. Такъ, напр., въ изданномъ Стобеусомъ собраніи изреченій Солона мы читаемъ: „большія страданія часто были послѣдствіемъ незначительной боли, и безъ пользы прибѣгали къ смягчающимъ средствамъ; но если до человѣка, жестоко мучимаго злою и тяжкою болѣзнью, прикасаться руками, то онъ внезапно выздоравливаетъ".

Плиній пишетъ: „Существуютъ люди, тѣла которыхъ обладаютъ цѣлебною силою" *).

Въ Дѣяніяхъ Апостоловъ (XXVIII, 8) читаемъ: „Отецъ Публія лежалъ, страдая горячкою и болью въ животѣ: Павелъ вошелъ къ нему, помолился, и, возложивъ на него руки свои, исцѣлилъ его".

Въ Евангеліи отъ Марка XVI, 18, сказано: „Возложатъ руки на больныхъ, и они будутъ здоровы".

---

*) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ брошюры Вилли Рейхель „Животный или цѣлебный магнетизмъ" (переводъ съ нѣмецкаго М. Э. Гюнсбурга). СПБ. 1900 г. Цѣна 10 к. Складъ В. И. Губинскаго.

Шопенгауеръ говоритъ: „Того, кто нынѣ отрицаетъ дѣйствіе магнетизма, слѣдуетъ назвать не невѣрующимъ, а невѣжественнымъ“.

Магнетизмъ не можетъ быть изслѣдованъ ни химическими, ни обычными медицинскими средствами; не будучи связанъ никакимъ опредѣленнымъ органомъ, онъ распространяется по всему тѣлу и, подобно электрическому току, скопляется на остріяхъ (конечности рукъ и ногъ—пальцы).

Излученія магнетизера могутъ быть видимы лишь въ темнотѣ и, притомъ, только лицами, обладающими способностью ясновидѣнія. Однако, за послѣднее время добытъ цѣлый рядъ объективныхъ доказательствъ, съ несомнѣнностью устанавливающихъ наличность излученій изъ человѣческаго тѣла. Къ числу такихъ доказательствъ слѣдуетъ отнести: а) фотографическіе снимки, которые получаются при непосредственномъ возложеніи руки на фотографическую пластинку въ полной темнотѣ (снимокъ и описаніе способа фотографированія прилагаются), и б) цѣлый рядъ приборовъ, дающихъ отклоненіе стрѣлки при приближеніи къ нимъ руки человѣка (стенометръ д-ра Жуара, біометръ д-ра Барадюка и др.).

Въ разное время эта излучающаяся изъ здороваго организма энергія получала различныя наименованія: Это *флюидическая сила* магнетизеровъ, *одъ* барона Рейхенбаха, *месмеризмъ*—по имени Месмера, широко примѣнявшаго эту силу для леченія болѣзней (1741—1851 гг.), *жизненный принципъ* Бартеза, *нервная сила* Барети, *аура* оккультистовъ, „прана“ индусовъ и, наконецъ, такъ называемый „животный магнетизмъ“ (magnétisme animal) современныхъ магнетизеровъ. Къ сожалѣнію, неудачный переводъ выраженія „magnétisme animal“ сослужилъ дѣлу магнетизма плохую службу. Въ словѣ „animal“ слышится корень „anima“ (душа) и „animer“ (оживлять), а не „animal“ „животное“, и все выраженіе надо переводить какъ „жизненный, духовный магнетизмъ“.

Насколько велика сила этого магнетизма, какъ лечебнаго средства, видно изъ слѣдующаго отзыва:

Профессоръ д-ръ медицины І. Эннемозеръ (1787—1851 гг.), врачъ въ Мюнхенѣ, изучавшій медицину въ Берлинѣ, писалъ: „Магнетизмъ, какъ никакое другое средство, утоляетъ боли и успокаиваетъ судороги и т. п., часто требуя для проявленія дѣйствія не болѣе времени, чѣмъ при обыкновенномъ порядкѣ необходимо врачу для ощупыванія пульса или прописки рецепта. Онъ, какъ бы по волшебству, оживляетъ находящихся въ обморочномъ со-

Отпечатокъ руки на фотографической пластинкѣ.

стояніи и безсиліи, устраняетъ воспаленія, разбиваетъ опухоли, безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ вызываетъ потъ и другія критическія движенія. Кромѣ того, магнетизмъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе благодаря тому, что весьма часто, *безъ всякихъ раздражающихъ и ослабляющихъ нервную систему* послѣдствій, онъ усыпляетъ больного, что является лучшимъ цѣлебнымъ средствомъ во всѣхъ болѣзняхъ, сопровождаемыхъ чрезмѣрнымъ возбужденіемъ и безпокойствомъ, а также нарушеніемъ гармоніи нервной системы. При лихорадкахъ, всякаго рода боляхъ, судорогахъ и нервныхъ болѣзняхъ сонъ является лучшимъ средствомъ вызвать кризисъ и улучшеніе, и нигдѣ это дѣйствіе не выражается осязательнѣе, чѣмъ при вызванномъ магнетизмомъ снѣ. Благодаря магнетизму, излечивались всякаго рода болѣзни, въ томъ числѣ весьма часто объявленныя неизлечимыми" *).

„Гуфландъ, авторъ хорошо извѣстной Макробіотики XVIII вѣка (Искусство продлить человѣческую жизнь. Фран. переводъ. Лозанна, 1809 г., стр. 5), пишетъ слѣдующее:

„Принимая во вниманіе цѣлительную силу, исходящую изъ только что вскрытыхъ животныхъ, прикладываемыхъ къ парализованнымъ членамъ, а также значительное уменьшеніе острой боли при соприкосновеніи больного мѣста съ живымъ животнымъ, нельзя не согласиться съ дѣйствительностью этого способа" **).

При магнетическомъ леченіи въ организмъ вливается теплота, наступаетъ успокоеніе всей нервной системы, воля и разумъ остаются свободными; подъ вліяніемъ притока жизненной силы усиливается циркуляція крови; сосуды, въ которыхъ былъ застой, прочищаются какъ бы подъ напоромъ болѣе сильной струи, и начинаютъ вырабатывать соки лучшаго качества. Избытокъ ихъ иногда можетъ итти наружу, но чаще обращается на возстановленіе силъ самого организма. Лекарства не вредятъ: При умѣломъ подборѣ ихъ химическихъ и магнетическихъ свойствъ и при правильной ихъ дозировкѣ, лѣкарства помогаютъ побѣдить тѣ препятствія, которыя существуютъ въ организмѣ.

Въ послѣднее время магнетизмъ, благодаря случаямъ быстраго излѣченія отъ серьезныхъ болѣзней, пріобрѣтаетъ все болѣе послѣдователей, и во Франціи школа магнетизма сравнена съ другими высшими учебными заведеніями. Въ мартовской книжкѣ изданія „Journal du magnétisme" за 1895 г. (Paris, rue Saint-

*) Вилли Рейхель, „Цѣлебный магнетизмъ", стр. 8—9.

**) Этюды оптимизма—И. И. Мечниковъ. 1907 г. (изд. „Научнаго Слова"), стр. 100.

Merri, 23, годъ 50-й) напечатано слѣдующее важное извѣстіе: Sur avis conforme du Conseil supérieur de l'Enseignement et de l'Académie de Médecine, l'Ecole vient d'être classée au rang des grandes Ecoles supérieures libres", т. е., согласно постановленію главнаго совѣта народнаго просвѣщенія и медицинской академіи, школа магнетизма *(не смѣшивать съ гипнотизмомъ)* только что возведена (въ 1895 г.) на степень высшаго учебнаго заведенія.

Въ Россіи по вопросу о магнетизмѣ до настоящаго времени еще ничего не сдѣлано, и какъ широкая публика, такъ и спеціальная литература продолжаютъ считать, что „гипнотизмъ и магнетизмъ—синонимы" *).

Произошло это потому, что, какъ было указано выше, изученіе гипнотизма вытекло изъ фактовъ магнетизма, и врачи, установившіе состояніе гипнотическаго сна, стали на точку зрѣнія, что магнетизмъ этимъ исчерпанъ и ничего въ себѣ больше не содержитъ. Ошибочность этого взгляда видна уже изъ вышеизложеннаго.

Если въ гипнотизмѣ явленіе наступаетъ исключительно подъ вліяніемъ физическихъ или психическихъ воздѣйствій, независимо отъ флюида и личности гипнотизера, то въ магнетизмѣ—какъ разъ наоборотъ — оба эти фактора имѣютъ первенствующее значеніе: а) личность—какъ носитель, какъ источникъ флюидической энергіи, болѣе или менѣе разрѣженной и утонченной, въ зависимости отъ нравственнаго (духовнаго) облика магнетизера, и б) магнетизмъ—какъ *матерія*, которая, въ зависимости отъ чувствительности паціента, ощущается какъ теплый токъ. Такимъ образомъ, магнетизмъ занимаетъ свое мѣсто въ области естественныхъ силъ природы, какъ почва, вода, воздухъ, свѣтъ, электричество,—примѣненіе которыхъ должно совершаться по естественнымъ, незыблемымъ законамъ природы.

Въ чемъ же состоитъ сходство магнетизма съ гипнотизмомъ и въ чемъ ихъ различіе?

Сходство состоитъ въ томъ—и это единственная ихъ точка соприкосновенія, — что подъ вліяніемъ внушенія и магнетизаціи нѣкоторые паціенты погружаются въ сонъ. Состояніе искусственнаго сна можетъ быть вызвано нѣсколькими причинами, но это

---

*) Бине и Фере, „Животный магнетизмъ". СПБ. 1890 г., стр. 72.

Счастливое исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ брошюра профессора психологіи Ю. Охоровича: „Магнетизмъ и гипнотизмъ". СПБ. 1896, которая рѣзко разграничиваетъ эти два понятія.

не даетъ основанія утверждать, что причины, породившія это явленіе, тождественны.

Все остальное, начиная отъ названія и кончая теоріей, въ гипнотизмѣ и въ магнетизмѣ совершенно *различно*.

1. *Названіе*. Гипнотизмъ происходитъ отъ слова „ὕπνος“—сонъ и обозначаетъ болѣе глубокую фазу естественнаго сна.

Магнетизмъ происходитъ отъ греческаго слова „μάγνης“—по французски „aimant“, „aimer“ (любить)—и обозначаетъ способность привлекать, притягивать. Влеченіе это проявляется въ минералахъ какъ химическое сродство и, постепенно измѣняясь съ эволюціей вещей,—достигаетъ внѣшнихъ проявленій любви и духовности. Каждый организмъ, будучи приведенъ въ соприкосновеніе съ другимъ организмомъ вселенной, стремится извлечь изъ него всѣ необходимыя и полезныя для его существованія элементы, которыхъ у него недостаточно (вотъ почему на физическомъ планѣ *разнородное* притягивается, а однородное отталкивается *) и такимъ образомъ происходитъ нивеллировка всего сущаго; на низшихъ ступеняхъ сознанія эта нивеллировка происходитъ непроизвольно и сопряжена иногда со страданіемъ; на высшихъ ступеняхъ сознанія она проявляется какъ актъ добровольной жертвы во имя любви къ человѣчеству и сопровождается глубокой радостью и счастьемъ. „Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“. (Ев. отъ Іоанна, XV, 13).

Теорія. Теорія магнетизма покоится на признаніи физіологической силы-матеріи, проникающей въ организмъ другого человѣка и помогающей ему въ его борьбѣ съ болѣзнетворными началами. Гипнотизмъ отрицаетъ существованіе такой силы и полагаетъ, что все основано на воображеніи субъектовъ и на большей или меньшей ихъ предрасположенности къ истеріи. Однако при такой постановкѣ вопроса остается совершенно необъяснимой способность вліять на грудныхъ дѣтей, на спящихъ, на животныхъ.

Условія примѣненія. Гипнотизмъ требуетъ для своего примѣненія тишины, сосредоточенности гипнотизера и пассивности и неподвижности паціента. Наоборотъ, магнетизмъ можно примѣнять среди шума, при полной активности и свободѣ движеній паціента и возможно большей пассивности магнетизера. Гипнотизеръ долженъ развить въ себѣ сильную волю, приводящую волю

---

*) На высшихъ ступеняхъ дѣйствуетъ обратный законъ: однородное притягивается, разнородное отталкивается: любовь привлекаетъ любовь, ненависть питается ненавистью.

субъекта въ состояніе угнетенія и пассивности. При магнетизаціи же сильная воля, направленная на леченіе больного, пресѣкаетъ истеченіе магнетической энергіи и разрушаетъ дѣйствіе магнетизма. Объясняется это тѣмъ, что проводники, занятые электрической энергіей мысли (мысль по своей природѣ есть *электрическій токъ*), не могутъ быть въ то же самое время проводниками болѣе тонкой магнетической энергіи: тамъ, гдѣ дѣйствуетъ электричество, тамъ матерія не достигла еще болѣе разрѣженнаго состоянія— состоянія магнетизма. Вотъ почему электризація (и внушеніе какъ видъ электризаціи) не совмѣстимы съ магно-терапіей.

Воля паціента приводится при внушеніи въ состояніе угнетенія; при магнетизаціи всѣ усилія магнетизера направлены на то, чтобы поднять жизнедѣятельность организма, а слѣдовательно и его волевую способность, и призвать ихъ къ болѣе энергичной борьбѣ съ недугомъ.

Воля человѣка укрѣпляется безъ предварительнаго ея угнетенія, какъ то практикуется при внушеніи, и человѣкъ дѣлается болѣе стойкимъ, болѣе жизнерадостнымъ, способнымъ помогать себѣ и другимъ, не обращаясь постоянно черезъ опредѣленные промежутки времени за поддержкой къ своему магнетизеру. Гипнотизеръ порабощаетъ волю,—магнетизеръ ее укрѣпляетъ.

Не то важно, чтобы человѣкъ былъ здоровъ или побѣдилъ дурную наклонность подъ вліяніемъ *чужой* воли,—а то, чтобы онъ дѣйствительно былъ здоровъ душою и тѣломъ, и чтобы это здоровье являлось результатомъ примѣненія всѣхъ присущихъ ему силъ какъ физической, такъ и духовной природы.

Временные результаты, простирающіеся даже на цѣлую человѣческую жизнь, могутъ удовлетворить лишь тѣхъ, кто стоитъ на точкѣ зрѣнія однократности человѣческаго существованія. Для тѣхъ же, кто знаетъ, что человѣкъ живетъ не одинъ разъ, ясно, что индивидуальность, пробывшая цѣлое воплощеніе подъ вліяніемъ чужой личности, явится въ слѣдующемъ воплощеніи съ тѣми же свойствами и особенностями, которыя привели ее въ первый разъ къ гипнотизеру, но съ еще болѣе ослабленной волей,— и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока она не пойметъ, что лишь собственной борьбой и усиліями она можетъ и должна побѣдить свою низшую природу,—что не въ людяхъ должна она искать поддержки и спасенія, а въ самой себѣ и въ Богѣ. Магнетизмъ, очищенный работой Духа, дѣйствуетъ непосредственно на душу человѣка, а черезъ нее и на его физическое тѣло. Поэтому магнетизмъ дѣйствуетъ на всѣхъ, совершенно независимо отъ ихъ

вѣры или невѣрія, потому что ихъ физическое тѣло не можетъ противостоять дѣйствію магнетическаго тока, проникающаго—подобно рентгеновскому лучу—черезъ всѣ преграды. Отъ этого луча нельзя оградиться ни усиліемъ воли (какъ при внушеніи), ни другимъ какимъ-либо способомъ. Въ отличіе отъ этого, сфера примѣненія внушенія ограничена кадромъ лицъ, стоящихъ по своему волевому развитію ниже даннаго гипнотизера. Гипнотизеръ можетъ дѣйствовать только на тѣхъ, кто слабѣе его или чья воля подъ вліяніемъ тяжелыхъ душевныхъ потрясеній выведена изъ состоянія равновѣсія,—и безсиленъ сдѣлать внушеніе тѣмъ, кто обладаетъ болѣе сильной, болѣе развитой волей. Установлено, что внушенію не поддаются такъ называемые нейрастеники (до 30% обитателей земного шара) *) и именно эти 30% являются наиболѣе воспріимчивыми къ дѣйствію магнетизма: существа съ болѣе тонкой организаціей лучше могутъ отвѣчать на вибраціи болѣе тонкаго состоянія матеріи, тогда какъ болѣе грубыя матеріальныя натуры остаются къ этому току нечувствительными: онъ проходитъ черезъ поры тѣла, не производя на нихъ никакого впечатлѣнія—такъ же, какъ электрическій токъ высокаго напряженія можетъ безнаказанно проходить черезъ организмъ человѣка, не оставляя по себѣ никакого впечатлѣнія.

Состояніе сна. Вообще принято дѣленіе гипнотическаго сна на 3 степени. Первая изъ нихъ характеризуется лишь легкою дремотой, сонливостью, во время которой субъектъ не засыпаетъ вполнѣ, и по прекращеніи гипноза помнитъ все, что происходило во время сеанса. Вторая степень отличается наступленіемъ болѣе или менѣе глубокаго сна, обнаруженіемъ нѣкотораго автоматизма, склонностью къ каталептическимъ состояніямъ и неясностью воспоминанія. Третья ступень, называется сомнамбулическою, представляетъ полный автоматизмъ, полное подчиненіе субъекта волѣ гипнотизера и совершенное отсутствіе воспоминанія о случившемся въ гипнозѣ.

Тѣ же состоянія наблюдаются и при магнетическомъ снѣ, причемъ первыя двѣ ступени протекаютъ болѣе или менѣе одинаково. Такъ какъ гипнотизеръ, помимо своей воли, вліяетъ на паціента магнетизмомъ своего тѣла, то на первыхъ двухъ степеняхъ чаще всего наблюдаются смѣшанныя явленія гипнотическаго и магнетическаго сна. Рѣзкое различіе этихъ двухъ формъ сна

---

*) Нейрастенія есть слѣдствіе заглушенія въ себѣ духовныхъ силъ и способностей.

наблюдается лишь на 3-й степени, — въ такъ наз. сомнамбулическомъ состояніи: всѣ психическія способности индивида, погруженнаго въ магнетическій сонъ, не стѣсненнаго волей гипнотизера, проявляются болѣе ярко: онъ видитъ, слышитъ, чувствуетъ не то, что ему внушаетъ гипнотизеръ (при гипнотическомъ состояніи субъекта), а передаетъ то, что онъ въ дѣйствительности переживаетъ въ этомъ состояніи какъ свободная личность. Всѣ способности ясновидѣнія, яснослышанія, телепатіи и т. п. выступаютъ въ совершенно чистомъ видѣ, *чего совершенно нѣтъ при гипнозѣ*. Этимъ объясняется отрицательное отношеніе врачей къ явленіямъ ясновидѣнія, телепатіи и т. п., потому что *имъ* не приходилось наблюдать эти явленія въ ихъ чистомъ видѣ.

Въ гипнотическомъ снѣ субъектъ слышитъ все, что совершается вокругъ него, — въ магнетическомъ снѣ онъ слышитъ только своего магнетизера или тѣхъ, съ кѣмъ онъ стоитъ въ магнетическомъ соотношеніи. Ко всѣмъ постороннимъ шумамъ и впечатлѣніямъ внѣшней среды онъ совершенно безучастенъ.

Интересно отмѣтить, что для производства внушенія благопріятнымъ является именно это третье состояніе, состояніе сомнамбулизма, тогда какъ для магнетизаціи наиболѣе благопріятнымъ является первое состояніе легкой дремотности и даже состояніе полнаго бодрствованія, когда связь духа съ тѣломъ болѣе полна, потому что въ этомъ состояніи всѣ передаваемые ему токи полностью доходятъ до организма субъекта.

Характерная особенность этихъ двухъ состояній заключается въ томъ, что если черезъ тѣло субъекта, находящагося въ магнетическомъ снѣ, пропустить электрическій токъ, то онъ переходитъ въ состояніе гипнотическаго сна и его можно разбудить *только* гипнотическими пріемами. Обратное явленіе не наблюдается. Это доказываетъ, что гипнотическій сонъ есть состояніе электрическое, а магнетическій сонъ — состояніе совершенно отъ него отличное по своей природѣ.

Внушаемость. Насколько внушаемость велика при наступленіи состоянія гипноза, настолько она слаба при магнетическомъ воздѣйствіи. Объясняется это подавленностью, подчиненіемъ, порабощеніемъ воли въ первомъ случаѣ, и полною свободою ея во второмъ. И если субъекту, находящемуся въ состояніи гипноза, можно сдѣлать внушеніе, идущее въ разрѣзъ съ его нравственнымъ обликомъ,—то субъекту, погрузившемуся въ магнетическій сонъ, можно внушить лишь то, что согласно съ его волей или сродно съ его внутреннимъ складомъ. Повторное внушеніе,

идущее въ разрѣзъ съ его волей, не исполняется или разрѣшается истерикой. Наконецъ, при гипнотическомъ снѣ результаты внушенія обнаруживаются немедленно, при магнетизмѣ же — не сразу, иногда спустя долгій промежутокъ времени.

Глубина магнетическаго сна регулируется повелѣніемъ, тогда какъ глубина магнетическаго сна регулируется исключительно примѣненіемъ одноименныхъ или разноименныхъ магнитныхъ полюсовъ.

Точно также и пробужденіе: — въ первомъ случаѣ (гипнотическаго сна) пробужденіе достигается повелѣніемъ и примѣненіемъ нѣкоторыхъ физическихъ пріемовъ (дуновеніе на глаза и т. п.),— тогда какъ въ магнетическомъ снѣ оно можетъ быть достигнуто исключительно примѣненіемъ магнитовъ: воздѣйствіе разноименнымъ полюсомъ на лобъ погружаетъ паціента въ сонъ и вызываетъ контрактуру всего тѣла, воздѣйствіе одноименнымъ полюсомъ разрѣшаетъ контрактуру и вызываетъ пробужденіе субъекта. Дуновеніе и прочіе физическіе пріемы лишь ускоряютъ теченіе этого процесса. Характерно также, что если при контрактурѣ какого-либо органа (руки, ноги и т. п.) продолжить разноименное магнитное воздѣйствіе, то этимъ вызывается параличъ, который можетъ быть устраненъ примѣненіемъ одноименнаго полюса. *Явленія этого нѣтъ при гипнотическомъ снѣ:* его можно вызвать только внушеніемъ и повелѣніемъ.

Вліяніе на организмъ. Угнетеніе нервной системы при внушеніи вызываетъ замедленіе циркуляціи крови и ощущеніе холода, тогда какъ при магнетическомъ воздѣйствіи всѣ токи циркулируютъ болѣе энергично и по всему организму разливается ощущеніе теплоты. Магнетизеры дѣйствуютъ на эти токи непосредственно, тогда какъ гипнотизеры дѣйствуютъ на нихъ чрезъ посредство внѣшнихъ органовъ (чувствъ). Въ первомъ случаѣ (при магнетизаціи) повышается жизнедѣятельность организма, во второмъ (при внушеніи) она понижается.

Личность оператора при гипнозѣ, по господствующей теоріи, не играетъ никакой роли. Наоборотъ,— при магнетизаціи личность магнетизера является однимъ изъ главныхъ факторовъ и успѣхъ магнетизаціи зависитъ въ значительной степени отъ того, насколько физико-химическій составъ клѣточекъ его организма соотвѣтствуетъ физико-химической организаціи паціента.

Взглядъ. Гипнотизеръ и магнетизеръ—оба примѣняютъ силу взгляда: первый—для того, чтобы фиксированіемъ своего взгляда *утомить* зрительные нервы паціента; второй — чтобы насытить организмъ больного исходящими изъ глазъ магнетизера лучами

жизненной энергіи (ср. выраженіе „лучистые“ глаза). Поэтому гипнотизеръ фиксируетъ глаза своего паціента. Магнетизеръ избѣгаетъ фиксировать глаза паціента и направляетъ свой взглядъ на пораженныя части его организма.

Вредъ для здоровья. По вопросу о вредѣ гипноза слѣдуетъ сказать, что въ умѣлыхъ, опытныхъ рукахъ гипнозъ не опасенъ для жизни, хотя воля человѣка угнетается и у паціента наступаетъ быстрое утомленіе. При порокѣ сердца гипнозъ не безразличенъ и примѣнять его надо съ большою осторожностью. У нервныхъ и истерическихъ субъектовъ иногда наступаетъ истерическій сонъ, который можетъ перейти въ летаргію. Современная медицина не знаетъ способа выводить людей изъ этого состоянія и ждетъ, чтобы сонъ прекратился самъ собой, что случается иногда по истеченіи довольно долгаго срока: отъ нѣсколькихъ недѣль, до нѣсколькихъ лѣтъ. Явленія летаргіи совершенно неизвѣстны въ практикѣ магнетизма, потому что, какъ сказано выше, магнетизмъ не насилуетъ природу, а помогаетъ ей; магнетическій сонъ не утомляетъ, а укрѣпляетъ субъекта, и опытный магнетизеръ по своему желанію можетъ регулировать глубину сна примѣненіемъ соотвѣтствующаго магнитнаго полюса. Слѣдуетъ всегда считаться съ тѣмъ, можетъ ли сердце выдержать ту усиленную работу, которая вызывается въ организмѣ поднятіемъ его жизненныхъ силъ, и слѣдуетъ разумно регулировать притокъ этой энергіи.

Пріемы. Пріемы, примѣняемые при гипнотическихъ и магнетическихъ воздѣйствіяхъ, *до нѣкоторой степени* совпадаютъ, потому что гипнозъ, какъ указано выше, вытекъ изъ магнетизма какъ его наиболѣе грубая, непріемлемая часть, но при леченіи гипнозомъ результаты съ теченіемъ времени дѣлаются болѣе яркими (все большее и большее подчиненіе воли), а при магнетизаціяхъ результаты постепенно ослабѣваютъ, такъ какъ каждое тѣло въ природѣ имѣетъ свой предѣлъ насыщенія, по достиженіи котораго дальнѣйшее усвоеніе вводимой въ него энергіи пріостанавливается.

При гипнозѣ выздоровленіе, какъ общее правило, наступаетъ быстро,—при магнетизмѣ, за рѣдкими исключеніями, оно идетъ медленно, постепенно, проходя въ обратномъ порядкѣ всѣ фазы, которыя привели къ заболѣванію. Этого явленія также нѣтъ въ гипнотизмѣ. Обыкновенно въ магнетизмѣ сначала развивается кризисъ, какъ слѣдствіе болѣе интенсивной работы организма подъ вліяніемъ притока новыхъ жизненныхъ силъ;—затѣмъ болѣзнь проходитъ всѣ свои стадіи въ обратномъ порядкѣ и наконецъ исчезаетъ совершенно.

Для иллюстраціи того, что происходитъ въ организмѣ при леченіи гипнозомъ или магнетизмомъ, приводится описаніе теченія туберкулезнаго процесса въ томъ и другомъ случаѣ (см. приложеніе).

Дѣйствіе на разстояніи. Возможность мысленнаго внушенія на разстояніи считается въ современной наукѣ недоказанной; во всякомъ случаѣ для его осуществленія необходимо заранѣе установить такъ наз. „rapport" между гипнотизеромъ и его паціентомъ.

Впрочемъ, нѣкоторые врачи (проф. Бехтеревъ) признаютъ, что такое внушеніе практически можетъ быть достигнуто *черезъ предметы.* Здѣсь снова наблюдается смѣшеніе гипнотизма съ магнетизмомъ. Если гипнотизмъ не пользуется для своего проявленія никакою органическою силою и является (по школѣ Нанси) лишь результатомъ *психологическаго* воздѣйствія, то предметы физическаго міра не должны играть при немъ никакой роли. Наоборотъ, при магнетизмѣ, оперирующемъ извѣстной физіологической энергіей (матеріей), энергія эта дѣйствительно можетъ быть вводима въ другіе предметы (бумагу, полотно, воду и т. п.), которые—будучи пересланы даже на большія разстоянія—сохраняютъ въ себѣ и затѣмъ передаютъ паціенту введенную въ нихъ жизненную энергію и тѣмъ помогаютъ его выздоровленію. Субъектъ, получившій эти предметы, можетъ даже не подозрѣвать о томъ, что они насыщены, и невѣдѣніе это нисколько не ослабитъ ихъ дѣйствія. Время отъ времени предметы эти выдыхаются (эманація) и ихъ надо замѣнять новыми. Такимъ образомъ, воскресаютъ и получаютъ научное обоснованіе амулеты древнихъ и многое изъ того, что люди считали дѣломъ невѣжества или вѣковыхъ суевѣрій.

Приведенныхъ параллелей достаточно, чтобы доказать, что магнетизмъ и гипнотизмъ не синонимы и значительно различаются другъ отъ друга. Звукъ, свѣтъ, теплота, электричество, мысль (сфера гипнотизма), магнетизмъ, рентгеновскіе лучи, любовь, духовность и т. д., являясь — въ своемъ аспектѣ энергіи — видоизмѣненіемъ скорости вибрацій одной и той же матеріи, взаимно проникаютъ другъ друга *) и ждутъ только раскрытія всѣхъ присущихъ имъ свойствъ для возстановленія Человѣка въ его званіи Царя природы.

К. Кудрявцевъ.

---

*) Каждое послѣдующее состояніе обнимаетъ собою всѣ предыдущіе,—но не наоборотъ.

Приложенія.

1. Краткое описаніе теченія туберкулезнаго процесса при гипнотическомъ и магнетическомъ леченіи.

(Записано со словъ лица, находившагося въ магнетическомъ снѣ).

I. *Гипнозъ* лишь временно прекращаетъ процессъ туберкулеза. Живыя существа въ видѣ маленькихъ червячковъ, грызущія ткани легкихъ, чувствуя опасность быть уничтоженными, стараются охранить себя, для чего выдѣляютъ изъ себя бѣлую известковую жидкость, которая облѣпляетъ ихъ со всѣхъ сторонъ, и они получаютъ видъ шелковичнаго червячка, завернутаго въ коконъ. Здѣсь они не умираютъ, но только временно замираютъ, какъ бы залегаютъ въ спячку, и ждутъ благопріятнаго момента для новой работы.

Ранки, причиненныя ими, не зарубцовываются и остаются все время открытыми, блѣдно розовыми, или даже бурыми, а поверхность легкихъ представляетъ собой какъ бы взрытое поле, покрытое снѣгомъ. Первое сильное потрясеніе организма даетъ возможность этимъ червячкамъ сбросить свои скорлупки, и они съ еще большею силой принимаются за свою работу—стараясь наверстать потерянное время. Получается полное разложеніе.

II. Совершенно иное получается при воздѣйствіи духовнаго магнетизма. Подъ вліяніемъ магнетизма въ первое время эти существа приходятъ въ сильное волненіе, бросаются въ разныя стороны, ища выхода. Подъ давленіемъ температуры крови, которая въ это время начинаетъ усиленно приливать къ ранкамъ, ранки рубцуются и переходятъ изъ бѣлыхъ или сѣрыхъ въ ярко красныя. Ранки уменьшаются, температура крови повышается, эти маленькія существа не могутъ болѣе дышать свободно, чахнутъ, распадаются и наконецъ превращаются въ пыль, которая выдѣляется въ видѣ мокроты, или просто густой слюны.

Легкія очищаются и человѣкъ становится совершенно здоровымъ. Процессъ этотъ идетъ медленно, но вѣрно. Общій видъ легкихъ во время процесса представляетъ собою поле, покрытое красными цвѣтами.

Для полнаго уничтоженія этихъ существъ необходимо одновременное сочетаніе магнетизма и непосредственная работа организма. Одно безъ другого недѣйствительно.

---

2. Рецептъ проявителя для фотографированія излученій рукъ.

Проявитель метоловый.

А.

Дестилированной воды	500 куб. сант.
Метола	5 грм.
Сѣрнистокислаго натрія	50 „

Б.

Дестилированной воды	500 куб. сант.
Углекислаго калія	50 грм.

(Растворять все это въ холодномъ состояніи).

Для употребленія смѣшать:

А	60 куб. сант.
Б	20 „ „

Этого количества жидкости хватаетъ на проявленіе одной пластинки размѣра 13 × 18 см.

Есть два способа фотографированія; оба происходятъ въ лабораторіи въ полной темнотѣ.

Одинъ изъ нихъ, прекрасно удающійся на пластинкахъ фабрики бр. Люмьеръ, состоитъ въ томъ, чтобы капельками воды приклеить къ чувствительному слою пластинки на ея углахъ маленькіе кусочки тонкаго стекла, и съ этими стеклышками положить пластинку слоемъ внизъ въ кюветъ; ясное дѣло, что чувствительный слой будетъ отстоять отъ дна кювета на толщину приклеенныхъ стеклышекъ, и это то узкое пространство между дномъ кювета и чувствительнымъ слоемъ пластинки и должно быть заполнено жидкостью-проявителемъ; если проявителя налито слишкомъ много, то онъ смочитъ и верхнюю нечувствительную сторону пластинки, чего нужно избѣгать, такъ какъ въ такомъ случаѣ фотографируемая рука неизбѣжно будетъ загрязнена проявителемъ.

И вотъ, когда пластинка лежитъ въ кюветѣ и промежутокъ между ея чувствительной стороной и дномъ кювета заполненъ проявителемъ, нужно положить изслѣдуемую руку на верхнюю стеклянную сторону пластинки и держать тамъ неподвижно отъ 5 до 10 минутъ въ зависимости отъ субъекта; только опытъ можетъ указать вѣрную экспозицію. Если руки весьма горячи, то

нерѣдко происходитъ разрушенiе чувствительнаго слоя; въ этомъ случаѣ надо передъ экспозицiей охладить руки водой, и самую экспозицiю дѣлать покороче. По окончанiи экспозицiи сполоснуть пластинку и фиксировать въ обыкновенномъ кисломъ фиксажѣ.

Другой способъ, дающiй цвѣтные снимки, не подлежащiе копировкѣ на бумагу, требуетъ пластинокъ фабрики Смиссъ въ Цюрихѣ, съ зеленымъ этикетомъ.

Кусочки стекла приклеиваются къ угламъ пластинки, какъ и въ первомъ случаѣ; но затѣмъ она цѣликомъ погружается въ проявитель, гдѣ и мокнетъ 2—3 минуты; послѣ этого надо вынуть пластинку изъ проявителя, поставить на 1—2 минуты въ станочекъ обтечь, послѣ тщательно вытереть до суха стеклянную нечувствительную ея сторону, положить чувствительной стороной т. е., вѣрнѣе, стеклянными наклейками, на другое чистое стекло, а на верхнюю нечувствительную сторону положить руку и держать такъ отъ 2 до 20 минутъ: это и будетъ экспозицiя. По окончанiи экспозицiи сполоснуть пластинку и фиксировать обыкновеннымъ кислымъ фиксажемъ.

При этомъ способѣ изображенiе появляется въ полномъ блескѣ лишь послѣ фиксажа.

Въ обоихъ способахъ за фиксажемъ слѣдуетъ обычная продолжительная (сутки) отмывка въ холодной текучей водѣ, а за ней—сушка въ прохладномъ мѣстѣ.

Рецептъ кислаго фиксажа:

Воды . . . . 500 куб. сант.
Сѣрнистокислаго натрiя . . . . . . 20 грм.
Виннокаменной кислоты . . . . . . 7 „

По растворенiи прибавить

Сѣрноватистокислаго натрiя . . . . . . 125 грм.

(Все это, для скорости, можно растворять при нагрѣванiи)

Всѣ растворы вообще, если они получатся грязными, мутными, слѣдуетъ фильтровать.

Отдѣлъ духовныхъ исканій.

Борьба или любовь.

Подъ борьбой за существованіе имѣютъ въ виду борьбу за жизнь. Но понятіе жизни отличается большой неопредѣленностью, ибо нѣтъ ничего загадочнѣе жизни. Загадочнымъ неопредѣленнымъ является всякая мелочь нашего существованія—загадоченъ свѣтъ моей лампы, загадоченъ бѣлый снѣгъ за моимъ окномъ, загадочно и то, что сочетаніе кривыхъ линій на листѣ бумаги перенесетъ за много миль отъ моей комнаты то, чѣмъ бьется мое сердце, что разгадываетъ мой умъ. И если жизнь одного человѣка полна тайны, то что сказать о жизни нѣсколькихъ людей въ ихъ взаимоотношеніяхъ, что сказать о жизни общества, о жизни народовъ. Если мысль моя, подчинивъ себѣ движенія моей руки, провела рядъ кривыхъ и прямыхъ штриховъ на бумагѣ, штриховъ, сложившихся въ слова и предложенія, носители опредѣленной мысли, то что же, какъ не руны невѣдомаго намъ сказанія являютъ наши радости, наши опасенія, наши встрѣчи, наши разлуки. Говорятъ: люди обособились, слишкомъ оторвались другъ отъ друга—каждый замкнулся въ себѣ, но каждый и потерялъ себя—всѣ другъ на друга похожи. Стиль ушелъ изъ жизни—счастливы старые годы—стиль царилъ надъ жизнью: онъ былъ ритмомъ ея, а мы, разслабленные потомки этихъ счастливцевъ, живемъ только отблесками ихъ свѣта, только раздумьемъ надъ ихъ думами, похмѣльемъ ихъ праздника. Говоря это, забываемъ, что стоящимъ въ толпѣ не видно, куда идетъ толпа, не видно, что влечетъ ее. Изъ за деревьевъ не видно лѣса и ткачъ не видитъ узора ткани, создаваемой его станкомъ. Стиль у насъ есть—наша жизнь полна имъ, но мы его не видимъ, какъ недавно еще не видѣли стиля недавно прошлаго. На нашихъ глазахъ

„Ивановъ“ Чехова сталъ „исторической“ драмой, для возсозданія которой пришлось московскимъ художникамъ отыскивать основы стиля восьмого десятилѣтія прошлаго вѣка. И не только московскимъ художникамъ блеснулъ въ глаза стиль этихъ недавнихъ временъ нашей родины—стиль домашняго издѣлія деревянной мебели, узенькихъ рамокъ съ закругленными уголками, пестрой обивки и бѣлыхъ занавѣсокъ. Я зналъ лицъ совершенно незнакомыхъ съ акварелями Петрова, внезапно прозрѣвшихъ стильность мебели, отправленной ими на чердакъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, и водворившихъ ее на прежнее мѣсто. Будетъ пора и наше время станетъ считаться не только эпохой стилизаціи. Общность формъ физической жизни коренится въ общности формъ жизни высшихъ плановъ. То, что требуетъ разрѣшенія на низшихъ ступеняхъ, имѣетъ свое рѣшеніе на ступеняхъ высшаго бытія. Можно сказать, что жизнь разныхъ плановъ согласована (музыкальной терминологіей воспользуюсь) по формѣ канона: тема, пропѣтая верхнимъ голосомъ, повторяется болѣе низкимъ, отставшимъ на нѣсколько тактовъ. Жажда согласованія отдѣльныхъ жизней, жажда умѣренія страданій уединявшейся личности, жажда высшаго утвержденія своей индивидуальности въ музыкальномъ сліяніи ея съ другими—вотъ, кажется мнѣ то, чѣмъ отмѣчено наше время, вотъ основа для отыскиванія его стиля. Общность нѣкоторыхъ сторонъ міровоззрѣнія порождаетъ общность нѣкоторыхъ сторонъ міровоспріятія, а послѣднее обстоятельство создаетъ извѣстную общность міроизображенія, налагая свой отпечатокъ на болѣе творческое проявленіе свободно созидающихъ индивидуумовъ. Отвлекая отдѣльные, чувственные признаки у предметовъ „внѣшняго міра“, мы постепенно стираемъ грани ихъ множественности до тѣхъ поръ, пока не останется только одинъ признакъ: „не я“, объединяющій всѣ эти предметы и составляющій такимъ образомъ сущность „внѣшняго міра“. Но, если самое бытіе „внѣшняго міра“ обусловлено его отрицательнымъ отношеніемъ къ сферѣ моей личности, если этимъ „внѣшнимъ міромъ“ является то, что не можетъ въ эту личность вмѣститься, то свойства этого міра обусловлены свойствами созидающей его личности. Такимъ образомъ, нѣкоторые моменты внѣшняго міра сходны для личностей, въ чемъ нибудь сходныхъ. Практически даже такія, повидимому, маловажныя событія, какъ перемѣна мѣста или направленія прогулки, всегда обусловленныя извѣстной перемѣной настроенія нашего ума или чувства, и проистекающія отсюда возможности великихъ случайностей коренятся, такимъ образомъ, въ этихъ перемѣнахъ. Но, если измѣненія нашего „внутренняго міра“ протекаютъ въ болѣе сознаваемой разумомъ нашимъ логической послѣдовательности, нежели измѣненія міра „внѣшняго“, то это происходитъ отъ нашей

отъ нихъ удаленности, стирающей нѣкоторыя, весьма въ данномъ случаѣ существенныя, подробности. Весьма безсвязными представляются движенія танцующихъ, если не слышно музыки. Каждое существо является въ міръ съ извѣстными формами мышленія и свойствами, ограничивающими его личность. Жизнь является постояннымъ измѣненіемъ этихъ первоначальныхъ свойствъ. Характеръ измѣненій духа вызываетъ измѣненія во „внѣшнемъ мірѣ“ этого духа.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ сходныхъ моментовъ развитія нѣсколькихъ личностей является сходство ихъ переживанія въ предѣлахъ числа, пространства и времени. Такъ, люди переживающіе одинъ и тотъ же фазисъ духовнаго развитія, сознаютъ себя вмѣстѣ и на планѣ физическомъ. Еще конкретнѣе: только тожество момента развитія даетъ возможность нѣсколькимъ людямъ сойтись вокругъ стола для чаепитія. Но скажутъ мнѣ,—нашего тожества быть не можетъ: совершенно тожественный моментъ развитія двухъ или нѣсколькихъ личностей неминуемо заставилъ бы ихъ слиться въ одну. Совершенно вѣрно: но общность переживанія возможна только въ широкихъ чертахъ. Пьющіе чай могутъ сильно расходиться во взглядахъ на погоду, не говоря уже о политикѣ, что не мѣшаетъ, однако, общему корню возникновенія этихъ, видимо, столь разныхъ понятій. Великія преграды отдѣльной личности—число, пространство и время,—элементы, создающіе внѣшній міръ, непреодолимы для каждаго момента развитія духа и сочетанія ихъ обусловливаютъ характеръ его проявленія. Для развитія этого приведу нѣсколько примѣровъ. Предположимъ, что волею чуда на одну изъ улицъ современнаго города, на коей находится домъ, въ одной изъ комнатъ котораго собралось нѣсколько человѣкъ, обсуждающихъ теософическіе вопросы, перенесенъ типичный лемуріецъ. Ясно, что онъ, въ силу совершенно иной духовной организаціи, не восприметъ ни города, ни улицы, ни дома съ теософическимъ засѣданіемъ. Не восприметъ не только въ сферѣ времени (ему будетъ все казаться, что время, протекшее отъ послѣдняго имъ сохраненнаго въ памяти событія—ничтожно), не только въ предѣлѣ численныхъ отношеній (онъ будетъ сознавать себя въ полномъ одиночествѣ), но и въ смыслѣ пространства—пройдетъ по мѣсту, гдѣ спорятъ теософы о Лемуріи и не запнется о стѣны дома. Не замѣтятъ его и сидящіе въ домѣ: хотя бы нога лемурійца опустилась на голову читающаго Акаша-Хронику д-ра Штейнера, чтеніе не прервется. Я нарочно выбралъ этотъ примѣръ—онъ нѣсколько преувеличенъ и опытно не можетъ быть провѣренъ: вызвать къ жизни лемурійца нельзя. Духъ, оживлявшій эту расу, завершилъ уже нѣсколько цикловъ развитія, создавая каждый разъ новыя сочетанія числа, времени и пространства, то что мы называемъ жизнью.

Возьмемъ случай изъ жизни еще конкретнѣй—случай изъ моей жизни. Я зналъ, что встрѣчу извѣстное мнѣ лицо въ театрѣ. Мы сговорились быть на представленіи извѣстной пьесы. Въ первомъ же антрактѣ ищу эту даму и не нахожу. Обращаюсь къ знакомымъ. Антрактъ кончается; въ ожиданіи поднятія занавѣса публика заняла мѣста. Мы внимательнѣйшимъ образомъ (всего насъ пять человѣкъ) осматриваемъ весь зрительный залъ и убѣждаемся, что искомой въ залѣ не находится. Между тѣмъ, эта особа находилась въ этомъ залѣ, но духовное состояніе ея было столь отлично отъ нашего, что воспринять ея мы не могли, несмотря на всѣ наши старанія. Въ интересахъ истины долженъ добавить, что означенная особа объясняла это проявленіемъ своихъ оккультныхъ способностей, въ силу коихъ она могла дѣлаться невидимой, когда того пожелаетъ, но такъ какъ способностей этихъ она ни до, ни послѣ вышеупомянутаго случая не обнаруживала, вполнѣ позволительно усомниться въ ихъ наличіи и принять наиболѣе простое объясненіе. Объясненію съ этой точки зрѣнія подлежитъ міръ не только отдѣльной личности, но и міръ, созидаемый личностью коллективной. Слѣдящему за научными и иными открытіями не можетъ остаться неизвѣстнымъ періодичность таковыхъ. Нѣкоторое затишье, а затѣмъ рядъ новыхъ, не замѣченныхъ ранѣе законовъ природы, появляется въ научномъ сознаніи, чтобы разразиться на планѣ физическомъ цѣлымъ дождемъ изобрѣтеній. Съ вышеизложенной точки зрѣнія слѣдуетъ на время затишья отнести работу высшихъ міровыхъ плановъ, работу отчасти сверхсознательную, переходящую все ближе къ воплощенію на планѣ разума (наука), на планѣ чувства (искусство въ широкомъ смыслѣ этого слова: творецъ-художникъ и воспринимающая его среда) и физическомъ (практическое примѣненіе, техническія изобрѣтенія и т. д.). Разумъ человѣческій въ извѣстный періодъ своего развитія создалъ въ наукѣ о числахъ, въ математикѣ, ученіе объ анализѣ безконечно малыхъ величинъ. Основнымъ признакомъ этой дисциплины являлось понятіе непрерывности. Новая дисциплина покорила своимъ обаяніемъ всѣ умы, поднявшіеся до степени научнаго мышленія, и непреложнымъ сталъ законъ: все непрерывно — природа никогда не дѣлаетъ скачковъ. Говорили и вѣрили въ непрерывность мірового процесса—создалась теорія эволюціи видовъ, извѣстная подъ именемъ теоріи Дарвина. Самое понятіе вида мыслилось какъ нѣчто составленное изъ почти однородныхъ существъ. Понятіе вида предшествовало сознанію теоріи о происхожденіи вида, такъ что, собственно говоря, въ исторической послѣдовательности человѣческаго мышленія видъ породилъ свою генеалогію. На первый взглядъ, какъ будто нарушенъ естественный порядокъ вещей, на самомъ же дѣлѣ теорія непрерывности, создавшая видъ, дѣлаетъ

дальнѣйшій шагъ въ своемъ воплощеніи—объединяетъ виды ихъ генеалогіей. Вида, какъ постояннаго явленія, нѣтъ—есть непрерывная его эволюція. Конечно виды, всегда признаваемые наиболѣе развитыми, высшими, т. е. виды, наиболѣе близкіе къ человѣку и потому наиболѣе доступные его наблюденію, проявляли слишкомъ много разнообразія въ отдѣльныхъ своихъ представителяхъ, что грозило цѣлости понятія о видѣ. Наиболѣе угрожаемымъ пунктомъ этого понятія въ примѣненіи его къ виду „человѣкъ" (homo sapiens) является вопросъ національный. Изъ этого затрудненія вышли, примѣнивъ теорію историческихъ миссій. Каждый народъ (въ фактической недѣлимости понятія „народъ" сомнѣній не допускалось) долженъ былъ сообщить толчекъ обще-человѣческому виду; этимъ толчкомъ, такъ называемымъ „словомъ" народа, считалась та или иная разновидность государственнаго устройства. Сказавъ это „свое слово", исполнившій свою „миссію" народъ терялъ уже право на самостоятельное существованіе и подлежалъ поглощенію „видомъ" міровымъ государствомъ, космополисомъ. Если нѣкоторая временная дифференціація народовъ допускалась, то дифференціація матеріальныхъ благъ, т. е. результатовъ проявленій индивидуальнаго творчества, т. е. въ конечномъ счетѣ самое индивидуальное творчество—утвержденіе индивидуума,—считалось явленіемъ совершенно противоестественнымъ. Порядокъ жизненныхъ организацій, санкціонировавшихъ это положеніе вещей, сдѣлался главнымъ врагомъ всякаго послѣдовательно мыслящаго человѣка. Искоренить такой порядокъ во что бы то ни стало сдѣлалось первой задачей лицъ, желавшихъ воплотить теорію непрерывности, ставшей ихъ безсознательнымъ двигателемъ. Подобная всепроникающая идея должна была проявить себя и въ планѣ физическомъ. И дѣйствительно—вѣкъ господства теорій Дарвина и Маркса есть въ то же время вѣкъ господства паровой машины. Совершенно однородная масса пара періодически выдѣляетъ изъ себя нѣкоторую часть, назначеніе которой—толкнувъ одинъ разъ поршень, охладиться и возвратиться въ первоначальное состояніе однородной массы. Паровая машина создала поѣзда. Рядъ (по возможности непрерывный—Garmonium Zug) почти тожественныхъ (особенно снаружи) ящиковъ, наполненныхъ людьми—съ виду почти тожественными. Правда, вагоны нѣсколько отличаются по наружной окраскѣ и по внутренней отдѣлкѣ, но сидящіе въ зеленомъ вагонѣ считаютъ вполнѣ доказанной истиной, что эта разница должна непремѣнно быть уничтожена, сидящіе же въ синемъ вагонѣ глубоко увѣрены, что это желаніе въ концѣ концовъ исполнится, надѣются до этого не дожить и стараются объ этомъ думать возможно меньше. Бываютъ впрочемъ поѣзда, состоящіе только изъ одного перваго или третьяго класса—мы приближаемся къ идеалу непрерывнаго однообразія.

Однако, пока эта идея непрерывности, а развитіе ея шло вовсе не такъ непрерывно, какъ оно мной изложено, проникала жизнь человѣчества и воплощалась въ болѣе и болѣе конкретныхъ формахъ, духъ человѣческій продолжалъ эволюировать иногда непрерывно, иногда скачками и тезисъ непрерывности породилъ популярную противоположность въ своемъ антитезисѣ идеѣ прерывности и ея слѣдствіемъ: индивидуализмѣ. Философскій индивидуализмъ блеснулъ тогда еще, когда не былъ завершенъ циклъ воплощенія идеи непрерывнаго коллективизма. Какъ всякій „предчета слишкомъ медленной весны", Штирнеръ не былъ ни услышанъ, ни понятъ окружающими—въ пустынѣ прозвучали его „дерзновенныя рѣчи". Какъ и надо было ожидать, научное оправданіе новой стадіи развитія человѣческаго духа легло на ту научную дисциплину, въ основу которой вошло понятіе непрерывности. Математика, въ лицѣ великихъ представителей своихъ Георга Кантора и Ник. Вас. Бугаева, обратила особое свое вниманія на явленія прерывности математическихъ явленій (функцій). Они не остались въ одиночествѣ—рядомъ съ математиками, аритмологами (блестящій періодъ московской математико-философской школы) работали такіе математики какъ Тейхмюллеръ и фонъ-Эттингенъ. Аналитически непрерывныя функціи стали для этихъ ученыхъ только простѣйшими случаями въ ряду болѣе сложныхъ прерывныхъ явленій, понятіе мірового процесса, какъ процесса аналитически-непрерывнаго (теорія эволюціи Дарвина, детерминизмъ)—довольно примитивнымъ объясненіемъ факта величайшей сложности. Если разумъ человѣчества работалъ надъ укрѣпленіемъ за аритмологическимъ методомъ того мѣста, что раньше принадлежало методу аналитическому, то и душа человѣческая не оставалась чуждой этой работѣ. Самопорожденіе идеи непрерывности въ человѣческомъ духѣ—городъ сослужилъ не малую службу въ этомъ отношеніи. Сглаживая общій ходъ жизни, ведя ее уторопленнымъ темпомъ, сокращая длительность каждаго ощущенія, каждаго переживанія,—онъ породилъ сознаніе силы мгновенія, создалъ поэзію „мига", стремившуюся соединить въ одномъ словѣ, въ одномъ образѣ, рядъ переживаній, для изложенія которыхъ потребовалось бы встарь много и много страницъ. Жизненный процессъ дифференцировался и въ ощущеніи. Художники разбили свѣтовой эффектъ предметовъ на тысячу самостоятельно живущихъ точекъ, линій или кусковъ *).

---

*) Объ этомъ вопросѣ популярные очерки:

Алексѣевъ—пр. Н. В. Бугаева, 1906, ц. 80 коп. Онъ же—„Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія". Юрьевъ, 1903.

Флоренскій—„Объ одной предпосылкѣ міровоззрѣнія". „Вѣсы". 04 ч., № 9, стр. 24—35.

Неврагов Николай Вас. Бугаевъ (математ. сб., т. XV, ч. 1, вторая не имѣется въ продажѣ, ц. 1 р. 50 к.).

Техника не отстала отъ общаго потока: топливо, взорванное мгновенной искрой, даетъ жизнь милліонамъ моторовъ. Моторъ, примѣненный къ передвиженію человѣка, создалъ автомобиль и многіе предпочитаютъ „это“ поѣзду. Дифференцируются путешественники. Не стоитъ ли на очереди завоеваніе воздуха, ставшее возможнымъ только съ пріобрѣтеніемъ мотора? Каменной лавиной покрываетъ нашу жизнь индивидуализмъ. Камни тоскуютъ о времени скальной жизни. Что будетъ въ грядущемъ?

Индивидуализмъ совершенно исключалъ понятіе о человѣкѣ, какъ членѣ государства, народности,—для послѣдовательнаго индивидуалиста такихъ вопросовъ вовсе не существуетъ, но эти извѣчные вопросы не могутъ уйти изъ человѣческаго сознанія „навсегда и окончательно“. Въ этомъ пунктѣ кризисъ индивидуализма—пока еще не разрѣшенный. Но то, что еще не рѣшено въ мірѣ подлунномъ, въ сферѣ жизни настоящей декады, быть можетъ уже нашло свое рѣшеніе въ иныхъ мірахъ и готово воплотиться и въ мірѣ человѣческомъ. Оно уже при дверяхъ. Страхъ утерять свою личность многихъ еще удерживаетъ: индивидуализмъ научилъ цѣнить свое „я“, но въ мірѣ нѣтъ ни одного мистическаго ученія, цѣлью которыхъ было бы его уничтоженіе. Расширеніе, а не уничтоженія личности достигаемъ мы, жертвуя своимъ себялюбіемъ.

Если мы сами творимъ свой „внѣшній міръ“, то творимъ его изъ себя. „Внѣ насъ“—то, что мы не признаемъ своимъ. Чѣмъ больше суживаемъ мы представленіе о своей личности, чѣмъ сильнѣе влюбляемся въ свое „я“, тѣмъ беднѣе становится наша душа—воистину ограбляемъ мы ее *). Тѣло наше (физическое) для насъ нѣчто внѣшнее, „внѣшній міръ“; однако боль отъ порѣза пальца чувствуетъ нашъ мозгъ. Смерть, болѣзнь или большое горе человѣка, любимаго нами, вызываетъ въ насъ болѣзненное ощущеніе, хотя мы не всегда извѣщены объ этомъ и переживающій указанныя состоянія находится весьма далеко отъ насъ. Если подобные случаи относительно рѣдки то причиной тому малая наша любовь, малая наша привязанность. Но переживая чужое страданіе, а еще болѣе (это гораздо труднѣе) переживая чужую радость, мы пріобщаемся жизни другой личности, наше „я“ сливается на мгновеніе съ другимъ „я“. Наша личность расширилась въ этотъ мигъ, слабость наша дѣлаетъ, что это только мигъ. Отъ насъ зависитъ увеличить длительность этого переживанія. Работа надъ созна-

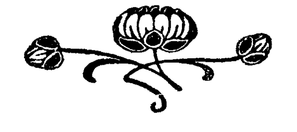
---

*) Это явленіе замѣчается не сразу, а при извѣстной работѣ въ мистическомъ направленіи. Постепенность выясненія бѣдности душевной часто вводитъ ощущающихъ ее въ заблужденіе, и причину духовнаго обѣдненія видятъ въ мистическихъ покровахъ. Часто слышно: „мистика темнитъ міръ“ „теософія грабитъ душу“.

ніемъ общаго единства должна въ началѣ предшествовать, а затѣмъ идти параллельно работѣ чувства по отношенію къ окружающимъ насъ.

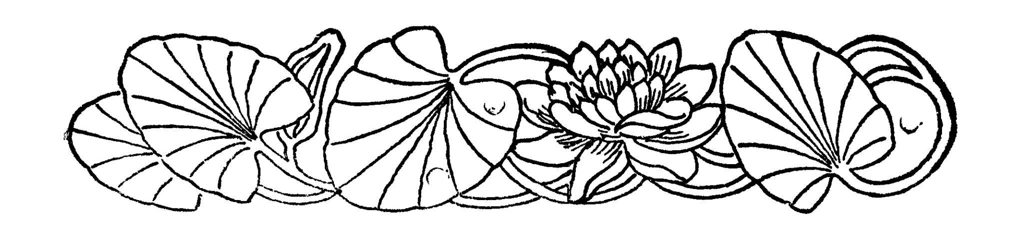
Легче любить тѣхъ, кто дѣлаетъ намъ пріятное, тѣхъ съ кѣмъ мы связаны кровью, но настоящая работа надъ расширеніемъ личности начинается съ перенесеніемъ любви на людей, далеко отъ насъ отстоящихъ. „Любите ближнихъ“ сказалъ Христосъ, и на вопросъ, кто „ближній“, указалъ на самарянина, наиболѣе дальняго человѣка для учениковъ Своихъ. „Любите враговъ вашихъ, добромъ возмѣщая имъ обиды, вамъ чинимыя“, училъ Лао-Цсё (570 л. до Р. Х.): „ибо каждый человѣкъ ты, тобой не принятый. Злѣйшій врагъ твой—ты, тобой же обиженный. Живи соотвѣтственно“. Слова эти на первый взглядъ могутъ показаться вызовомъ здравому смыслу и многіе спрашивали въ Римѣ, многіе недоумѣвали въ Китаѣ, повторяя за Конфуціемъ: „воистину безнравственное говоритъ мудрецъ этотъ—гдѣ же благодарность и уваженіе къ роднымъ: если чужому и врагу ту же любовь отдать, что отцу и другу—имъ что останется? Гдѣ же справедливость?“ Вопросъ этотъ разрѣшается признаніемъ „любви“, по отношенію къ справедливости, явленіемъ иного порядка. Любовь покрываетъ понятіе о справедливости, какъ покрываетъ понятіе разумности; она также сверхъ-справедлива, какъ и ирраціональна. Справедливость останавливается, создавъ норму, разумъ останавливается, создавъ понятіе непознаваемаго—любовь въ безпредѣльности „движетъ солнце и другія звѣзды“ *). Любовью, сливая все новыя и новыя личности, расширяя личность свою, преображая міръ свой—достигаешь высшей жизни, высшаго бытія, высшаго міра, высшаго существованія, единственнаго, за какое стоитъ бороться.

Аксеновъ.

---

*) Данте.

Письмо изъ Англіи.

Международный союзъ ручнаго труда.

(*Продолженіе* *).

Мы собирались говорить на этотъ разъ о практической сторонѣ вопроса. Не будемъ однако забывать, что всякая реформа должна начинаться изнутри, такъ какъ не матерія вліяетъ на духъ, а духъ формуетъ матерію и владѣетъ ею.

Въ этомъ письмѣ хотѣлось бы разсмотрѣть тѣ средства, которыя могли бы при наличныхъ условіяхъ, но подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній пробуждающагося сознанія святости труда, внести новыя силы и новое развитіе въ человѣческую жизнь и отвѣтить на вопросъ: возможно ли на почвѣ любви и мудрости создать международными усиліями тѣ условія, при которыхъ „чудо" счастливаго труда могло бы совершиться?

Вѣра въ такое творчество—дѣло темперамента. Многіе создаютъ отвлеченные идеалы, которые должны осуществиться гдѣ то, когда то, въ далекомъ будущемъ, и повидимому не представляютъ себѣ даже возможности, чтобы они могли осуществиться на ихъ собственныхъ глазахъ. Да полно, начали ли мы жить нашими идеалами?

Видали ли вы когда либо человѣка съ серьезной, сильной волей, которому бы не удалось въ концѣ концовъ оформить и направить условія жизни по своему? Если это не истина, то всѣ теоріи о томъ, что мысль есть дѣятельная сила, что она—реальность, не болѣе какъ дѣтскія грезы. Если же это истина—мы можемъ быть полны надеждъ, такъ какъ люди въ мысляхъ сво-

*) См. „Вѣстникъ Теософіи" 1910 г., № 10, стр. 97.

ихъ уже готовы на все, чтобы возстановить попранный законъ: Трудъ и Любовь едины. Если это такъ, мы добьемся цѣли, сколько бы ошибокъ и терній не повстрѣчалось на нашемъ пути.

Мы не коснемся здѣсь труда художниковъ, артистовъ, писателей, поэтовъ и проповѣдниковъ. Передъ нами слишкомъ пестрый и запутанный мотокъ; тѣмъ болѣе, что эти люди, благодаря своимъ талантамъ приблизившіеся къ Божественной истинѣ болѣе другихъ, сами давно думаютъ эти думы и готовятъ великую эпоху громадной важности, которая приведетъ къ той же конечной цѣли.

Мы обратимся къ тѣмъ членамъ нашего общества, которые страдаютъ и трудятся во всѣхъ углахъ земного шара, трудятся подневольно, до забвенія своей бывшей свободы, до полной безнадежности въ будущемъ. Въ ненормальномъ напряженіи, къ которому привело ихъ нарушеніе закона равновѣсія, труженикъ потерялъ способность думать, создавать и бороться. Кому-нибудь надо заступиться за него, взять его бремя на себя, надо найти *гдѣ* для него лежитъ избавленіе. Кому-нибудь нужно думать его думу, страдать его страданіемъ. Если этотъ другой найдется, страданіе удалится.

Когда мы слышимъ о лѣности бѣдняковъ, объ ихъ непредусмотрительности, порокахъ, грязныхъ привычкахъ—мы попадаемъ въ страшную путаницу понятій, раздражаемся и теряемся въ противорѣчіяхъ.

Что сказали бы мы о докторѣ, который, найдя больного съ симптомами тифа или холеры, впалъ бы въ истерику и убѣжалъ, чтобы не видѣть такихъ ужасовъ? А что означаютъ грязныя привычки, непредусмотрительность и всѣ остальныя аттрибуты нищеты, какъ не симптомы опасной болѣзни, которыя зародились много лѣтъ тому назадъ и которыми съѣдаемо человѣчество, какъ ракъ съѣдаетъ организмъ. Ея причины—несправедливость, невѣжество и эгоизмъ; однако ее считаютъ Божьимъ наказаніемъ и стараются отдаляться возможно болѣе отъ нея. А въ это время молодыя поколѣнія продолжаютъ выращиваться въ зараженной атмосферѣ и падать въ ту же пропасть.

Болѣзнь эта имѣетъ множество градацій и степеней развитія. Много есть и такихъ болѣзней, гдѣ могли бы помочь гигіеническія мѣры и, доставивъ паціенту избавленіе отъ тяжкихъ симптомовъ недуга, принести ему сравнительное здоровье и бодрость.

Не мало тружениковъ—тѣхъ, что принято называть въ Россіи кустарями, встрѣчаются и во Франціи, напримѣръ, въ долинѣ Роны, гдѣ царитъ кустарный трудъ. Правда, пресса ихъ игнори-

руетъ, но тѣмъ не менѣе мѣстность эта представляетъ свой совсѣмъ отдѣльный мірокъ. Если-бъ вы вздумали предпринять пѣшеходное путешествіе и, съ котомкой за плечами, обошли деревню за деревней, разбросанныя по чудной долинѣ Роны, вы, вѣроятно, открыли бы не меньше чудесъ, чѣмъ Ардуинъ Дюмазэ, къ 27 томамъ котораго я и отсылаю тѣхъ, кому интересны описанныя имъ подробности. Повидимому, тамъ каждая деревушка носитъ въ себѣ свой особенный характеръ и свои особые звуки. Въ одной—работались трубки, въ другой—скрипки; здѣсь идея скрипки во всѣхъ степеняхъ своей эволюціи попадается на глаза повсюду; даже на крышахъ сушатся, бѣлятся и спѣютъ разныя части будущихъ скрипокъ. Дальше находимъ фабрику, которая вырабатываетъ только одно безформенное вещество—целюлоидъ, а вокругъ нея группа деревень исключительно занята обработкой этой массы въ различные полезные или элегантные предметы всемірнаго употребленія, имя которымъ—легіонъ. Здѣсь кустарь, окруженный дѣтьми, съ вѣчной трубочкой во рту, по вечерамъ поливаетъ въ своемъ собственномъ саду салатъ и душистый горошекъ. Здѣсь пахнетъ довольствомъ и независимостью.

Есть группа деревень въ Австріи, гдѣ старинное искусство рѣзьбы по дереву возродилось съ новой силой, благодаря энтузіазму и дѣятельности нѣсколькихъ лицъ, которыя захотѣли возродить традиціонныя ремесла отцовъ и наполнили мѣстность веселымъ шумомъ мастерскихъ и ремесленныхъ школъ.

На почвѣ старыхъ традицій и XX вѣкъ отражаетъ свои новыя идеи и новыя переживанія. Вся мѣстность еще полна характерной красоты. Стоитъ лишь пойти въ воскресный день въ церковь. Вотъ молодая мать, загорѣлое, славянское лицо которой выглядываетъ изъ расшитаго бѣлаго головного убора, необыкновенной живописности; въ ея рукахъ дитя, одежда котораго—чудо искусства и техники. Покрывало на ребенкѣ въ сущности должно бы относиться къ церковной вышивкѣ, такъ символичны его рисунки. Трудно вѣрить глазамъ, глядя на такую живую картину въ двадцатомъ столѣтіи. Народному искусству, находящемуся въ такой стадіи развитія, возможно еще помочь, ему *слѣдуетъ* помочь. Друзья, подумайте, не грѣхъ ли разрушать эти граціозные образы? Неужели при переходѣ отъ свободнаго искусства къ платному ремеслу необходимо пройти черезъ вульгарность нашей, такъ называемой, цивилизаціи?

Не окажется ли большой пользой для всѣхъ, если мы поможемъ имъ пройти эту трудную стадію эволюціи, сохранивъ

все, что есть лучшаго въ прошломъ, всю его превосходную технику? Такъ же какъ въ изученіи древнихъ религій мы находимъ ключъ къ познанію истинной религіи будущаго, такъ и въ изученіи труда всѣхъ націй мы находимъ ключъ къ красотѣ труда будущаго. Быть можетъ, какъ многимъ необходимо было пройти черезъ стадію полнаго безвѣрія, такъ и идеѣ труда необходимо было пройти черезъ циклъ машиннаго производства, машинной оптовой жизни, чтобы выйти на настоящую дорогу благороднаго просвѣтительнаго индивидуальнаго труда.

Помощь нужна для *защиты* труженика во время опаснаго перехода отъ труда — какъ естественнаго выраженія духа — къ труду, какъ производству товаровъ ради заработка, при условіи все большей недоступности пользованія землей.

Когда равновѣсіе возстановится,—а это равновѣсіе должно наступить, когда измѣнится наше отношеніе къ землѣ и идея братства осуществится въ жизни,—землепашцу не понадобится производить никакихъ другихъ товаровъ кромѣ зерна. И тогда, живя въ гармоніи съ природой, зимой, когда земля отдыхаетъ и набирается силъ для будущей дѣятельности и землепашецъ, послушный велѣніямъ природы, будетъ отдыхать и набирать силы; а въ это время его поэтическіе таланты, его старинная сила творчества, усыпленные машиннымъ вѣкомъ, снова проснутся, снова расправятъ могучія крылья и внесутъ новые элементы въ пробудившееся сознаніе.

Взглянемъ на нѣкоторыя формы народнаго труда въ Россіи.

Вотъ маленькій, старинный городокъ. Его главная улица мало чѣмъ отошла отъ деревни; нѣсколько каменныхъ домовъ, лавочки, булочныя, торговая площадь, нѣсколько заброшенныхъ складовъ и старинная построечка, покрытая мохомъ—заросшей крышей, съ неизбѣжными вѣсами, на которыхъ, по торговымъ днямъ, мужики взвѣшиваютъ свои возы съ сѣномъ и прочими деревенскими продуктами. Этотъ городишко окруженъ пестрой толпой лачугъ и домишекъ, которые расходятся отъ него по всѣмъ направленіямъ, эти невзрачныя сѣрыя лачуги содержатъ въ себѣ болѣе многочисленное населеніе, чѣмъ самый городъ. Городокъ стоитъ на быстрой рѣчкѣ и когда то былъ бойкимъ, хлѣбнымъ центромъ, но желѣзнодорожная система перенесла этотъ центръ въ другую округу и все торговое значеніе городка рухнуло, хлѣбные склады опустѣли, а пригородные жители, которые когда то имѣли постоянный заработокъ, очутились въ безвыходной нищетѣ. Ни земли, ни заработка; трудъ ихъ больше никому не нуженъ.

Въ тѣ унылые, горькіе дни, побѣда выпала на долю женщинъ. Одна за другой, онѣ взялись за вышиванье золотомъ, узорное тканье и кожаныя издѣлія. Эти ремесла процвѣтали когда то въ мѣстномъ женскомъ монастырѣ. Скоро эти церковныя вышивки видоизмѣнились въ болѣе ходовыя издѣлія, вродѣ туфель, поясковъ, подушекъ и т. д. Товары эти продавались въ московскихъ и петербургскихъ магазинахъ. Впослѣдствіи къ этимъ работамъ присоединилось еще новое производство значковъ для военныхъ мундировъ. Заказы шли отъ военнаго министерства, черезъ посредниковъ—купцовъ; долгіе годы существовала эта работа, но никогда никто изъ окружающихъ не поинтересовался узнать, какъ она велась и какъ оплачивалась. Ни администрація, ни земство, ни ближайшіе сосѣди горожане не находили нужнымъ вникать въ это. Труженники были на лицо, и ихъ трудовая жизнь также; нельзя было не видѣть у каждаго окна склонившихся надъ пяльцами лицъ, а въ блестящихъ магазинахъ Петербурга не замѣтить ихъ роскошныя работы, выставленныя за зеркальными стеклами. Но никому не приходило въ голову узнать, какъ этотъ трудъ оплачивается; это равнодушіе лѣниво-мыслящихъ людей всюду служитъ краеугольнымъ камнемъ для эксплоатаціи и для сопровождающаго эксплоатацію упадка. Этотъ вампиръ явился и въ нашъ городокъ, впился въ его жителей, сжимая ихъ все крѣпче и крѣпче, а жертвы не унимались и требовали работы.

Въ одинъ прекрасный день новая эра озарила обитателей городка. Первый лучъ состраданія былъ брошенъ однимъ добрымъ человѣкомъ, членомъ мѣстнаго земства. Его озарило сознаніе, что прямой его обязанностью было войти въ разсмотрѣніе этого дѣла, узнать какъ обслужены тѣ самыя единицы обложенія, съ которыми имѣетъ дѣло его собственное земство. Онъ отправился на изслѣдованіе изъ дома въ домъ, и тѣ свѣдѣнія, которыя онъ собралъ, заставили его задуматься, глубоко задуматься. Ему показалось, что онъ погрузился въ самый адъ, въ какой то вертепъ грѣха, въ которомъ преступники дѣйствуютъ открыто и безнаказанно, подчиняя все и всѣхъ силѣ широкаго кармана, и со стороны рѣшительно никому не было ни малѣйшаго дѣла до всего этого. Паукъ пользовался своей прерогативой заматывать и высасывать слабо шевелящуюся муху.

Добрый человѣкъ думалъ и думалъ, и наконецъ рѣшился дѣйствовать въ Петербургѣ и отправился въ военное министерство. Между тысячью мелкихъ и крупныхъ колесъ и винтиковъ этой громадной машины розыскалъ пружину, справлялся, хлопо-

талъ, убѣждалъ, наконецъ получилъ подрядъ на значки, запасся моделями и матеріаломъ и вернулся въ свой старомодный городокъ. Прежде всего онъ нанялъ приказчицу для раздачи и получки работы. Такимъ образомъ въ мѣстномъ земствѣ возникла еще новая дѣятельность, новая нива труда и любви. Работа закипѣла, какъ въ отроившемся громадномъ ульѣ съ молодой маткой. Въ концѣ этого періода, добрый человѣкъ снова поѣхалъ въ столицу, повезъ готовый подрядъ и принялъ новый.

Вотъ тутъ и случилось необыкновенное чудо. Денегъ оказалось гораздо, гораздо больше того, что требовалось для уплаты кустарямъ. Онъ сдѣлалъ соотвѣтствующую надбавку къ заработной платѣ, кустари усердно крестились, но, умудренные опытомъ, затаили свою радость въ глубинахъ своихъ терпѣливыхъ сердецъ.

Еще нѣсколько мѣсяцевъ, еще одна поставка значковъ, еще наростающая прибыль, опять надбавка—все это чередовалось съ поразительной быстротой.

Въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ, прикрѣпленномъ веревочкой къ витринѣ превосходныхъ издѣлій, который я читала съ увлеченіемъ, какъ какой нибудь интереснѣйшій романъ на Всероссійской Выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ—почтенный земецъ описалъ этотъ періодъ дѣятельности, и закончилъ такими словами: „наконецъ заработная плата мастерицъ поднялась до 60 коп. въ день, послѣ чего мы нашли невозможнымъ повышать ее, образовали изъ остающихся денегъ фондъ и открыли Земскій Кустарный Отдѣлъ“. Нанятъ былъ отдѣльный домъ, приглашены служащіе и открыто кружевное производство, при чемъ воспроизводились старинные рисунки кружевъ, по коллекціи, сохранившейся у мѣстнаго любителя. Въ настоящее время, послѣ постоянныхъ улучшеній и расширеній, этотъ центръ производства выросъ и окрѣпъ, къ усиліямъ земства присоединили свои усилія и художники, открытъ былъ оптовый складъ и товары его расходятся не только по всей Россіи, но вывозятся и за границу.

Я не хочу этимъ сказать, чтобы примѣръ этотъ былъ идеаленъ, и что не могло быть еще лучшихъ путей, но регистрирую его съ благодарнымъ чувствомъ, т. к. онъ показываетъ, какъ много можно сдѣлать, даже и при существующихъ коммерческихъ условіяхъ трудоваго рынка. Примѣръ этотъ внушаетъ надежду и указываетъ пути, по которымъ могутъ совершенствоваться и производство, и сбытъ ручныхъ издѣлій.

А вотъ другой уголокъ ручного труда, въ которомъ царитъ мракъ, гдѣ ничье любящее сердце не озаряло лучами состраданія

забытой нивы, вслѣдствіе чего всѣ ея поросли зачахли, а цвѣты не имѣютъ силы даже раскрыться. Эта мрачная, безплодная пустыня, въ которой движутся полуживые люди, представляетъ собой большое село съ группой деревень вокругъ, на берегахъ Волги. „Малоземельемъ называется болѣзнь, общая всѣмъ жителямъ этой округи. Давно уже пришлось крестьянамъ взяться за отхожіе промыслы. Дома оставались однѣ женщины и дѣти. Онѣ всѣ съ давнихъ поръ были кружевницами: старыя и молодыя и дѣвочки съ семилѣтняго возраста. Скупщики или, лучше сказать, цѣлая система скупщиковъ свили себѣ тамъ прочное гнѣздо, затягивая петлю крѣпче и крѣпче. Все дешевле и дешевле платили за работу. Кружева выплетались все хуже и хуже, обѣ стороны старались обмануть другъ друга. Кружевницы едва могли заработать на одинъ только ржаной хлѣбъ, едва могли получить пять коп. въ день. Наконецъ эта система погубила сама себя, какъ и всякое зло. Кружево дѣлалось такъ плохо, что и дешевизна не могла привлечь покупателей и все производство, занимавшее нѣсколько тысячъ человѣкъ, рухнуло. Статистика не регистрируетъ факторовъ такихъ драмъ, какъ женщины и дѣти болѣютъ, какъ онѣ чахнутъ, умираютъ; никто изъ внѣшняго міра не знаетъ, не хочетъ знать этихъ факторовъ... Во время этого жестокаго періода нѣкоторымъ изъ женщинъ удалось достать небольшіе заказы на дешевую строчку, одна или двѣ заработали кое что на этихъ заказахъ. Эта вѣсть прозвучала, какъ призывная труба. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль строчка распространилась по селу и близь лежащимъ деревнямъ, какъ оспа. За каждымъ окномъ можно было видѣть склоненныя надъ пяльцами лица женщинъ. Скупщики снова появились. Правда, они пришли съ ничтожной платой, но и это давало жизнь. Скупщики требовали готоваго для продажи товара. Бѣдняки не могли затратиться даже на нѣсколько аршинъ бумажной матеріи и нитки. Это послужило основаніемъ новаго подраздѣленія. Тѣ немногіе, которые могли затратить деньги на матерьялъ, брали заказъ и сдавали за болѣе дешевую плату бѣднѣйшимъ работницамъ. Затѣмъ нашли еще болѣе выгодную операцію—эксплоатацію дѣтскаго труда. Скупщица—часто и сама неимущая горемыка—закупала матеріалъ и производила первую, самую трудную часть работы сама, устанавливала пяльцы во всю длину своей избы и брала дѣвочекъ для послѣдующей механической работы. Одинъ только сортъ шва шился цѣлыми днями при плохомъ освѣщеніи изъ маленькихъ оконъ и цѣлыми вечерами, при слабомъ свѣтѣ дешевой керосиновой лампы, со дня на день, съ недѣли на

недѣлю, съ перваго дня года, до послѣдняго его дня, всю жизнь, все тотъ же самый однообразный шовъ. Склонясь надъ пяльцами, сидя тѣсными рядами, бокомъ, такъ, что одна только правая рука помѣщается надъ пяльцахъ, съ блѣдными какъ бумага лицами, сидятъ эти молодыя жертвы „цивилизаціи", сидятъ и сейчасъ за своей некрасивой, однообразной работой и выпускаютъ въ свѣтъ очень плохую работу, которая однако находитъ себѣ покупателей не только въ Россіи, но и за границей, благодаря своей необыкновенной дешевизнѣ.

И однако тѣ же женщины могли бы зарабатывать въ десять разъ больше, еслибъ нашлась добрая душа, которая взяла бы на себя заботу о судьбѣ малыхъ сихъ, дала бы имъ защиту и знаніе. Скупщикъ, въ томъ видѣ, въ которомъ онъ существуетъ въ настоящую минуту въ Россіи—можетъ доставить лишь дешевый рынокъ, онъ не способенъ совершенствовать, вносить новыя идеи и увеличивать сбытъ издѣлій. Въ его распоряженіи лишь грубые методы и единственное его оружіе—дешевизна и эксплоатація.

Я не сомнѣваюсь, что въ любой странѣ одинаковыя условія и причины должны порождать одинаковые результаты. Мы знаемъ объ эксплоатаціи ручнаго труда въ Англіи (Sweating System) *). Изъ прекрасной книжки д-ра Кумарасвами „Миссія Востока **) мы убѣждаемся, что то же самое происходитъ и въ Индіи. Я даю примѣры изъ русской трудовой жизни, потому что знаю ее лучше и надѣюсь, что наши друзья въ разныхъ концахъ свѣта дополнятъ мой опытъ.

Настоящее письмо появляется одновременно и въ англійскомъ изданіи. Авторъ считаетъ излишнимъ занимать цѣнныя страницы Вѣстника Теософіи перечисленіемъ всѣхъ примѣровъ изъ русской жизни, которые описаны въ англійскомъ изданіи.

Тысячи такихъ примѣровъ можно-бы привести, но и сказаннаго достаточно для постановки вопроса: какимъ образомъ помочь труженикамъ?

Со временемъ мы можемъ заняться этимъ и детально, брать одно производство за другимъ и обсудить спеціальныя нужды и условія каждаго. Сегодня мнѣ бы хотѣлось лишь указать на общее направленіе помощи, какъ она практикуется въ настоящее время въ Россіи.

Въ Россіи обыкновенно думаютъ, что помощь должна состоять въ *обученіи* техникѣ того или другого производства. Въ

*) См. The Sweating System of England by Clementma Black.

**) Message from the East—by Dr Coomaraswamy. Madras, India.

центрѣ какого нибудь женскаго кустарнаго производства открываютъ школу, приглашается дешевая учительница изъ Петербурга, прошедшая трехлѣтній курсъ даннаго ремесла, по окончаніи обученія грамотѣ въ сельской школѣ, и ничего болѣе. Нерѣдко это бываетъ неразвитое, неспособное существо, безъ малѣйшей идеи о томъ, *какъ* учить ремеслу. Иногда на мѣсто инструктора попадаетъ по протекціи какая нибудь иностранка, модистка или неудачливая гувернантка. И вотъ вновь открытая ремесленная школа, съ своими готовыми дешевыми городскими уставами внѣдряется въ чуждый ей крестьянскій міръ, жизнь, исторія и традиціи котораго для представителей городской цивилизаціи совершенно непонятны.. Школа вноситъ западные методы, а крестьянство живетъ восточными традиціями. Обученіе касается лишь внѣшности, старыя традиціи относятся къ сущности вещей.

Школа не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, что жило въ данной мѣстности до ея появленія и каковы были въ этой мѣстности традиціи и методы. Никому этого и въ голову не приходитъ. А между тѣмъ, могло быть и такъ, что бабушки и даже матери настоящихъ ученицъ обладали мастерствомъ съ тысячелѣтнимъ прошлымъ, и столь сложной и символической техникой, что ни одна изъ новыхъ учительницъ не въ состояніи была бы скопировать образцы этой техники *). Еслибъ дѣти были оставлены въ рукахъ матерей—при условіяхъ правильной поддержки сельскихъ ремеслъ и обезпеченнаго сбыта—они сдѣлались бы такими же искусными работницами, съ дѣтства вдыхая атмосферу выработаннаго вѣками красиваго труда и принимая въ немъ неминуемое дѣятельное участіе.

Зная все это, зная цѣну традиціоннаго символизма и врожденнаго художественнаго вкуса, тяжело смотрѣть на результаты школьнаго ремесленнаго обученія. Все въ немъ хаотично, случайно. Какая нибудь машинная „отдѣлка", давно вышедшая изъ моды, какая нибудь бездѣлка art nouveau **), которыя фабрикуются милліонами, чтобы пощеголять недѣлю-другую въ „высшемъ свѣтѣ" и спускаться затѣмъ ниже и ниже въ груды разныхъ „дешевокъ"; какой нибудь интересный эффектъ машиннаго ткачества—модный сегодня и отброшенный въ хламъ завтра, все это

---

*) Интересующимся этимъ вопросомъ предлагаю ознакомиться съ „Мордовской орнаментикой" д-ра Геккеля (Гельсингфорсъ, цѣна 25 р.) и въ то же время взглянуть на работы черемисокъ—ученицъ Казанской ремесленной школы.

**) То, что въ Россіи называется „декадентствомъ".

можетъ прельстить провинціальныхъ кустарныхъ дѣятелей, и становится „образцами“ для школъ и учебныхъ мастерскихъ.

Въ моей памяти сохраняется множество примѣровъ расцвѣтанія и паденія лѣтописей нарожденія и смерти мимолетныхъ производствъ, и увы, много сказаній объ ихъ хиломъ дѣтствѣ и неправильномъ, искалѣченномъ ростѣ. Постороннему наблюдателю все это представляется хаосомъ, но человѣку, живущему въ этомъ мірѣ труда, оно говоритъ другое. Причина этого печальнаго положенія народнаго труда коренится въ разрозненности.

Труженники, руководители, созидатели и потребители не связаны между собой необходимымъ чувствомъ. Они не знаютъ другъ друга, они бродятъ въ потемкахъ, не сознавая, что они—члены одного общаго тѣла, дѣйствующіе по одному общему закону, что они не могутъ существовать одни безъ другихъ. Вмѣсто планомѣрной гармоніи—хаосъ, безпорядокъ, рознь. Что же иное можетъ быть въ результатѣ, кромѣ упадка и нищеты?

Гдѣ нибудь въ далекой деревнѣ, является мѣстный дѣятель или дѣятельница, собираетъ крестьянъ и раздаетъ имъ работу, иногда для какой нибудь городской фирмы; въ другой мѣстности какая нибудь добрая душа съ наилучшими намѣреніями, живя круглый годъ въ деревнѣ и побуждаемая неурожайнымъ годомъ, начинаетъ давать заказы крестьянкамъ въ духѣ филантропіи. Кто либо изъ ея друзей того же направленія раскупаютъ эти издѣлія и стараются распространить ихъ. Какая нибудь случайная протекція помогаетъ добыть ежегодную стипендію и вотъ пущено въ ходъ новое производство! Оно можетъ кончиться очень печально въ томъ случаѣ, когда нѣтъ знаній и производятся негодные для продажи товары; иногда же получается неожиданный успѣхъ, въ особенности, когда иниціаторъ не столько учитъ, сколько самъ вникаетъ и старается вызвать лучшія традиціонныя способности работницъ, ихъ сильныя, характерныя черты. Подобныя издѣлія пробираются за границу и продаются по высокимъ цѣнамъ. Среди крупныхъ центровъ народнаго труда та же обособленность. У насъ есть и земскіе, и общественные, и частные склады и мастерскія, есть и акціонерныя предпріятія, и множество мелкихъ начинаній по всей Россіи. Есть люди, жаждущіе направлять, учить, служить посредниками, есть скупщики всевозможныхъ сортовъ и направленій, а за ними сотни тысячъ труженниковъ и всѣ они бредутъ врозь. Это уже не случайное, минутное, переходное положеніе, а фактъ, отъ котораго никуда не уйдешь. Онъ тутъ, передъ глазами, хаотичный, вопіющій и тре-

бующій помощи. Цѣнный опытъ одного теряется въ пространствѣ за спинами тѣхъ тысячъ, которымъ этотъ опытъ необходимъ; ошибки другого повторяются безсознательно третьимъ. Знанія, пріобрѣтенныя большими жертвами и усиліями, пропадаютъ безслѣдно.

Если таковъ результатъ разрозненности въ одной и той же странѣ—насколько же ощутительнѣе онъ въ международномъ опытѣ? На сколько безъ сравненія меньше мы знаемъ о вкусахъ чужихъ странъ и объ ихъ потребностяхъ, какъ мало знакомы мы съ заграничными рынками? А между тѣмъ XX столѣтіе отошло далеко отъ XIX-го и міръ дѣлается все меньше и меньше. Въ старину мы говорили о границахъ нашей деревни, потомъ губерніи, а теперь пора изучать чужія страны, понять свою международную миссію и присоединить и свой голосъ къ международному концерту!

Русскій провинціалъ равнодушенъ къ характернымъ чертамъ и символамъ своей родной округи, а привезите ему японскія, индусскія—или французскія и испанскія издѣлія и посмотрите—какое создается возбужденіе! Англичанкѣ быть можетъ надоѣли британскіе, когда то нравившіеся товары, красующіеся въ окнахъ Бондъ-Стритъ, но глаза ея притягиваются какъ магнитомъ оригинальными русскими издѣліями, которыя новы и интересны и для глаза и для ума. Совершенно естественно и намъ примѣняться къ новымъ временамъ. Мыслитель хорошо понимаетъ значеніе международныхъ тяготѣній. Пути къ общей цѣли все болѣе и болѣе переплетаются, а тѣ, которые идутъ по этимъ путямъ, становятся все болѣе и болѣе братьями, все болѣе и болѣе нуждаются другъ въ другѣ.

Международный Союзъ ручного труда пытался проложить первые пути единенія между разными странами. Онъ можетъ разрастись по всему свѣту, внести новую ноту, новое служеніе и набирать силы черезъ каждую изъ своихъ вѣтвей, дѣйствуя съ помощью дружескихъ рукъ по всѣмъ уголкамъ земли.

Центральнымъ узломъ Союза могъ бы служить Лондонъ. Этотъ центръ можетъ привлечь ручной трудъ со всѣхъ странъ свѣта и раскрыть новыя сокровища для ищущихъ красоты и оригинальности, для изслѣдователей, ученыхъ, этнографовъ, коллекціонеровъ, просто свѣтскихъ женщинъ и хозяекъ. Изъ этого средоточія обмѣна издѣлій ручнаго труда могутъ протянуться нити по всему свѣту, направляя англійскія, индусскія и другія издѣлія въ Россію, а русскія, венгерскія и др. въ Индію, при

чемъ все безконечное разнообразіе національностей всего міра объединилось бы въ одной общей идеѣ святости и красоты труда. Для дѣятелей и распорядителей въ сферѣ ручного труда эти международные склады послужатъ источникомъ вдохновенія, а для труженниковъ—такимъ мѣстомъ сбыта, гдѣ они будутъ прямыми участниками и гдѣ найдутъ умѣлое и внимательное *) отношеніе.

Въ настоящую минуту идея труда, основаннаго на любви и единеніи, кажется еще утопіей, витающей гдѣ то въ облакахъ, но таковой была любая прогрессивная идея наканунѣ своего осуществленія въ конкретномъ мірѣ. Если человѣчеству суждено прогрессировать, идеи единенія должны неизбѣжно придти къ осуществленію, и тогда эволюція международнаго обмѣна можетъ принять неслыханные размѣры. Международные склады ручного труда начнутъ расти и они разольются по всему свѣту настолько же шире, насколько идея международности шире мѣстной, провинціальной обособленности. Заброшенныя ремесла и производства снова войдутъ въ силу и мечта о возможности „сѣсть на землю“ или мечта англичанъ о „small holdings“, которая теперь не въ состояніи прокормить семью круглый годъ—осуществится и тогда и города освободятся отъ скученности, которая въ настоящее время принимаетъ такіе угрожающіе размѣры.

Дана.

*) Объ умѣлой и внимательной работѣ лицъ, которымъ будетъ ввѣрено служеніе этому дѣлу, надѣемся дать отдѣльный очеркъ со временемъ.

Редакторъ-Издательница А. А. Каменская.